

Выпуск 3 (21), 2020

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2020. Вып. 3

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-78823 от 30 июля 2020 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е. М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В. М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О. С. Горелов, канд. филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А. Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М. В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К. В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н. Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д. И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А. И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А. А. Житнев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф. И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е. В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р. Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф. А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц. Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А. А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В. Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З. А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю. Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В. Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К. А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 37, к. 406
тел. (4932) 30-02-16
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2020

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2020. Issue 3

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФC77-78823 of July 30, 2020

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E. M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V. M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O. S. Gorelov, Candidate of Science, Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A. Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M. V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K. V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)
N. Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D. I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A. I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F. I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E. V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R. Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F. A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C. Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A. A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V. N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z. A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu. L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V. L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K. A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 37, office 406
tel. (4932) 30-02-16
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Белозерова А. В. Использование параллельных русско-английских и англо-русских корпусов общественно-политических текстов: методический аспект	5
Высокович К. О. Легкие комедии в творчестве Н. И. Хмельницкого	12
Горелов О. С. История сюрреалистической антимузыкальности в практиках инновативной русской поэзии	20
Григорян А. А., Григорян А. Ю. О лексическом компоненте в преподавании грамматики английского языка	30
Хачикян Е. И., Похаленков О. Е. Концепт «враг» в романе Лиона Фейхтвангера «Семья Опперман»	34

История

Балдин К. Е. Технический прогресс крестьянского хозяйства в Костромской губернии в начале XX в.	39
Ковров Т. А. Представители сословий города Шуи и Шуйского уезда в учетно-ссудном комитете при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка (На материалах Государственного архива Ивановской области)	48
Околотин В. С. Агитационно-пропагандистская защита интересов государства в Ивановской области в 1941 году	58
Самотовинский Д. В. «Мир ещё не состарился, подойдя к своему концу»: перспектива будущего в поэзии Пьера де Ронсара до и после 1562 года	66

Философия

Белоусов П. А. Художественно-философский натурализм и ноосферное мировидение М. М. Пришвина	74
Булычёв И. И. Человеческая революция как революция в сознании	85
Брагин А. В. Фазовый объем восприятия реальности: детерминанты и средства выражения	93
Тимошук А. С., Трофимова Н. Н. Медиатизация общественного интеллекта	99
Куликова О. Б. Многомерность сознания и проблема его концептуализации	106
Финогентов В. Н. О структурной и генетической неоднородности неисчерпаемого универсума	110
<i>Сведения об авторах</i>	123
<i>Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»</i>	126

CONTENTS

Philology

Belozeroва A. V. Usage of parallel Russian-English and English-Russian corpora of social and political speech texts: teaching methods aspect	5
Vysokovich K. O. «Social» comedies in the works of N. I. Khmel'nitsky	12
Gorelov O. S. History of surrealist anti-musicality in the practices of innovative Russian poetry	20
Grigoryan A. A., Grigoryan A. Yu. On a lexical vector in teaching English grammar	30
Khachikyan E. I., Pokhalenkov O. E. The concept of «enemy» in the novel by Lion Feuchtwanger «The Opperman family»	34

History

Baldin K. E. Technical progress of the peasant holding in Kostroms province in the early 20 th century	39
Kovrov T. A. The representatives of the estates of the city of Shuya and the Shuya district in the accounting and loan committee at the Ivanovo-Voznesensky branch of the State bank (On the materials of the State archive of the Ivanovo region)	48
Okolotin V. S. Agitation and propaganda protection of state interests in the Ivanovo region in 1941	58
Samotovinskij D. V. «The world has not grown old yet, having come to its end»: a perspective of the future in the poetry of Pierre de Ronsard before and after 1562	66

Philosophy

Belousov P. A. Artistic and philosophical naturalism and the noospheric world view of M. M. Prishvin	74
Bulychev I. I. The human revolution as the revolution in consciousness	85
Bragin A. V. Phase volume of the perception to reality: determinants and facilities of the expression	93
Timoschuk A. S., Trofimova N. N. Mediatization of public intelligence	99
Kulikova O. B. Multidimensionality of consciousness and the problem of its conceptualization	106
Finogentov V. N. On structural and genetic heterogeneity an inexhaustible universum	110
<i>Information about the authors</i>	123
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	126

УДК 81'33
ББК 81.1
DOI: 10.46726/Н.2020.3.1

А. В. Белозерова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ И АНГЛО-РУССКИХ КОРПУСОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Настоящая статья посвящена описанию процесса составления и анализу небольших русско-английских и англо-русских корпусов общественно-политических текстов. Данные корпуса могут быть полезны в ходе переводческих исследований, а также эффективно внедрены в процесс преподавания переводческих и прочих дисциплин. В статье описываются этапы создания корпуса на платформе Sketch Engine. Платформа предлагает удобную возможность быстрого создания индивидуального исследовательского корпуса. В статье рассматриваются предлагаемые платформой функции для работы с текстами: опции для выявления переводческих трансформаций, степени лексической и грамматической сочетаемости различных единиц языка, уровни эквивалентности в зависимости от контекста, а также использование этих параметров в процессе обучения переводу. Скомпилированный корпус позволит проанализировать эквивалентные единицы в двух языках (русском и английском), а также проследить переводческую логику, выявить и проанализировать необходимость и эффективность использованных переводческих стратегий, оценить уровень адекватности перевода посредством параллельного сопоставления оригинального и переводного текстов. Параллельный корпус также сможет облегчить процесс обобщения всех возможных переводческих приемов и позволит применить их на практике — в ходе преподавания или самостоятельного перевода.

Ключевые слова: параллельный переводческий корпус, политическая речь, переводоведение, методика преподавания, корпусная лингвистика.

А. V. Belozerova

USAGE OF PARALLEL RUSSIAN-ENGLISH AND ENGLISH-RUSSIAN CORPORA OF SOCIAL AND POLITICAL SPEECH TEXTS: TEACHING METHODS ASPECT

The paper deals with the compilation and examination of a small-scale Russian-English and English-Russian corpora of political speech texts to contribute to translation studies and their methods of teaching. It describes the steps of corpus creation on Sketch Engine platform that offers a possibility to create an individual research corpus. The article explores the program options to represent translator's transformations, degree of usability of some constructions and lexical units, equivalence level and its context dependence. The compiled corpus allows for both analysis of lexical and syntactical equivalents of two languages and study of the principles of translation transformations while contrasting the original and its translation. It facilitates in summarizing the translation strategies that can be used for teaching purposes.

Key words: parallel translation corpus, political speech, Translation Studies, Methods of Teaching, Corpus Linguistics.

© Белозерова А. В., 2020

Быстрое развитие информационных технологий оказывает огромное влияние на современную лингвистику, делая корпус как инструмент работы с текстами одинаково необходимым и доступным для ученых. С одной стороны, корпус представляет собой постоянно обновляемое хранилище текстов; с другой стороны, корпус — это инструмент для получения новых лингвистических и экстралингвистических данных.

В настоящее время составление, изучение и описание различных корпусов стали важными составляющими во многих сферах исследования языка, в том числе в лексикографии, методике преподавания иностранных языков, переводоведении и проч. [4, 6, 7]. Корпусные технологии предоставляют возможность легко структурировать и синхронизировать тексты на родном и иностранном языках с помощью специализированного программного обеспечения, что заметно уменьшает время работы ученого, студента или переводчика на совершение эквивалентных операций или полностью устраняет необходимость в их проделывании [5].

На сегодняшний день в корпусной лингвистике преобладают корпуса текстов английского языка, что объясняется его международным статусом (Corpus of Contemporary American English, British National Corpus, Just the Word, Phrases in English, Open American National Corpus, Cambridge English Corpus, Michigan Corpus of Academic Spoken English, International Corpus of English, Word Neighbors, Corpus of Historical American English, Collins Corpus, и др.).

Однако одновременно с англоязычными корпусами стали возникать и корпуса текстов на других языках. В связи с этим в корпусной лингвистике появляется все больше и больше работ сравнительно-сопоставительного характера. Появившиеся параллельные и сопоставимые (сравнительные, условно параллельные) корпуса представляют собой важнейший ресурс для изучения контрастивной лингвистики и переводоведения (the English/German Translation Corpus, English-French International Telecommunication Union Corpus, OPUS (Open Source Parallel Corpus), Corpus on National Russian Language: Parallel Corpus (English), EUROPARL European Parliament Proceedings Parallel Corpus 1996—2011 и др.). Корпуса такого типа позволяют нагляднее представить и глубже проникнуть в особенности сопоставляемых языков, их типологические и культурные сходства и различия. Возросший интерес к такому детальному сравнению и сопоставлению языков дал толчок к развитию и усовершенствованию алгоритмов параллельного выравнивания текстов корпуса, его инструментов управления и интерфейса, поиска и обработки большого количества данных.

По тому, сколько языков представляет параллельный корпус, можно выделить двуязычные и многоязычные корпуса. Акцентируя внимание на тематике представленных в корпусе текстов, исследователи выделяют корпуса, охватывающие язык для специальных целей (тексты объединены определенной темой или жанром, например, корпуса текстов в отрасли «кораблестроение», электронного наследия, текстов школьников, изучающих английский язык и проч.) и охватывающие весь язык в целом вне зависимости от жанра, тематики и даты создания входящих в него текстов. Параллельные корпуса, содержащие текст оригинала и его перевод, иногда также называют переводческими корпусами.

Настоящая статья ставит перед собой задачу описать механизм составления параллельного корпуса русско-английских и англо-русских общественно-политических текстов и возможности его использования

как инструмента для обучения переводу и преподавания переводоведческих дисциплин.

В сети Интернет размещено большое количество переводческих корпусов (как коммерческих, так и в свободном доступе), но на настоящий момент не существует параллельных русско-английских и англо-русских корпусов текстов, объединенных социально-политической тематикой. Также несмотря на то, что политическая речь как жанр публичного выступления уже долгое время находится под пристальным вниманием исследователей и была изучена с точки зрения лингвистики, риторики, психологии и, безусловно, переводоведения, корпусный подход к анализу политических выступлений, их перевода и дальнейшего использования в практике преподавания является новым.

Коммуникативная сущность политической речи определяется контактом, установленным между оратором (политиком или государственным деятелем) и его аудиторией; осуществлением целенаправленной адресной связи между ними посредством доступной и адекватной восприятию знаковой системы для передачи идей, образов и символов. Политическая речь наиболее эффективна в своем влиянии на аудиторию при наличии политической конкуренции, т. к. оратор пытается привлечь внимание аудитории к своим идеям и действиям, стремясь выделиться на фоне остальных государственных деятелей [1, с. 128]. Для достижения этой цели политиком используются различные риторические и стилистические приемы: лаконичность; демонстративность; смысловая и информативная насыщенность; жанровое разнообразие языковых средств; употребление общественно-политической лексики и фразеологии, заимствованной из других стилей; использование речевых стереотипов и клише; употребление многозначной и эмоционально-экспрессивной лексики [1, 3]. Приведенные стилистические особенности могут ставить перед переводчиком ряд трудноразрешимых задач, степень выполнения которых позволяет оценить переводческий корпус. Переводческий корпус — неоценимая помощь в наглядном сопоставлении исходного и переводного текстов с целью оценить качество перевода, проанализировать переводческие стратегии и выделить использованные переводческие трансформации.

Под руководством Светланы Андреевны Маник, кандидата филологических наук, доцента, декана факультета Романо-германской филологии, по гранту Ивановского государственного университета нами ведется работа по компиляции параллельного двуязычного корпуса оригинальных текстов и переводов выступлений, пресс-конференций и обращений российских и зарубежных политиков. Политические тексты и их переводы, опубликованные в период с января 2020 года и по настоящее время, взяты с официальных правительственных сайтов (<http://kremlin.ru/>, <https://www.whitehouse.gov/>, <https://www.gov.uk/>) и других медиа-ресурсов (<https://inosmi.ru/>, <https://www.rt.com/>, <https://www.economist.com/>, <https://www.bloomberg.com/europe>, <https://www.euronews.com/>, <https://www.aljazeera.com/>, и т. д.). Далее тексты были размещены на платформу Sketch Engine (<https://www.sketchengine.eu/>).

Sketch Engine — это специализированный ресурс в сети Интернет, разработанный специально для автоматического составления корпусов различных видов и размеров и обладающий всем необходимым функционалом для дальнейшей работы с ними.

Перед загрузкой на сайт для автоматического составления параллельного корпуса переводов необходимо сначала вручную выровнять текст оригинала и перевода в таблицах Excel (см. табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент таблицы Excel, подготовленный для загрузки на сайт

Russian	English
Добавлю, мы уже приняли решение, что при рождении третьего ребёнка государство «гасит» за семью 450 тысяч рублей её ипотечного кредита.	Let me add that we have already made the decision that when the third child is born, the government pays 450,000 rubles towards the family's mortgage loan.
То есть в целом семья с тремя детьми сможет при помощи государства вложить в решение своей жилищной проблемы свыше одного миллиона рублей.	This means that overall a family with three children will be able to invest over one million rubles to solve their housing problems with the help of the government.

Выравнивание текста вручную — широко распространенная практика среди переводчиков. Это позволяет наглядно увидеть различия в передаче прямой речи и диалогов, переводе осложненных предложений, выразительных конструкций и стилистически маркированной лексики. Фрагментация целого текста может производиться как по предложениям, так и по смысловым частям или абзацам, в зависимости от поставленных задач. Начало и конец предложения в готовом корпусе будут представлены, соответственно, как <s> и </s>. Токенизация, выравнивание, стемминг и частеречная разметка при загрузке готового текста на сайт выполняются автоматически [6].

Функциональность и удобный интерфейс Sketch Engine делает его идеальной платформой для преподавания переводоведческих дисциплин. Рассмотрим некоторые возможности сайта, которые возможно применить в ходе занятий.

Опция Word Sketch позволяет проиллюстрировать грамматическую и лексическую сочетаемость отдельно взятого слова в отобранном материале на языках, представленных в корпусе. Так, без специального словаря, можно посмотреть сочетаемость слов в языке оригинала и их переводной эквивалент, а также набор доступных коллокаций по теме. Например, слово «страна» выступает в качестве подлежащего и сочетается с глаголами «переживать», «стоять», «сталкиваться», в то время как в английском языке подлежащее «country» сочетается со сказуемыми «set», «go», «become», «have», «be». В адъективно-именных словосочетаниях то же слово модифицируется прилагательными «успешный», «огромный», «большой», в то время как в английском языке спектр прилагательных представлен более широко: «European», «African», «successful», «winning», «huge», «founding», «entire», «different». Анализ такого явного количественного несоответствия числа примеров схожих моделей лексико-грамматической сочетаемости (SUBJECT+VERB — ПОДЛЕЖАЩЕЕ+СКАЗУЕМОЕ; ADJECTIVE+NOUN — ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ+СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ) в исходном и переводном текстах поможет натолкнуть студентов на поиск альтернативных и актуальных конструкций перевода искомого словосочетания. Например, русская конструкция СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ+СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ («страны Европы») не всегда будет передаваться в английском языке схожей конструкцией NOUN+NOUN, а скорее ADJECTIVE+NOUN («European countries»). Или поиск эквивалентов именных словосочетаний с тем же ключевым словом «страна» — «ВВП страны», «оборонеспособность страны», «педагоги страны» (СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ+СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ), с использованием опции Word Sketch даст студентам понимание о другом возможном устойчивом

варианте перевода — «country's GDP», «country's security», «country's teachers» (POSSESSIVE CASE OF A NOUN+NOUN).

Другая функция — построение тезауруса — может оказаться эффективной для составления семантико-синонимических полей по выбранной теме, поможет расширить и актуализировать вокабуляр при самостоятельном переводе текстов схожей тематики. Так, опираясь на тезаурус по скомпилированному корпусу, семантико-синонимичное поле слова «закон» выглядит следующим образом: Конституция, мера, проект, решение, правило, требование, принцип, постановление, декрет, статут. Аналогичная процедура со словом «law» дает следующие результаты: Constitution, code, system, rules, regulations, command, order, measure, decree, act, bill.

Поиск в конкордансе по леммам, словам и фразам показывает их во всех встречаемых контекстах, подсвечивая искомые единицы красным. Выполняя перевод слова или словосочетания или самостоятельно составляя тексты обучающийся может посмотреть все возможные контексты употребления, например, специальных терминов, стилистически маркированной лексики и т. д. Так лемма «налог» встречается в корпусе в следующих контекстах: «двузначная инфляция фактически была налогом на всех граждан страны», «трёхлетнюю льготу по налогу на прибыль», «облагаются реальной ставкой налога лишь в 2 процента», «установить налог на процентный доход в размере 13 процентов», «отсрочки по налогам» и др.

Самый полезным инструментом при обучении переводу, на наш взгляд, является возможность составления параллельных конкордансов. Фрагменты текста (предложения или абзацы) на языках оригинала и перевода представлены рядом, так что пользователь имеет возможность оценить качество перевода, выбранную переводческую стратегию и ее успешность, примененные в ходе перевода трансформации. Поиск по параллельному конкордансу так же осуществляется по леммам, фразам или словам. Результаты поиска в оригинальном тексте выделены красным, в переводном тексте — желтым. Стоит отметить, что алгоритм автоматического поиска и сопоставления лексических единиц не совершенен. В переводном тексте желтым будут выделены только полные словарные соответствия данного слова и его использованные синонимы по тезаурусу, сложно переводимые единицы или вольные переводческие интерпретации выделены не будут или будут отображаться неверно. Однако поскольку фрагменты текстов выровнены параллельно, это несовершенство позволяет обучающемуся самостоятельно проанализировать перевод и выделить в нем необходимый эквивалент. В таблице 2 представлен фрагмент результатов поиска в параллельном конкордансе по лемме «гражданин». В первой строчке алгоритм автоматического поиска и сопоставления смог найти эквивалент в тексте перевода («граждан» — «citizens», в таблице выделено жирным). Вторая строчка показывает неспособность системы найти необходимый эквивалент этому же слову в переводе («fellow Russians», в таблице выделено курсивом). Анализ подобного сбоя в алгоритмах поможет студенту увидеть использованные переводческие стратегии, попытаться дать им обоснование, оценить выбранный переводчиком вариант по степени его адекватности, попытаться представить собственный более удачный вариант перевода. Полный анализ не найденных соответствий по лемме «гражданин» дал следующие варианты: «people», «fellow Russians», «families», «people of Russia», «individuals», «public».

Таблица 2

**Фрагмент результатов поиска в параллельном конкордансе
по лемме «гражданин»**

Russian	English
<s>Но есть острейшая проблема, которая является прямой угрозой нашему демографическому будущему, — это низкие доходы значительной части наших граждан , семей.</s>	<s> But there is a daunting challenge that directly threatens our demographic future and it is the low income of a significant part of our citizens and families. </s>
<s>Уважаемые члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы!</s><s>Уважаемые граждане России!</s><s>Послание Федеральному Собранию впервые оглашается в самом начале года.</s>	<s> Members of the Federation Council, State Duma deputies, <i>fellow Russians</i> , The Presidential Address to the Federal Assembly is delivered at the very beginning of the year for the first time.</s>

Работа с параллельным конкордансом упрощает поиск переводческих трансформаций (см. табл. 3). Под переводческими трансформациями понимаются преобразования, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода [2, с. 131]. Студент сможет не только самостоятельно оценить, удалось ли переводчику передать все необходимые оттенки значения, но и проанализировать адекватность использования той или иной переводческой стратегии, предложив при переводческом провале или неточности свой вариант.

Таблица 3

**Примеры переводческих трансформаций, найденных
с помощью параллельного конкорданса**

Russian	English
Целостное переосмысление	
<s>Ну вы чего?</s>	<s> Come on! </s>
Транспозиция	
<s> Выплаты будут получать семьи, чьи доходы не превышают одного прожиточного минимума на человека.</s>	<s> Families whose incomes do not exceed per-capita subsistence minimum will receive these payments.</s>
Объединение высказываний	
<s>В этой связи предлагаю предусмотреть ежемесячные выплаты на детей в возрасте от трёх до семи лет включительно.</s><s>Причём уже с 1 января 2020-го, текущего года.</s>	<s>In this connection, I suggest we introduce monthly payments for children aged between three and seven starting already from January 1, 2020. </s>
Реметафоризация	
<s> <i>Забвение прошлого</i> , разобщённость перед лицом угроз могут обернуться страшными последствиями.</s>	<s> <i>Destruction of the past</i> and lack of unity in the face of threats can lead to terrible consequences.</s>
Антонимический перевод	
<s>А долг современных и будущих политиков, государственных и общественных деятелей – защищать доброе имя живых и павших героев, мирных жителей, жертв нацистов и их <i>пособников</i> .</s>	<s>It is the duty of current and future politicians, state and public figures to protect the good name of the living and fallen heroes, civilians and victims of the Nazis and their <i>allies</i> . </s>

Параллельные корпуса являются незаменимыми инструментами для исследователей, переводчиков и преподавателей, поскольку они обобщают уже существующие практики и внедренные стратегии перевода. Разрабатываемый корпус общественно-политических текстов на данном этапе является небольшим и требует дальнейшего расширения и обновления. Обновленный, он сможет предоставить больше эквивалентов, иллюстрирующих семантические вариации, грамматические и синтаксические преобразования, и обеспечит репрезентативность результатов проделанной работы. Подобный усовершенствованный параллельный корпус может быть использован при обучении переводоведческим дисциплинам (теория перевода, практический курс перевода и др.), а также применяться во время производственной переводческой практики и практических занятий по общественно-политической тематике.

Список литературы

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Высш. шк., 2008. 462 с.
2. Вишневецкий А. В. Теоретические и прикладные аспекты перевода. Иваново: Иван. гос ун-т, 2009. 207 с.
3. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2008. 465 с.
4. Corpus-based Translation Studies: Research and Applications / eds. A. Kruger, K. Wall-Mach, J. Munday. Bloomsbury Academic, 2011. 320 p.
5. Fantinuoli C., Zanettin F. Creating and Using Multilingual Corpora in Translation Studies // New Directions in Corpus-based Translation Studies. Language Science Press, Berlin, 2015. P. 1—11.
6. Manik S. On Difficulties of Compiling Parallel Corpus of Socio-Political Terms // Procedia-Social and Behavioral Sciences. Vol. 198. Current Work in Corpus Linguistics: Working with Traditionally-conceived Corpora and Beyond. Selected Papers from the 7th International Conference on Corpus Linguistics (CILC2015). Procedia-Social and Behavioral Sciences, 2015. P. 465—473.
7. Olohan M. Introducing Corpora in Translation Studies. Routledge Publishing, 2004. 232 p.

УДК 821.161.1"18"-22
 ББК 83.3(2=411.2)5-46
 DOI: 10.46726/И.2020.3.2

К. О. Высоквич

ЛЕГКИЕ КОМЕДИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. И. ХМЕЛЬНИЦКОГО

В статье рассматриваются светские комедии известного драматурга рубежа 1810—1820-х годов Н. И. Хмельницкого. Основное внимание уделяется анализу сюжетных особенностей, а также характеристике персонажей. Комедии рассматриваются в хронологической последовательности, было проанализировано пять пьес: «Говорун» (1817), «Воздушные замки» (1818), «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе» (1820), «Светский случай» (1826), «Взаимные испытания» (1826—1829). В основном Хмельницкий заимствовал сюжеты своих комедий у французских авторов, вдыхая в их тексты новую жизнь. Хмельницкий заставил героев своих комедий говорить лёгким и изящным языком светского общества, к которому сам и принадлежал. Работая над русскими переделками лёгких французских комедий, Хмельницкий основательно сокращает оригинал, убирая ненужные детали и второстепенные события, и оставляет лишь главную интригу, в основе которой водеvilльная ситуация — недоразумения. При этом на первый план он выдвигает один характер, один образ, усиливая и подчас гиперболизируя присущие ему черты, по этому принципу построены комедии «Говорун», «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе», «Воздушные замки». Две оставшиеся комедии строятся по-другому, в них любовная интрига переходит на первый план.

Ключевые слова: Н. И. Хмельницкий, легкая комедия, «Говорун», «Воздушные замки», «Светский случай», «Взаимные испытания», «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе».

К. О. Vysokovich

«SOCIAL» COMEDIES IN THE WORKS OF N. I. KHMELNITSKY

The article deals with the «social» comedies of one of the most famous playwrights at the turn of the 1810s—1820s N. I. Khmel'nitsky. The main attention is paid to the analysis of the plot features, as well as the main characteristics of the character. The comedies are considered in a chronological order: «The Talker» (1817), «Castles in the Air» (1818), «Indecisive, or Seven Fridays in the week» (1820), «A social occasion» (1826), «Mutual trials» (1826—1829). Mostly Khmel'nitsky borrowed the plots of his comedies from French authors, breathing new life into their texts. Khmel'nitsky made the characters of his comedies speak using very elegant language of the upper-class society to which he himself belonged to. Working at Russian re-adaptations of French comedies, Khmel'nitsky thoroughly reduced the original, removing unnecessary details and minor events, and left only the main intrigue, which is based on a vaudeville situation-misunderstandings. In this plan he put forward one character, one image, reinforcing and sometimes exaggerated his or her inherent traits according to this principle is built a comedy «The Talker», «Castles in the Air», «Indecisive, or Seven Fridays in the week». The two remaining comedies are built differently, a love the intrigue is moved to the foreground in them.

Key words: N. I. Khmel'nitsky, «The Talker», «Castles in the Air», «Indecisive, or Seven Fridays in the week», «A social occasion», «Mutual trials».

Н. И. Хмельницкий занимает скромное место в истории литературы, главное достоинство его комедий — афористичность языка, живость диалога, выразительность стиха, передающая непринужденность интонаций разговорной речи. На драматургическое поприще он вступил на рубеже 1810—1820-х годов и ко времени своего назначения губернатором в Смоленск был уже популярным драматургом.

Отношение к Хмельницкому и его творчеству в истории литературы было неоднозначным: «Хмельницкий был весёлым остроумным писателем, но не больше» [10, с. 366]. По мнению литературного критика С. С. Дудышкина, творчество Н. И. Хмельницкого является чем-то второсортным по сравнению с маститыми комедиографами (Гоголь, Шаховской, Капнист): «Они понимали (Капнист, Шаховской. — *К. В.*), что комедия не есть одна шутка, имеющая целью возбудить минутный, добродушный смех и остаться навеки забытой. У Хмельницкого не найдем ни одного произведения, имеющего значение и в этом смысле — серьёзной комедии. Нет ни одной, его собственной, комедии, которая могла бы долго держаться на сцене, или по крайней мере на долго остаться в народной памяти. Мы не хотим сказать, что комедии Хмельницкого не имели успеха: напротив, они имели успех блистательный — все это помнят. Но пьесы эти таковы, что посмотрев их два-три раза, вы на всю жизнь не имеете надобности больше их видеть, никогда не захотите смотреть их» [6, с. 7].

В воспоминаниях С. Т. Аксакова, опубликованных в журнале «Русская беседа», также упоминается пьеса Хмельницкого с нелестной характеристикой: «Загоскин также решился выйти на сцену; он выбрал для этого маленькую пьеску в стихах, кажется “Говорун”, в которой только одно и есть действующее лицо, говорящее беспрестанно; она шла перед комедией Княжина “Хвастун”. Выбор весьма неудачный, как и сама мысль сочинить такую болтовню; имени сочинителя не помню» [1, с. 43]. В летописи русского театра (1861) за 7 мая 1817 года сохранилась противоположная оценка этой пьесы Хмельницкого: «7 мая перед оперой “Павел и Виргиния”, для бенефиса молодой четы Сосницких, давали в 1-й раз комедию в одном действии, “Говорун”, переделанную с французского очень легкими, разговорными стихами Николаем Ивановичем Хмельницким. Звонов-Сосницкий и Лиза (служанка) Сосницкая играли прелестно. “Говорун” был первый опыт для сцены столь много любимого писателя впоследствии» [2, с. 252—253].

Несмотря на неоднозначность мнений, его талант высоко ценил А. С. Пушкин: «Хмельницкий — моя старинная любовница. Я к нему имею такую слабость, что готов поместить в честь его целый куплет в 1-ю песнь Онегина (да кой черт! говорят, он сердится, если об нем упоминают как о драм<атическом> писателе)» [9, с. 175].

Перу Н. И. Хмельницкого принадлежат юмористические стихи и проза, исторические пьесы, переводы и переделки произведений французских драматургов (Мольера, Реньяра, Дегуша и др.), но особой популярностью у современников пользовались его светские развлекательные комедии. Н. И. Хмельницкий по праву считается одним из ярких представителей «благородной», или «светской», комедии, блестящим мастером стихотворного диалога. Несмотря на то, что сюжеты своих пьес он находил во французской комедии второй половины XVIII — начала XIX века, разрабатывал их свободно, создавал вариации на чужие темы. Отношение к переводам в то время было совсем иным, чем сейчас. Специалист по русской литературе XVIII века

Г. А. Гуковский объясняет эту особенность следующим образом: «Именно с тем обстоятельством, что большинство переводимых пьес рассматривалось как приближение к абсолютной ценности, следует связать и пресловутое неуважение переводчиков к переводимому тексту. Поскольку автор оригинала не достиг цели, а лишь приблизился к ней, нужно, отправляясь от достигнутого им и воспользовавшись достижениями поэтов, пришедших после него, прибавить к его достоинствам новые; нужно сделать еще один шаг вперед по пути, на котором остановился автор подлинника, нужно украсить, улучшить оригинальный текст в той мере, в какой текст в этом нуждается. Перевод, изменяющий и исправляющий текст, лишь служит на пользу достоинству этого последнего» [5, с. 271].

Для анализа лёгких комедий Н. И. Хмельницкого нами было проанализировано 5 его пьес: «Говорун» (1817), «Воздушные замки» (1818), «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе» (1820), «Светский случай» (1826), «Взаимные испытания» (1826—1829).

Рассмотрим комедии Н. И. Хмельницкого в хронологической последовательности. Комедия «Говорун» является переделкой пьесы Л. Де Буасси «Болтун». Название указывает на связь ее с комедией характера, в которой со времен Мольера заголовок выражал суть однолинейного характера протагониста (как в комедиях «Скупой», «Мизантроп», «Тартюф, или обманщик»). У Хмельницкого заголовок и говорящая фамилия графа Звонова также указывают на его главный порок, суть которого раскрывает служанка Лиза: «Язык же у него — ну сущая трещотка: // Стучит, кричит, гремит, такой подымет **звон**, // Что, право, хоть кого бежать заставит вон!» [12, с. 421]. Лиза, как и служанки в мольеровских комедиях, является активным действующим лицом и одним из главных критиков графа.

Одноактная пьеса содержит 16 явлений, и в каждом болтливость и невежество героя ставят его в глупое положение и мешают добиться расположения молодой вдовы Прелестины, на которой граф собирается жениться. В схематичных сюжетах легкой комедии почти всегда разыгрывается ситуация любовного треугольника, конфликт любовного соперничества. И в данном случае существуют два претендента на руку молоденькой вдовы: Звонов и Модестов. Судьба милой вдовушки, кроме того, находится в руках её тётушки Чвановой, которая должна выбрать ей мужа.

Помимо Чвановой, в комедии фигурируют её подруги, также обладательницы говорящих фамилий: Свахина, Вестина, Споркина, Вздоркина, Громова. Драматург создает коллективный портрет представительниц старшего поколения, характеризующий нравы общества, как это сделал впервые в комедии «Школа злословия» Р. Б. Шеридан. Впоследствии А. С. Грибоедов повторил этот прием, создав коллективный портрет фамусовской Москвы.

Именно «московские старушки», как называет их Звонов, развенчивают его. Если в первых явлениях ему прочат успешную карьеру и считают завидным женихом, то в финале раздраженные его болтливостью, невежеством и бесцеремонностью Чванова и ее подруги разбегаются от него, оставляя в одиночестве. И невеста, и завидное место службы достаются Модестову. Особенность комедии заключается в том, что основное внимание уделено не любовному треугольнику, а осмеянию недостатка Звонова.

Исследователи [7] отмечали схожесть между хвастуном графом Звоновым, персонажем комедии «Говорун» Хмельницкого, и грибоедовским Репетиловым. Отношение к Репетилову было неоднозначно, А. С. Пушкин отмечал

следующее: «Кстати, что такое Репетиллов? в нем 2, 3, 10 характеров. Зачем делать его гадким? довольно, что он ветрен и глуп с таким простодушием; довольно, чтоб он признавался поминутно в своей глупости, а не мерзостях» [9, с. 122].

Комедия «Воздушные замки» является свободной переделкой пятиактной комедии К. д'Арлевиля «Les Chateaux en Espagne» («Испанские замки»). В ней присутствуют ключевые мотивные комплексы, характерные для лёгкой комедии того времени: мотив написания записки / письма, мотив неузнавания / принятия одного за другого.

Хмельницкий опирается не только на комедию д'Арлевиля, связь с которой очевидна, но и на сказку в стихах Б. Эмбера «Альнаскар» («Alnascar», 1771) и её перевод, выполненный И. И. Дмитриевым в 1794 г. и опубликованный под названием «Воздушные башни». «Аллюзия на текст французской сказки и её перевод, явно известный Хмельницкому, прослеживается уже в номинации главных персонажей: фамилия главного героя комедии Хмельницкого — Альнаскар — напрямую отсылает читателя к сказке Дмитриева и её главному герою Альнаскару, а сходство в названиях двух текстов — «Воздушные замки» и «Воздушные башни» — укрепляет их идейно-образную связь. Таким образом, типологические черты Альнаскара воплощены в главном персонаже комедии Хмельницкого — отставном мичмане Альнаскарове: они оба беспочвенные мечтатели, живущие в иллюзорном мире и строящие несбыточные планы» [3, с. 34].

Сюжет значительно сокращён, ведь из пятиактной комедии Хмельницкий создаёт комедию в одном действии. Сюжетообразующим мотивом становится мотив письма. «Любезная племянница! Я уже несколько раз писала тебе о молодом, знатном и любезном графе Лестове, который, увидя у меня твой портрет, влюбился в тебя не на шутку. Узнав, что ты из деревни приедешь в Петербург не прежде осени, он потерял терпение тебя дожидаться. Вчера он за тайну открыл способ скорее тебя увидеть: дело в том, что граф под чужим именем завтра же придет к тебе в деревню. Ты живешь на большой дороге, он поедет мимо тебя, у него, я думаю, сломается коляска, он будет просить позволения войти к хозяйке, познакомится с тобою, и если ты ему покажешься так же мила, как прекрасна, то он, конечно, будет искать руки твоей. Вот, друг мой, приятное для тебя известие; я, правда, и обещала графу свято сохранить тайну нашу, но я женщина...» [12, с. 453—454].

Интересно, что в пьесе Н. И. Хмельницкого персонажу даже не приходится выдавать себя за другого, его изначально принимают не за того (из-за письма). Изначально комизм, построенный на внешнем действии «одного приняли за другого», реализуется через разговоры персонажей, а не их действия. Кульминационным становится момент распознавания, слуга Ипат говорит, что произошла ошибка и перед ними не граф Лестов. «Авторская ирония распространяется на всех персонажей комедии. На судьбу уповают не только Аглаева и Альнаскар, но и их слуги — Саша и Виктор. Все они строят “воздушные замки”, у каждого персонажа есть развернутый монолог — “мечтанье” (у Альнаскарова несколько подобных монологов), в котором герой “живо” видит себя достигнувшим вершин счастья и благополучия» [11, с. 953].

В этой легкой комедии нехарактерная развязка: счастливый финал невозможен. Для Аглаевой титул графа важнее, чем любовь мичмана.

Комедия «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе» является свободной переделкой комедии Ж.-Ф. Коллен д'Арлевиля «L'Inconstant» (Непостоянный). Сюжет комедии прост, в центре её молодой человек Армидин, который обладает одним, на первый взгляд, пустяковым недостатком — нерешительностью. Первым о нерешительности Армидина говорит его слуга Роман, который вынужден ходить в старом костюме из-за непостоянства господина:

Прекрасный нрав! Божусь, что много в полчаса
Он камердинеру все ноги отколотит:
Раз двадцать вас пошлёт и сорок поворотит,
За всё хватаясь, чтоб кончить и начать;
То едет, то идет и, словом вам сказать,
Так нерешителен, что истинно нет средства [12, с. 490].

Завязка действия — это новость о том, что в трактире остановился отставной полковник Зборский с дочерьми. Армидин как раз не может выбрать, на которой из двух он хочет жениться: на старшей Людмиле или на младшей Наташе. Девушки также не могут понять, кому он оказывает знаки внимания, во время их спора происходят отсылки к другим легким комедиям: «Притворная неверность» А. С. Грибоедова и «Своя семья...» — комедия, написанная совместно тремя авторами Н. И. Хмельницким, А. А. Шаховским и А. С. Грибоедовым. Наташа не говорит, кого они играли в пьесе, а вот Людмила упоминает, что играла Наташу из «Своей семьи...», а Армидин был Любимом¹.

Здесь также обыгрывается сентиментальный роман И. Гёте «Страдания юного Вертера»: трактирщицу зовут Шарлотта Вертер.

Комедия построена на ситуации любовного треугольника, но нетипично, здесь нет соперника. Сложность ситуации создаётся Армидиным, который не может выбрать себе невесту. В конце концов Зборский не выдерживает и требует назвать имя, Армидин выбирает Людмилу. Несмотря на сделанный выбор, который кажется логичным, ведь в пьесе, о которой упоминает Людмила, они были мужем и женой, Армидин по-прежнему остается нерешительным:

Напрасно, кажется, не выбрал я меньшую [12, с. 535].

Образ Армидина напоминает гоголевского Подколесина, о чем упоминается в Ежегоднике Императорских театров: «Кстати, герой “Нерешительного” до-нельзя напоминает Подколесина в Гоголевской “Женитьбе” <...> в результате у Гоголя несомненно художественное произведение, комедия нравов, заставляющая глубоко задуматься» [8, с. 96].

Комедия «Светский случай» представляет собой классический любовный треугольник. Героиня Евгения в скором времени должна будет стать женой Столицына. Отец героини Радугин считает дело решённым, но сердце девушки принадлежит Рамирскому, с которым она даже не смогла заговорить, а только обменивалась взглядами и поклонами через окно. Столицын и Рамирский оказываются друзьями, поэтому Рамирский готов отказаться от своей любви, но сам Столицын по своему незнанию настаивает на том, что друг должен бороться:

Ну, есть ли тут об чем серьезно говорить?
Мы церемониться не станем из пустого —
И я б не пощадил тут ни отца родного [12, с. 550].

¹ Персонажи комедии «Своя семья, или Замужняя невеста» Наташа и Любим были молодожёнами.

К счастью возлюбленных, Столицын разочаровал Радугина, не помог в сложной судебной тяжбе, которая могла бы разорить будущего свёкра. Рамирский, решив действовать по советам Столицына, становится женихом Евгении. Классический сюжет с характерной для комедии счастливой развязкой. В этой пьесе Хмельницкого мы можем видеть героев в классических амплуа: Рамирский — достойный, влюблённый юноша; Столицын — недостойный соперник; Евгения — прекрасная девушка, завидная состоятельная невеста:

Родство! Оно беда, сударь, девицам;
При братцах много ли достанется сестрицам?
А тут одна и всё [12, с. 548].

Основное внимание пьесы уделено любовной интриге, в комедии упоминается недостаток Столицына — безответственность, но он не является ключевым. Заглавие «Светский случай» подчёркивает принадлежность данного типа пьес к лёгкой комедии, а также показывает, что произошедшее событие — всего лишь обычный случай, который частотен в светском обществе. В обзорной статье Н. И. Коробки о творчестве Хмельницкого о данной пьесе приводится следующая информация: «Одноактная комедия “Светский случай” (исполненная впервые 2 ноября 1826 года) построена опять-таки на сватовстве — на этот раз светского молодого человека, отбивающего у своего приятеля невесту. Эта комедийка довольно остроумна, полна движения и не лишена некоторого реализма: быть может, такой “случай” и мог иметь место в русском или французском “свете” конца XVIII-го или начала XIX-го века» [8, с. 100].

Стоит также обратить внимание на имена персонажей, если в «Говоруна» используются говорящие фамилии напрямую: прекрасная вдова — Прелестина, болтливый человек — Звонов и т. д., то в пьесе «Светский случай» таких угадываемых значений, мы не найдём: Радугин, Рамирский, Евгения. Из всех этих имён интерпретировать возможно только имя Евгения (благородная, высокородная), по аналогии с именем София (мудрость). Такой вид имён определяют как типовую характеристику персонажа [5, с. 307].

Пьеса «Взаимные испытания» (1829) строится более сложно, в ней нет очевидного соперничества, которое мы видели в анализе предыдущих произведений. В действии фигурирует всего две пары влюблённых: Графиня и Пламирский; сестра графини Светлана и Эледин. Графиня хочет искоренить пороки своего возлюбленного Пламирского и просит жениха сестры — Эледина ей помочь, тогда она даст разрешение на их свадьбу со Светланой. Графине хотелось, чтобы Пламирский избавился от излишней чувствительности, которая зачастую выливалась в ревность, поэтому она попросила Эледина подыграть ей, изображая чувства к ней и придавая их отношениям загадочности. Узнав о сговоре будущей невесты с Элединым, Пламирский вступает в сговор со Светланой. В продолжение всей пьесы герои мучают и терзают друг друга так называемыми «взаимными испытаниями». Для того чтобы задеть больнее, они чуть ли не решаются назло вступить в брак с Элединым и Светланой соответственно.

В пьесе нет внешнего конфликта, вроде социального или имущественного неравенства, семейного принуждения. Хмельницкий создает «мнимый конфликт», делая его «изнутри». Похожий искусственный конфликт есть в пьесе А. С. Грибоедова «Молодые супруги» (1814). Переделав сюжет французской

пьесы Крезе де Лессера «Le Secret du menage» («Семейная тайна»), сократив три действия до одного, Грибоедов также заменил женскую роль мужской (Сафир) и добавил несколько вставок. В грибоедовском сюжете фигурирует всего три персонажа: молодые супруги Арист и Эльмира, и друг семьи Сафир. Арист женат всего три месяца, но семейная жизнь ему наскучила:

По справедливости, три месяца — три века!..
 С Эльмирой можно близь тенистого просека,
 Под свесом липовым, на бархатном лужку
 Любиться, нежиться, как надо пастушку,
 И таять весь свой век в безмолвьи неразлучно.
 Всё это весело в стихах, а в прочем скучно [4, с. 15].

Жена всегда соглашалась с мужем и совсем перестала выезжать в свет. Арист хочет, чтоб все завидовали тому, какая у него супруга, но это невозможно, так как она безвылазно сидит дома. Его друг Сафир с целью спасти семейные отношения просит Эльмиру подыграть Аристу. Эльмира соглашается, но сборами на бал она прикрывает истинную цель своей поездки: судебное разбирательство, в котором она с помощью дяди хочет помочь своему мужу. Арист, видя Эльмиру в красивом уборе, начинает ревновать и подозревать, что такие перемены произошли в жене не ради него, а ради Сафира. Чтобы проучить мужа, Эльмира действительно показательно шепчется с Сафиром. В конце действия Арист видит у Эльмиры письмо и упрекает жену, думая, что оно от любовника. Показательно вскрыв письмо, он понимает, что ошибался, письмо оказывается от дяди, который сообщает, что разбирательство закончилось успешно для Эльмиры и её мужа. Таким образом, мы видим похожую ситуацию мнимого соперничества. И в комедии Хмельницкого, и в комедии Грибоедова героини вызывают ревность своих возлюбленных, но в одном случае это играет роль назидательной меры, а в другом — всего лишь каприз героини. Концовка комедий восстанавливает исходное равновесие: герои мирятся.

В своём творчестве Хмельницкий не вносил деталей русского быта и ограничивался русификацией имен действующих лиц и намёками на современность. Создавая одноактные пьесы, фабульную основу которых составляли трёх- и пятиактные комедии, Хмельницкий сокращал текст и количество действующих лиц, а главное упрощал и характер главного героя, сводимый к одному свойству. Граф Звонов в «Говоруне» — болтун, Альнаскар в «Воздушных замках» — фантазёр, Арמידин в «Нерешительном» — не может сделать выбор.

Излюбленная Хмельницким сценическая ситуация: любовное недоразумение, ошибка, мнимая неверность, необоснованная ревность (эти мотивы вообще часто встречаются в «светских» комедиях) и неизбежный благополучный конец. Основа «светской» комедии — живой и остроумный диалог.

Таким образом, проанализировав пять комедий Н. И. Хмельницкого можно сделать следующие выводы. Во всех пяти комедиях присутствует *любовный конфликт*; в ранних комедиях «Говорун», «Нерешительный...» и «Воздушные замки» основное внимание уделено именно недостатку персонажа: болтливость, нерешительность и излишняя мечтательность соответственно, а любовная линия уходит на второй план. В «Говоруне» Прелестина была влюблена в Модестова, а граф Звонов в её судьбе появляется позднее. В «Воздушных замках» противник Альнаскарва является внесценическим

персонажем, а в «Нерешительном...» Арמידин не имеет соперников, две сестры спорят из-за него.

В комедиях «Светский случай» и «Взаимные испытания» любовная интрига выходит на первое место, но если в «Светском случае» мы имеем классический любовный треугольник: прекрасная девушка, достойный мужчина и недостойный соперник, то сюжет «Взаимных испытаний» строится сложнее. В нём мы имеем дело с искусственным конфликтом.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Литературные и театральные воспоминания // Русская беседа. М.: в типографии Александра Семена, 1856. № 4. 589 с.
2. Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб.: Изд-во Н. Тиблена и К°, 1861. 386 с.
3. Вяткина И. А. «Воздушные замки» Н. И. Хмельницкого в контексте русского романтизма // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. Тверь, 2012. Вып. 1. С. 32—39.
4. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. / под ред. С. А. Фомичева. СПб.: Изд-во ИРЛРАН, 1999. Т. 2. 624 с.
5. Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / общ. ред. и вступ. ст. В. М. Живова. М.: Языки русской культуры, 2001. 352 с.
6. Дудышкин С. С. Сочинения Хмельницкого: в 3 т. 1849 г. Издание А. Смирдина // Современник. Литературный журнал. СПб., 1851. Т. XXIX. III. Критика. С. 1—55.
7. Ермоленко Г. Н., Захаров В. Е. Тени минувших столетий: очерки истории и культуры Смоленского края конца XVIII — первой половины XIX в. Смоленск: Маджента, 2004. 232 с.
8. Коробка Н. И. Н. И. Хмельницкий // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1895—1896 гг. СПб., 1896. Кн. 1. С. 89—119.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. Т. 10: Письма. 1979. 711 с.
10. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Том: Фабер — Цявловский. СПб., 1901. 521 с.
11. Сербул М. Н., Соровегина М. Н. Легкая комедия и водевиль 1810—1820-х гг.: проблема генезиса жанра и героя // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2013. № 90. С. 943—962. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legkaya-komediya-i-vodevil-1810-1820-h-gg-problema-genezisa-zhanra-i-geroya1/pdf> (дата обращения: 12.04.2020).
12. Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII — начала XIX века. М.: Советский писатель, 1990. Т. 2. 768 с. (Библиотека поэта).
13. Хмельницкий Н. И. Сочинения Хмельницкого: в 3 т. СПб.: Изд-во А. Смирдина, 1849. Т. 2. 522 с.

УДК 821.161.1"20"-192
ББК 83.3(2=411.2)64
DOI: 10.46726/И.2020.3.3

О. С. Горелов

ИСТОРИЯ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ АНТИМУЗЫКАЛЬНОСТИ В ПРАКТИКАХ ИННОВАТИВНОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ*

В статье предлагается обзор ключевых исследований сюрреалистической музыкальности, освещается проблема непринятия сюрреализмом музыкального медиа, особенно акцентируется внимание на историческом обсуждении семантики и реальности самого звука как феномена. Также анализируются основные принципы реализации сюрреалистической антимузыкальности в новейшей русской поэзии. Антимузыкальность теперь осознается как принцип работы со звуком в обход композиторской, аудиальной культуры, основанной на представлениях о гармонии и композиции. Именно в таком антимузыкальном значении используется и музыкальный код в поэтических практиках конца XX века, разрушающих референциальное повествование и преодолевающих принципы классического сюрреалистического коллажа. Новейшая инновативная практика концептуализирует не столько упорядоченные повторяющиеся фрагменты высказывания, сколько паузу между ними, тишину. Подобное квантование эстетической материи возвращает рефлексию в теоретический горизонт понимания медиума, редуцированного до своего физического основания ради дальнейшего его преодоления.

Ключевые слова: сюрреалистический код, джаз, фоновая музыка, серийная музыка, импровизация, автоматизм, современная поэзия.

O. S. Gorelov

HISTORY OF SURREALIST ANTI-MUSICALITY IN THE PRACTICES OF INNOVATIVE RUSSIAN POETRY

The article provides an overview of key studies of surrealist musicality, highlights the problem of non-acceptance by surrealism of music media, focuses on a historical discussion of the semantics and reality of sound itself as a phenomenon. It also analyzes the basic principles for the implementation of the surrealist anti-musicality in the newest Russian poetry. Anti-musicality is now recognized as the principle of working with sound, bypassing the composer, audial culture, based on ideas about harmony and composition. It is in this anti-musical meaning that the musical code is used in poetic practices of the late 20th century, which destroy the reference narrative and overcome the principles of the classic surrealist collage. The innovative poetic practice conceptualizes not so much ordered repetitive fragments of a statement as a pause between them, a silence. Such a quantization of aesthetic matter returns reflection to the theoretical horizon of understanding the medium, reduced to its physical foundation in order to further overcome it.

Key words: surrealist code, jazz, background music, serialism, improvisation, automatism, modern poetry.

© Горелов О. С., 2020

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205 («Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»).

• Серия «Гуманитарные науки»

Концепт автоматизма, который постоянно ставился под вопрос в сюрреалистической критике, является чуть ли не главным звеном, неустойчиво связывающим сюрреализм с музыкой. Очевидны сближения со структурой и принципами джазовой импровизации, которые и проясняют, не снимая впрочем, противоречия автоматизма.

В джазовой композиции тема обозначает гармоническую рамку и создает горизонт потенциальных реализаций музыкального материала. Возникающая в самом начале, эта тема в дальнейшем распределяется и расплывается в серии импровизаций, значимо отсутствуя. Обычно она повторяется еще раз в финальной трети композиции. Таким образом, чудесный или жуткий строй бессознательного, сам код музыкального текста выражается во вполне четкой, структурирующей материал теме, в то время как импровизации, раскладываясь в серии сюрреалистических фантазий, цепочке иррациональных означающих, постепенно становятся всего лишь орнаментом, имеющим в качестве референтной точки собственную тему. Реализацией автоматизма оказывается не импровизация, а звучащая почти незаметно начальная тема (как и начальные «фразы полусна», из которых может создаться сюрреалистический текст). Зеркально отражаются и общие принципы сюрреализма, которые оказываются присущи музыке *per se*, музыкальным актам без учета конкретных методик и техник. Поэтому и место встречи музыки с чудесным «находится не в точке создания, а в точке приема» [23], при прослушивании. Реверсивный характер отношений музыки и сюрреализма соотносит музыку с сюрреалистическим кодом напрямую.

Сновидческий автоматизм запускает свободную, импровизационную, но одновременно подчиняющуюся синтагматической логике различных медиа дистрибуцию субъекта. Удерживает вместе основные понятия этой цепи (сон, автоматизм, свобода, импровизация) как раз *звуковой* медиум и принцип *музыкальности* в целом.

Однако распределенная субъектность (*distributed subjectivity* [28]) проблематизирует понятие медиума как такового. Вслед за Р. Краусс стоит указать на некоторую идеологическую и дискурсивную перегруженность этого термина, который исследовательница предлагает заменить или дополнить именно «автоматизмом», учитывая его сюрреалистское понимание. Медиум из недифференцированного средства выражения, материального посредника, выявляя в себе значительный элемент импровизации, становится операционным кодом. К тому же «этот импровизационный смысл, — пишет Краусс, — и связывает автоматизм в искусстве с “психическим автоматизмом”, хотя в искусстве автоматический рефлекс соотносится не столько с бессознательным, сколько со свободой выражения, которую всегда предполагает импровизация как отношение между техническим базисом того или иного медиума и его заданными конвенциями» [8, с. 7]. Это соотношение свободы и ограничений, случая и детерминации всегда было важнейшей темой сюрреалистического рационализма (в частности, бельгийской группы) и его предшественника С. Малларме (Бретон остроумно определяет его «сюрреалистом по секрету»). Родовой проблемой это соотношение является и для свободного стиха, который по некоторым параметрам пересекается с феноменом фриджаза, подтверждающим своей практикой, что «импровизация невозможна без рекуррентной отсылки к узловым точкам» [13].

Из самих сюрреалистов музыку джаза высоко ценили только либо «отступники» 1930 года (М. Лейрис, Р. Деснос, Ж. Барон, А. Карпентьер),

либо члены подпольной группы «Рука с пером»¹ («La Main à plume») времен оккупации 1941—44-го гг., сохраняющих принципы сюрреализма в отсутствие А. Бретона и пытающихся сформировать новое поколение сюрреалистов. Один из руководителей этой группы бельгийский писатель и художник К. Дотремон писал: «Сюрреализм и джаз очень близки. Оба вида искусства ведут к внутреннему освобождению человека»². Признание джаза и его этоса становится частью политической программы сюрреалистических групп в 1960-е годы: перманентная революция должна вдохнуть «жизнь в этот мир, наполнив его головокружительными страстями и свингующим ритмом поэзии» [4, с. 208]. При этом, как отмечает Ж. Шенье-Жандрон, «единственной заметной попыткой осмыслить взаимоотношения сюрреалистической мысли с этим музыкальным языком стала книга Жерара Леграна “Сила джаза”» [20, с. 290]. Легран в этом большом эссе как раз и делает первый шаг, давая «самый простой ответ» на вопрос о точке схождения сюрреализма и джаза, — этой точкой является автоматизм, при котором, однако, постоянно уточняется соотношение «предварительной поэтической конвенции» и «самого желания человека» [30, р. 202—203].

Сам Бретон джазовую музыку не принимал, что соотносится не только с его программной антимузыкальностью, но и с задачами эстетико-идеологической борьбы против фальсификаторов сюрреализма и тех, кто пытался, как считал Бретон, использовать его в своих целях. Одним из таких соперников был Ж. Кокто, который как раз любил и пропагандировал джаз. Известно, что на открытии дадаистской выставки в русском книжном магазине Я. Поволоцкого в 1916 году в Париже Кокто «“прививал” парижанам джазбанд. В ответ на что разрушитель, а не создатель, истинный вдохновитель дадаизма, Тристан Тзара, оглушительно и долго вопил плансоном у самого его уха» [19, с. 32]. Однако решающим фактором в вопросе о джазе был все же индивидуальный выбор. Особенно это касается русского околосюрреалистического окружения. Так, например, друг С. Шаршуна и Б. Поплавского В. Парнах, который переводил и анализировал дадаистские тексты, был одним из первых русских джазистов.

Со времени книги Леграна «Сила джаза» (1953) появилось много исследований сюрреалистической музыкальности. Эти работы стали носить общий характер, не ограничивая свои рамки определенным жанром или направлением³, но в большинстве из них до сих пор чувствуется внутренняя необходимость в дисклеймере, хотя вопрос о наличии связей сюрреализма и музыки уже нельзя считать дискуссионным. Одно из направлений исследований связано как раз с прояснением исторической фактографии, начиная с уточнения роли музыки в теории и практике дадаизма [26], заканчивая более внимательным изучением

¹ Встречаются разные переводы названия группы на русский язык. Само название отсылает к строчкам А. Рембо из «Одного лета в аду»: «Любое ремесло внушает мне отвращенье. <...> Рука с пером не лучше руки на плуге. Какая рукастая эпоха! Никогда не набью себе руку» [9, с. 151].

² Цит. по: [16, с. 56]. В рассказе «Зеленый моноколь» (1992) В. Кондратьев описывает это настроение уже через метафорически-концептуальное сгущение: «на гала-презентациях последних истин целые братства свободного духа бились в джазовых дебатах» [7, с. 190].

³ Хотя появляются статьи и на «джазовую» тематику; например, о взаимодействии джазовой импровизации и сюрреализма (см.: [33, р. 114—118]).

музыки в сюрреалистическом театре и кинематографе (композиторы Э. Сати, Э. Буриан и др.) в специальных театроведческих и киноведческих работах⁴.

Работы другого направления, написанные, как правило, практикующими композиторами, прослеживают влияние общей сюрреалистической концепции на послевоенную академическую, экспериментальную и популярную музыку. Так, композитор и исследовательница Э. ЛиБэррон пишет об отражении сюрреализма в постмодернистской музыке через автоматизм и коллаж [29]. Аналогом автоматизма называется неидиоматическая музыкальная импровизация европейского фри-джаза, которая может превосходить по скорости перехода от бессознательного к сенсорному результату и литературный, и визуальный автоматизм. Принципы коллажа реактуализируются в практике стилистических интертекстуальных заимствований, к которой, впрочем, обращались и пионеры сюрреалистической интермедиальности (в частности, Л. Бунюэль в своих ранних фильмах).

Близкими к сюрреалистическим поискам оказываются феномены второй половины XX века — «инструментальный театр» со свободным взаимодействием субъекта с музыкальными и немusикальными инструментами, а также «музыкальная алеаторика»⁵. Здесь осуществляется самый очевидный и простой вариант реализации общего сюрреалистического принципа в музыке — случайное и неожиданное для слушателя соединение немusикальных звуков, лишенных своей функциональности (в данном случае — функциональной референции). В постмодернистской музыке этот же способ несколько усложняется, поскольку выводится на метауровень: в качестве материала берутся уже музыкальные звуки — темы и мотивы классической или модернистской традиции.

Сюрреалистические реализации элемента импровизации в новейшей русской поэзии осуществляются, в первую очередь, с помощью двух связанных тенденций: онейрической неопределенности внутреннего и внешнего, потенциального и актуального, а также гибридизации речи и пения (в том числе при авторском чтении текстов).

Первая тенденция соотносится с идеей Бретона о «внутренней музыке», которую он выразил в эссе «Молчание золота», опубликованном в музыкальном журнале «Modern Music»⁶ (март-апрель 1944). Отмечая значимость для поэзии звучащей стороны слова, Бретон пишет: «Внутренняя речь, отдельные проявления которой поэты-сюрреалисты обнажали в своих стихах, <...> абсолютно неотделима от той внутренней музыки, которая эту речь несет и, скорее всего, обуславливает ее» [25, р. 79—80]. Саму «внутреннюю музыку» можно понимать как тот центральный пункт импровизации, вынесенный за пределы структуры и определяющий ее, точно так же, как «внутренняя речь» предшествует автоматическому письму и определяет его.

Пожалуй, самым точным и емким примером подобного взгляда является образ-композиция из поэмы «Тайная жизнь игрушечного пианино» А. Сен-Сенькова:

---

⁴ Наиболее широкое понимание этой темы (вплоть до обнаружения сюрреалистических элементов в опере Д. Шостаковича «Нос») представлено в эссе Н. Л. Слонимского 1966 года [34].

⁵ Подробнее об этом см.: [14, 15].

⁶ Этот текст представляет собой самую очевидную попытку Бретона примирить сюрреализм с музыкой, что может быть связано с самим местом публикации текста.

Об игрушечной музыке,
 появляющейся внутри нас
 в виде маленького,
 только что вылупившегося, сна,
 на плече которого сидит
 крохотная снежинка,
 похожая на птенца белого попугая
 и южный полюс белой клавиатуры.
 Надрезы о том, что из музыки можно
 конструировать всё [11, с. 7].

Поэт пытается описать «джазовый Принцип Неопределённости», который довольно быстро перестает пониматься как синтагматический принцип (неопределенность импровизационного высказывания) и начинает захватывать воображение через образы парадигматического. Неопределенным оказывается то, что остается, уже будучи рожденным, внутри чего-то («банка с джазовой Пылью»); то, что остается скрытым в собственной парадигме, в собственной потенциальности («надкушенное джазовое Пирожное») [11, с. 7].

Вторая тенденция, связанная с авторским чтением текстов, выводится из концепта «внутренней музыки», благодаря которому Бретон собственно и «устраняет привычный разрыв между речью и пением» [20, с. 289]. Здесь показательным является пример В. Банникова. Помимо отмечаемой в критике импровизационности его устных выступлений и роликов в соцсетях [6], нужно также указать на преодоление «новой устности» 2000-х годов через легкий вариант шпрыхезанга, который и предьявляет своим диссоциированным чтением поэт.

Сами же принципы банниковской поэзии, если воспринимать ее как «асемантическую» практику (Е. Вежлян), существующую в ситуации информационного переизбытка и усиливающую эту ситуацию, соотносятся с феноменом фоновой музыки. Этот тип аудиального пользования предполагает необязательный, связывающийся с подсознанием формат присутствия музыки, который может при этом помогать субъекту в решении различных когнитивных задач. Кажется контринтуитивным применять это к поэзии, которая даже в своих авангардных проявлениях подчеркивает неизбывность смысла, однако именно *асемантизм* музыки может стать той концептуальной рамкой, позволяющей проследить историю неприятия музыки сюрреализмом, а также реализацию сюрреалистического кода в новейшей поэзии в контексте ее *фоновости*.

Здесь стоит подробнее сказать о причинах антимзыкальности Бретона, которая могла повлиять на «немзыкальность» сюрреализма в целом. В заметке «Сюрреализм и живопись» Бретон концентрирует, по сути, в одном абзаце всю критику музыкального: «слуховые образы уступают визуальным образам не только в резкости, но и в строгости, <...> они не созданы для того, чтобы укрепить идею человеческого величия» [24, р. 26]. Недостаток строгости здесь может пониматься и как референциальная неопределенность, и как асемантический отрыв от реальности, которая необходима в качестве платформы для дальнейших смысловых, образных и эстетических сдвигов. Прорыв в сюрреальное всегда осуществляется за счет опоры (здесь правомочно учитывать «опору» и как музыкальный термин) на реальное. Без этого, по Бретону, невозможно и дальнейшее осуществление сюрреалистических техник. Как точно замечает С. Арфуйю, «чтобы музыка играла роль автоматизма

в поэзии, она должна исходить из элементов реальности и освобождать их от смысловой цепи, позволяя появиться произвольным образам» [22, р. 87]. Музыка поэтому воспринималась сюрреалистами снобистским искусством, излишне отдаленным от реального и не занимающимся освобождением духа человека, в отличие от поэзии. Более того, для Бретона оказывается важным генезис медиумов этих двух видов искусства: происхождение языка объясняется необходимостью в Другом, в общении с ним; тем самым в словах, в языке уже проявлена любовь как направленность на Другого. Замкнутость музыки на собственной форме видится, таким образом, резким противоречием основам сюрреалистической теории (схожие претензии Бретон предъявлял и абстрактной живописи).

Альтернативной точки зрения придерживались участники бельгийской группы сюрреалистов, ее лидер поэт П. Нуже и композитор А. Сури, единственный музыкант-сюрреалист [3, с. 178], веривший в то, что музыка может быть частью сюрреализма, может быть способом его выражения. Сури искал сюрреалистическую музыку через категории магического, волшебного, но и не отрицал важность идеи коллективной импровизации джаза, в которой видел музыку желания [22, р. 91]. Но в первую очередь его интересовала, вслед за Э. Сати, *реальность самих звуков*, в частности, Сури хотел поставить звуки выше знаков, что отчасти и произойдет благодаря техническим возможностям музыки (в том числе электронной) 1950—60-х годов, когда устанавливается «приоритет звуков над записью» [31, р. 33]. К признанию реальности звука подойдет вплотную, как ни странно, и Бретон, но уже позже, в 1944 году. В упоминаемом эссе «Молчание золота» Бретон пытается преодолеть антагонизм поэзии и музыки в рамках общего проекта сюрреального по снятию антагонизма между бодрствующей реальностью и воображаемым пространством сна. И это, по замыслу, должно было реализовываться через соединение голых звуковых фактов с образными конструкциями музыкального высказывания (композиции). Такую возможность Бретон только намечает, но не развивает ее, сославшись на свое незнание теории музыкальной композиции, хотя этому мог мешать и скепсис в отношении звука, который по-прежнему у него оставался.

Этот дрейф (свершаемый Сури и намечаемый Бретоном) от «нереальности» музыки к реальности звука станет затем частью программы музыкального конкретизма. И неслучайно сам термин «сюрреализм» иногда используется в качестве метафорического обозначения конкретной музыки 1940—1950-х годов (П. Шеффер, П. Анри, Э. Варез, отчасти Д. Кейдж, К. Штокхаузен, П. Булез и др.). Логика конкретной музыки, в свою очередь, приводит к отрицанию самого понятия музыки. Антимузыкальность, с которой начинал Бретон, теперь осознается как принцип работы со звуком в обход композиторской, аудиальной культуры, основанной на представлениях о гармонии и композиции.

Именно в таком антимузыкальном значении используется и музыкальный код в поэтических практиках конца XX века, разрушающих референциальное повествование и преодолевающих принципы классического сюрреалистического коллажа. В частности, эти принципы были описаны Б. Филановским применительно к поэтике Л. Шваба. В тесноте стихового ряда формируются «диссонантные трезвучия», музыкальные узлы [18, с. 9], которые развиваются в «цепочки контрапунктических соединений» [18, с. 10]. Визуальность и живописная загадка, присущие сюрреалистической эстетике, при этом как будто дезавуируются. Оставаясь пространственным, сюрреальное

проявляет эту пространственность через *постоянство звука* и (анти)музыкальные принципы организации, а не видимые объекты, фигуры, образы⁷. Подобная логика осуществляется в это же время даже в телевизионном медиа, в форматах популярного и спортивного вещания: например, на британском спортивном канале «Sky Sports» был сформулирован принцип раз в три года менять графику, раз в пять лет менять оформление студии, музыку не менять никогда.

В начале XXI века, в поэзии нового поколения более заметны случаи обратной трансформации. В. Банников, к примеру, так описывает изменения в стихах К. Егольниковой: «Субъект, видящий через звуки, где всё не мелькает, а резонирует, обречённый на постоянное вслушивание в окружающее пространство, заменяется субъектом, для которого как раз всё мелькает более чем звучит» [2]. Этот путь, надо сказать, довольно органичен и для профессиональных музыкантов, приходящих в поэзию (Егольникова тоже занималась музыкой, она пианист). Проявившись в стихах, музыка вскоре переходит в код, а ее место в диегезисе и феноменологии занимает визуальное и объектное. Связующим звеном остается ритм, ритмическая организация, которая присуща и музыке, и визуальному.

Ритмическая рецепция (прослушивание) текстов культуры начинает противостоять композиционному, архитектурному взгляду, рассмотрению. Более того, так определяется вектор новейшей литературы, концептуализирующей не столько упорядоченные повторяющиеся фрагменты высказывания, сколько паузу между ними, тишину, сквозняк поэтического дискурса (А. Драгомощенко). Нередко это толкуется как результат поиска и конечного квантования элементарной единицы текста: «Повышенное внимание к микроскопическим звуковым элементам художественного текста: фонетическим отражениям (“эхо”), незначимым знакам препинания (тире, точка, многоточие), интервалам между словами — свидетельствует об “эмансипации” поэзии и художественного текста от грамматики» [21]. Несколько апофатически эту же тенденцию реализует музыкальный и поэтический минимализм (можно указать на значимость паузы в стихах А. Черкасова). Словесные блоки, изначально изоморфные промышленным (грамматическим) циклам, благодаря минимальным смещениям обнажают бесполезность (некомпозиционность), расфункциональность избыточной секвенции. Именно так когда-то создавалась «меблировочная музыка» Э. Сати, современной репликой которой является и фоновая музыка.

Квантование эстетической материи возвращает рефлексию в теоретический горизонт понимания медиума, редуцированного до своего физического основания ради дальнейшего преодоления. Об этом размышляет, например, В. Бородин: «путь поэзии — именно *отходить от слов*; путь того, что вышло из изобразительного искусства, — *отходить от визуальности*; музыки — *отходить от звука*. Но себя соотношу с этим специфически: мне интересна именно новая встреча искусств с этим их *элементарным фундаментом*» [5]. В критическом

⁷ Можно сопоставить это с размышлением Ю. Тынянова: «специфическая конкретность поэзии прямо противоположна живописной конкретности <...> Конкретность поэтического слова не в зрительном образе, стоящем за ним <...> она — в своеобразном процессе изменения значения слова, которое делает его живым и новым. Основной прием конкретизации слова — сравнение, метафора — бессмыслен для живописи» [17, с. 311].

разборе поэзии Бородин С. Сдобнов очень точно использует парадокс, передающий сюрреалистическую антимузыкальность: «За плечом Бородин стоит “разлитая тишина” Михаила Айзенберга, исполняя роль наставника и вне-временного камертона» [12].

Действительно, сюрреалисты нередко характеризовали тишину (не-музыку) как настоящий камертон поэзии и искусства. Визуальным аналогом тишины для них всегда была темнота, черный цвет. «Темнота, падающая на оркестр», — образ, которым Бретон в «Сюрреализме и живописи» [24, р. 26] пытается окончательно установить незначительное место музыки в иерархии искусств. Темнота ночи, как и тишина, понимаются в качестве необходимого условия воображения, в котором возможно всё; тишина — это звуковой ландшафт воображения и поэтической грезы, реализуемых через безмолвное или тихое созерцание (темноты)⁸, о котором пишет Бретон в той же заметке.

Для проявлений сюрреалистического кода в русской новейшей поэзии более характерен интерес не к тишине, а к *безмолвию*, *молчанию*. Визуальным аналогом безмолвия становится белый цвет: от белизны художественного пространства Г. Айги (рифмующегося с исследованием белого цвета художника И. Вулоха) до техники выбеливания А. Черкасова, в которой буквализируется безмолвие через устранение слов. Белизна как цветовой синтез соотносится с безмолвием как синтезом тишины и молчания, то есть состояний объективного бытия и субъективного существования. Молчание может также использоваться в рамках сюрреалистического кода, включающего нигилистский заряд, как знак протеста, несогласия, что связано и с общей семантикой слова: «в значении глагола молчать и его производных (промолчать, помолчать, замолчать, замалчивать, умолчать, отмолчаться, смолчать) входит *отрицание*» [1, с. 107]. Молчание, реализуя ритмическую и смысловую паузу, вносит субверсивный элемент, становясь знаком нарушения, срыва: «Глагол молчать употребляется тогда, когда был нарушен стереотип поведения» [1, с. 108].

Но в первую очередь молчание и тишина приобретают такой вес за счет полифункциональности, которая присуща им как мотивам. На положительном (и визуальном) полюсе сюрреалистического им соответствует образ-мотив улыбки. Возвращаясь к тому, как характеризует Банников изменения поэтики Егольшниковой, отметим, что сигналом завершения трансформаций становится именно улыбка, которая «несёт семантику тишины и умиротворения, улыбка спящего человека, спокойного». Вероятно, здесь, обуславливая улыбку и тишину состоянием спокойного сна, Банников, как это часто бывает в критике поэта, описывает смысловые ходы, свойственные для его собственной поэзии. Фигура поэта-Гипноса, «сонного бога», успокаивающего людей и мир в целом, контаминирует улыбку и тишину как особую не-музыку и не-поэзию, которая в банниковских стихах «звенит цветами и *улыбкой спит*»⁹.

В качестве неизбежного контрапункта появляется фигура наблюдателя, важная и для сюрреализма, и для новейшей, во многом номинативной и окулярной поэзии. Но наблюдатель в парадоксалистской антимузыкальной

---

⁸ В статье «Молчание золото», преследуя нетипичные для себя цели, Бретон расставляет обратные акценты: «Великие поэты были “слухачами”, а не провидцами. <...> Зрение, “просветление” — это, в любом случае, не причина, а следствие» [25, р. 83].

⁹ Банников В. «василий, где твои домашние хозяйки...». URL: https://vk.com/vadimkabanyas?w=wall2530890_3500%2Fall (дата обращения: 04.04.2020). Стихи Банников выкладывает на страницах в своих соцсетях.

логике может быть переинтерпретирован в качестве не смотрящего, а молчащего и слушающего субъекта. Правда здесь стоит согласиться с Ж.-Л. Нанси, который определяет такого слушающего наблюдателя уже «не философским субъектом и, возможно, вообще не субъектом, а лишь местом резонанса» [32, р. 45] (пер. с фр. А. Рясова), что, конечно, соотносится с его теорией бытия-вместе. «Сонный» наблюдатель, *сновидец* в ходе сюрреалистской эволюции объективируется, отстраняется от содержания самих сновидений, начиная совпадать с самой местностью и ее звуковыми, аудиально-визуальными чертами. Отмеченное сцепление образов и мотивов возвращает опять к статье Бретона «Молчание золото», а также к одному из псевдоафоризмов Р. Десноса «Если молчание — золото, Рроз Селяви опускает ресницы и засыпает» [27, р. 57]. Примечательно, что такие «афоризмы» у Десноса и других сюрреалистов вырастают из изломов уже существующих клише и штампов [10, с. 153—154] (автоматизмов речи), так же как и импровизация создается на уже готовую тему (автоматизм звука).

Таким образом, круг замыкается: сюрреализм, исходя из собственного неприятия музыки, инициирует дрейф от «нереальности» музыки к реальности звука; так формируются антимузикальные принципы организации текста, которые актуализируют проявления тишины, паузы, молчания, являющиеся сквозными концептами сюрреалистической теории.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий: сборник статей. М.: Наука, 1994. С. 106—117.
2. Банников В. О стихах Ксении Егольниковой. 2019. URL: <https://syg.ma/@ekaterina-zakharkiv/vadim-bannikov-o-stikhakh-ksienii-iegolnikovoi> (дата обращения: 05.02.2020).
3. Вирмо А. и О. Мэтры мирового сюрреализма. СПб.: Академический проект, 1996. 279 с.
4. Воскресение Кинг-Конга // Сюрреализм. Возвращения и трактаты международного движения с 1920-х годов до наших дней / сост. Ги Жирар. М.: Гилея, 2018. С. 207—208.
5. Гагин В., Александров К. Под-основа высказывания [Интервью с В. Бородиным] // Stenograme. 2015. URL: <http://stenograme.ru/b/the-hunt/subbase-statement.html> (дата обращения: 08.02.2020).
6. Егольникова К. С чего начинается речь: о стихах Вадима Банникова // Дискурс. 2019. URL: <https://discours.io/articles/culture/s-chego-nachinaetsya-rech-o-stihah-vadima-bannikova> (дата обращения: 19.01.2020).
7. Кондратьев В. Показания поэтов: Повести, рассказы, эссе, заметки. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 712 с.
8. Краусс Р. «Путешествие по Северному морю»: искусство в эпоху постмедиальности. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 104 с.
9. Рембо А. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. М.: Наука, 1982. 496 с.
10. Румянцев Д. В. Лингвистический сюрреализм Робера Десноса // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2010. № 3. С. 153—154.
11. Сен-Сеньков А. Тайная жизнь игрушечного пианино. М.: АРГО-РИСК, 1997. 24 с.
12. Сдобнов С. Песня слабых светом // Новый Мир. 2016. № 4. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2016/4/pesnya-slabyh-svetom-vasilij-borodin-losinyj-ostrov.html (дата обращения: 10.02.2020).

13. *Скидан А.* Ничего не попишешь // Цирк «Олимп»+TV. 2018. № 29 (62). URL: <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/823/nichego-ne-popishesh> (дата обращения: 18.01.2020).
14. *Тараканова Е.* На грани абсурда (дадаизм и сюрреализм в музыке XX в.) // Театр абсурда: сб. ст. и публикаций. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 71—96.
15. *Тараканова Е.* Сюрреалистическая музыка // Сюрреализм и авангард: материалы российско-французского коллоквиума. М.: ГИТИС, 1999. С. 159—167.
16. *Тимашева О.* Бельгия // Энциклопедический словарь сюрреализма. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 54—58.
17. *Тынянов Ю. Н.* Иллюстрации // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 310—319.
18. *Филановский Б.* Леонид.mus // Шваб Л. Ваш Николай: Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 5—10.
19. *Шаршун С.* Мое участие во французском дадаистическом движении // Шаршун С. Дадаизм. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2012. С. 31—40.
20. *Шенье-Жандрон Ж.* Сюрреализм. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 416 с.
21. *Щербак Н.* Дыхание звука, или Акустическая алхимия: к вопросу о прагматических функциях речевого акта молчания // Новое литературное обозрение. 2017. № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/148_nlo_6_2017/article/19347/ (дата обращения: 10.02.2020).
22. *Arfouilloux S.* Surréalisme et musique: les écrits d'André Souris // Textyles. Revue des lettres belges de langue française. 2005. № 26—27. P. 87—93.
23. *Barbiero D.* Is Silence Golden? 2018. URL: <http://www.furious.com/perfect/andrebreton.html> (дата обращения: 12.02.2020).
24. *Breton A.* Le Surréalisme et la Peinture // La Révolution surréaliste. 1925. № 4. P. 26.
25. *Breton A.* Silence d'or // Breton A. La Clé des champs. P.: Editions du Sagittaire, 1953.
26. *Dayan P.* The Music of Dada: A lesson in intermediality for our times. London: Routledge, 2018. 192 p.
27. *Desnos R.* Corps et biens. Lecture accompagnée par Olivier Rocheteau. P.: Gallimard, 2005. 320 p.
28. *Kassabian A.* Ubiquitous Listening: Affect, Attention, and Distributed Subjectivity. Berkeley, CA: University of California Press, 2013.
29. *LeBaron A.* Reflections of Surrealism in Postmodern Musics // Postmodern music/postmodern thought. N. Y.: Routledge, 2013. P. 27—75.
30. *Legrand G.* Puissances du jazz. P.: Arcanes, 1953. 224 p.
31. *Lochhead J., Auner J.* Postmodern music/postmodern thought. N. Y.: Routledge, 2013. 392 p.
32. *Nancy J.-L.* À l'écoute. Paris: Galilée, 2002. 96 p.
33. *Shand J.* Musical Surrealism // Extempore. 2008. № 1. P. 114—118.
34. *Slonimsky N.* Music and Surrealism // *Slonimsky N.* Slonimskyana V4. N. Y.: Routledge, 2004. P. 146—155.

УДК 372.881.111.1
ББК 74.268.19=432.1.3
DOI: 10.46726/И.2020.3.4

А. А. Григорян, А. Ю. Григорян

О ЛЕКСИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Существует много различных методов преподавания грамматики английского языка. Самым традиционным и широко распространенным, пожалуй, является метод, основанный на изучении некоего набора правил и попыток применить их на практике. Опыт преподавания грамматики показывает, что, хотя такой подход и имеет право на жизнь, он подходит не всем. Есть студенты, для которых существенно более полезным оказывается овладение грамматикой через усвоение определённых сочетаний слов, наиболее частотно употребляющихся в той или иной грамматической конструкции.

Ключевые слова: лексическая грамматика, устойчивые сочетания слов, лексический метод в преподавании языка.

A. A. Grigoryan, A. Yu. Grigoryan

ON A LEXICAL VECTOR IN TEACHING ENGLISH GRAMMAR

There exist quite a few methods of teaching English grammar. Probably, the most traditional and at the same time the most widely spread one is the so-called rule-based teaching of grammar. The method consists in students transferring the formally learnt rules to the real life practice. Our hands-on experience in teaching grammar proves that while the method works for some students, it definitely does not work for everybody. There are quite a number of students who find mastering grammar easier through creating close associations of certain grammatical constructions with certain lexical components.

Key words: lexical grammar, fixed combinations of words, lexical method of language teaching.

Очевидно, что принятое в преподавании деление языка на отдельные фрагменты/дисциплины, носит в значительной мере условный характер. Действительно, выделение грамматики, лексики, фонетики и т. д. в качестве самостоятельных предметов можно рассматривать как определенную дань традиционному крену науки в сторону аналитического подхода, состоящего, как известно, в расчленении целого на составные части. Между тем, понятно, что язык есть нечто целостное, комплексное, все компоненты которого неразрывно связаны и взаимообусловлены. Любопытно, что традиционно многие учебники грамматики носят название “The Structure of the Modern English” [3]. Иными словами, речь идет о едином строе/строении английского языка. Именно так профессор Ильиш назвал русский вариант своей книги. В качестве зарубежного примера можно привести книгу Л. Бринтон, которая тоже называется “The Structure of Modern English” и включает — кроме собственно грамматики — разделы, связанные с фонетикой, прагматикой,

лексической семантикой и т. д. [2, р. 18, 129]. Лексический подход, который в начале 90-х годов прошлого века был предложен М. Льюисом, отвергает дихотомию грамматика/лексика, настаивая на том, что язык состоит из так называемых 'lexical chunks' (лексических блоков) [4, р. 37]. Заметим, что идея о неразрывности и неделимости грамматики и лексики высказывалась и рядом отечественных ученых. В частности, известный языковед В. И. Карасик утверждает, что «в грамматике нет ничего такого, чего бы не было в лексике» [1, с. 173]. Подобный взгляд на взаимосвязь грамматики и лексики не может не наводить на мысли о том, что грамматические структуры/конструкции можно преподавать с опорой на лексические единицы/фрагменты/блоки, которые наиболее часто в этих конструкциях и текстах встречаются. В каком-то смысле происходит нечто аналогичное процессу усвоения обучаемыми того, что за словом *responsible*, скорее всего, последует предлог *for* (или *to*), а после *to be afraid* следует употреблять предлог *of*.

Действительно, что почти автоматически приходит на ум любому человеку, изучавшему английскую грамматику при простом перечислении следующих слов: *never, ever, yet, just, already*? Употребление какого грамматического времени напрашивается, стоит только услышать наречия *always, constantly, usually, sometimes*? Очевидно, что в первом случае речь идет о любимом/ненавидимом многими времени *Present Perfect*, а во втором — о *Present Simple*. Важно отметить, что почти все учебники грамматики обращают на это внимания, позиционируя соответствующие наречия как *time indicators* (показатели времени). Полезны ли такие примечания или правильнее здесь говорить о слишком — излишне — упрощенном способе представления того или иного грамматического времени? Ответ на этот вопрос важен, т. к. опора на использование подобных «временных подсказок» может противоречить реальному узусу. Так, например, вполне корректными являются предложения, содержащие *never* и *sometimes*: “*He never touches alcohol*” или “*Sometimes I spent hours doing my homework*”. Соглашаясь с тем, что *time indicators* являются именно индикаторами, а не автоматическими определителями того или иного времени и требуют вдумчивого осмысления, полагаем, что они являются полезным и необходимым инструментом в процессе преподавания EFL (английского как иностранного). Более того, представляется, что в практике преподавания грамматики следует использовать больше подобных «подсказок» лексического характера. Речь идет о подсказках, которые фокусируют внимание студентов на языковых единицах, часто встречающихся в различных грамматических конструкциях. Сосредоточимся на нескольких практических моментах/иллюстрациях преподавания грамматики.

При изучении *Present Perfect* — одного из самых «любимых» студентами времен — преподаватель нередко тратит большое количество времени на пространные объяснения и презентации. В результате, однако, даже те студенты, которые хорошо усвоили теоретические постулаты, нередко продолжают совершать ошибки в употреблении этого времени, как в письменной, так и в устной речи. Оговоримся сразу, что речь идет, в основном, о студентах, которые не изучают английский в качестве своей основной специальности. Иными словами, речь идет о подавляющем большинстве изучающих язык. В случае с таким большинством представляется рациональным обратить внимание обучающихся на своеобразные языковые модели, в которых *Present Perfect* используется часто. Думается, что следует не только обратить внимание студентов на такие модели, но и попросить их запомнить их, как нечто неделимое,

целое, нечленимое. В каком-то смысле преподаватель при этом подходе руководствуется английской поговоркой, которая хорошо работает, например, с детьми: “Memorize, don’t analyze!” Представляется, что примерно так работает механизм усвоения родного языка у детей. Этот механизм в английском языке даже получил специальное наименование: ‘acquiring — not learning — the language’. В данной статье мы не будем углубляться в механизм усвоения языка детьми: это заслуживает отдельного рассмотрения.

Здесь же мы считаем вполне возможным проиллюстрировать введение такой, например, модели, в которой используется Present Perfect: the best I’ve (ever) + past participle. При введении такой конструкции на занятии не следует углубляться в вопросы, связанные с тонкостями использования Present Perfect. Необходимым и достаточным здесь будет утверждение учителя о частотности этой модели, о том, что с ней практически всегда используется форма превосходной степени сравнения имен прилагательных: It’s the best film I’ve ever seen или It’s the best story I’ve ever heard. Далее следует попросить студентов создать аналогичные конструкции. При необходимости можно помочь им с выбором конкретных имен существительных: football match, chocolate, gift. В результате — с большой долей вероятности — можно ожидать конструирования студентами предложений со следующими past participles: have watched, have eaten, have received. Следующим логическим шагом в данной ситуации может быть просьба-вопрос учителя относительно того, когда именно происходили такие события. Речь идет о вопросах-уточнениях следующего рода: When did you watch that football match? Получив ответ в Past Simple, учитель достигнет сразу двух учебных целей: а) Present Perfect традиционно используется для сообщения о чем-то новом в начале разговора; б) Past Simple всегда связан с «отсылкой» действия в прошлое, с отсечением и противопоставлением его настоящему времени.

Продолжая говорить об усвоении Present Perfect, позволим себе привести еще один пример. С точки зрения структуры многие пособия по английскому языку построены по тематическому принципу. В них последовательно вводятся и изучаются различные темы: travel, shopping, cinema/theatre etc. Представляется, что при изучении темы ‘travel’ уместно ввести следующую лексическую структуру: Have you (ever) been to... здесь, как и в предыдущем случае, не следует углубляться в объяснения конкретных функций Present Perfect. Необходимо и достаточно указать учащимся на то, что эта конструкция является очень частотной при обсуждении темы «Путешествия». Точно так же при обсуждении таких тем как ‘cinema’ или ‘books’ естественным образом возникают «готовые лексические кирпичики», состоящие из “Have you seen Star Wars?” или “Have you read Harry Potter books?”

Подобный подход, на наш взгляд, можно использовать при изучении и других компонентов видо-временной системы английского глагола. В частности, при изучении времени Past Perfect можно подсказать студентам, что это время очень часто используется в предложениях с глаголом to expect. В этих предложениях можно выделить следующую лексическую «матрицу»: more/-er ... than I had expected (e.g. I enjoyed the food more than I had expected). Опыт преподавания показывает, что, опираясь на такие готовые лексические блоки, студенты успешно справляются с конструированием предложений в Past Perfect и его усвоением. Заметим, что упомянутая модель хорошо работает также в предложениях с глаголами to imagine, to think: (e.g. ‘It’s a more

beautiful place than I had imagined' or 'She is a more romantic person than I had thought').

Представляется, что такой — лексический — подход к усвоению грамматического материала может быть уместен не только при изучении времен. Исправление ошибок, связанных с правильным употреблением окончания -s глаголов в *Present Simple*, нередко доставляет учителям много хлопот. Этих ошибок можно избежать, если ввести такой готовый лексический блок, как *it depends*. Пользуясь формулой 'it depends' можно легко конструировать предложения типа: *It depends on the weather, on my mood, on the circumstances etc.* В качестве еще одного «готового кирпичика» можно назвать лексический блок 'it doesn't matter'.

Таким образом, предлагаемый подход к усвоению разнообразного грамматического материала, имеет право на существование и применение. Особенно уместным и продуктивным будет использование лексического подхода с группами или индивидами, уровень которых не превышает *B1* по шкале *CEFR*. Таких обучающихся большинство, и они не всегда нуждаются в понимании тонкостей и деталей причин, по которым употребляется то или иное грамматическое явление.

Список литературы

1. *Karасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
2. *Brinton L.* *The Structure of Modern English.* N. Y: John Benjamin's Publishing Company, 2000. 335 p.
3. *Ilyish B.* *The Structure of Modern English.* М.; Л.: Prosvescheniye, 1965. 378 p.
4. *Lewis M.* *The Lexical Approach: the State of ELT and the Way Forward.* Hove, England: Language Teaching Publications, 1993. 127 p.

УДК 821.112.2"19"
 ББК 83.3(4Гем)6-117
 DOI: 10.46726/Н.2020.3.5

Е. И. Хачикян, О. Е. Похаленков

КОНЦЕПТ «ВРАГ» В РОМАНЕ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА «СЕМЬЯ ОППЕРМАН»

В представленной статье на примере романа Лиона Фейхтвангера «Семья Опперман» предложен возможный анализ художественного мира прозаического произведения посредством выделения фреймовой структуры концепта «враг». Обращение к категориям когнитивной лингвистики дает возможность не только выявить особенности поэтики романа Фейхтвангера, но и понять наступающую в Германии атмосферу террора, квинтэссенцией которой и является концепт «враг» (отметим, что писатель был свидетелем зарождения тоталитарной идеологии и поэтому в романе «Семья Опперман» дал полную картину нацистского режима). В работе будут рассмотрены основные значения концепта: «*простые сподвижники режима*» и «*идеологический враг*». Реализация значения концепта «*идеологический враг*» происходит на мотивном, образном и ассоциативном уровнях текста романа писателя. В исследовании особое внимание уделено не образу главы семьи Густаву Опперману, которого антисемитская политика поставила вне закона, а его сыну — молодому Бертольду Опперману и его столкновению с антисемитскими настроениями в гимназии, где он проходил обучение. Непонимание и последующая травля, которую испытывает юноша от преподавателя гуманитарных наук Бернда Фогельзанга, приводит в итоге к трагическому концу.

Ключевые слова: Лион Фейхтвангер, «Семья Опперман», концепт «враг», фрейм, мотив.

E. I. Khachikyan, O. E. Pokhalenkov

THE CONCEPT OF «ENEMY» IN THE NOVEL BY LION FEUCHTWANGER «THE OPPERMAN FAMILY»

In this article, on the example of the novel «the Opperman Family» by Lion Feuchtwanger, a possible analysis of the poetic world of a prose work is proposed by highlighting the frame structure of the concept «enemy». Referring to the categories of cognitive linguistics makes it possible not only to identify the features of the poetics of Feuchtwanger's novel, but also to understand the coming atmosphere of terror in Germany, the quintessence of which is the concept of «enemy» (it should be noted that the writer witnessed the birth of totalitarian ideology and therefore in the novel «the Opperman Family» he gave a complete picture of the Nazi regime). The paper will consider the main meanings of the concept: a «simple witness of the regime» and an «ideological enemy». The realization of the meaning of the concept «ideological enemy» occurs at the motive, figurative and associative levels of the text of the writer's novel. The study focuses not on the image of the head of the family, Gustav Opperman, who was outlawed by anti-Semitic politics, but on his son, young Bertold Opperman, and his encounter with anti — Semitic attitudes in the gymnasium where he studied. The misunderstanding and subsequent bullying

that the young man experienced from Bernd Vogelsang (teacher of the Humanities) led to a tragic end.

Key words: Lion Feuchtwanger, «the Opperman Family», concept «enemy» frame structure motive.

Роман знаменитого немецкого писателя Лиона Фейхтвангера «Семья Опперман» (первоначальное название «Семья Оппенгейм»), вышедший в 1933 г., по праву считается одним из самых «реакционных» произведений автора. И этому есть несколько причин. Во-первых, будучи евреем по происхождению, Фейхтвангер очень остро переживал ситуацию, сложившуюся вокруг его единоверцев в Германии после прихода к власти нацистов. Во-вторых, сама концепция романа была прямым вызовом тогдашнему обществу, которое, казалось бы, не хотело видеть трагедию, к которой ведут пламенные речи нацистских политических вождей.

В центре повествования Фейхтвангера находится богатая еврейская семья Опперман. Ее представители не только занимаются бизнесом (Опперманы владеют сетью мебельных магазинов), но и показаны настоящими интеллигентами. Как и для многих других подобных семей, для Опперманов встает основной вопрос эпохи — подчиниться и жить в страхе или бороться. Идеология нацизма становится им ненавистна не только потому, что антисемитская политика поставила их вне закона, но и потому, что она попрала нравственность, право, понятие о долге человека, о добре и зле. И Опперманы избирают борьбу, которая не может обойтись без жертв. Фейхтвангер на примере трагедии семьи говорит о том, что только действия, а не слова могут остановить и уничтожить нацизм, а с ним — и антисемитизм.

Одной из задач, которую ставил перед собой писатель при создании этого произведения, была попытка разрушить миф о нацизме (вокруг которого консолидировался немецкий боевой дух) и обличить тоталитарную нацистскую диктатуру. Писатель был свидетелем зарождения тоталитарной идеологии и поэтому в романе «Семья Опперман» дал полную картину нацистского режима, квинтэссенцией которой и является концепт «враг».

В представленном исследовании мы не будем останавливаться на уже известных и проанализированных образах (см. подр.: [2, 6, 7]), например, Густава Оппермана — главы фирмы и семьи, а сфокусируем внимание на противостоянии зарождающейся тоталитарной (нацистской) идеологии и гуманизма. Эта оппозиция будет рассмотрена на уровне системы персонажей и уровне системы мотивов (образы Бертольда Оппермана и его учителя Бернда Фогельзанга) с включением художественного концепта (и фреймов-сценариев, его структурирующих).

В настоящее время существует несколько подходов к пониманию понятия концепт, однако в представленном исследовании мы будем отталкиваться от определения Д. С. Лихачева: «Концепт — личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения» [1, с. 6]. Следует отметить, что при анализе художественных произведений мы будем использовать определение «художественный концепт», чтобы отличать его от общеязыкового. В представленной работе будут рассмотрены основные значения концепта: *простые сподвижники режима и идеологический враг*.

В работе мы также опираемся на теорию о базовом значении фрейма-сценария как на последовательность нескольких эпизодов во времени, имея в виду прежде всего стереотипные эпизоды с признаком движения, развития. Фактически это фреймы, разворачивающиеся во времени и пространстве, как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов, например, посещение кино, поездка в другой город, посещение ресторана, поликлиники, драка, игра, экскурсия [3, с. 119]. Уточним, что при анализе текста с нарратологической точки зрения используется термин «мотив», обращение же к когнитивному анализу позволяет задействовать терминологический аппарат данной отрасли филологической науки, то есть оперировать терминами «фрейм», «концепт» и т. д. Подобный подход возможен потому, что в художественном произведении фреймы представляют собой комплекс фабульных (повествовательных) мотивов (см. подр.: [5]).

Сам концепт «враг» в романе реализуется несколькими принципиальными и связанными с героем фреймами: фреймом *борьбы* (мотив противостояния человека и тоталитарной системы), *возмездия* (мотив мести), а также *преследования*. Рассмотрим их подробнее.

В самом начале повествования автор отмечает устами Густава Оппермана — одного из центральных персонажей произведения — насколько тяжело было вести бизнес в условиях «наступающего» нацизма: «Дьявольски трудно в нынешние времена, времена кризиса и растущего антисемитизма, достойно представлять это наследие» [4, с. 360]. Следует отметить, что концепт «враг» формируется «вражеским» художественным пространством родного города для семьи Опперманов. В это пространство Фейхтвангер включает персонажей, образы которых входят в концепт «враг» со значением *простые сподвижники режима*. Примером такого персонажа является Генрих Вельс — владелец конкурирующей мебельной фирмы: «Генрих Вельс перестал понимать мир. Озлобление его росло. В последние годы, правда, стало лучше. Все громче заявляло о себе движение, которое считало, что ремесленный труд более соответствует духу немецкого народа, чем стандартизированное интернациональное фабричное производство. Движение это называло себя “национал-социализм”. Оно насаждало мысль, что в гибели Германии виноваты евреи с универсальными магазинами...» [4, с. 362].

Как видно из этого эпизода, встречаясь с представителями иного народа, люди, конечно же, имеют естественную склонность воспринимать их с позиций своей культуры — «они не такие, как мы», они ведут себя не по-нашему, странно, то есть плохо. Фейхтвангер показывает, что немцы-евреи, давно осевшие в немецкоязычных странах, неожиданно стали восприниматься немцами-нацистами как представители чего-то чужого. Такая тенденция искусственно подогревалась в СМИ и насаждалась национал-социалистами. Именно среди немецкого общества того времени мы обнаруживаем значение *простые сподвижники режима*. Критерием его появления является связанный с ним фрейм *борьбы* и *преследования* из-за зависти или недовольства их деятельностью. Подобные высказывания Вельса находятся в тексте: «Успехи Опперманов гораздо сильнее били по честолюбию Генриха Вельса, чем по его жажде наживы» [4, с. 363]; «Густав и Мартин Опперманы — люди несносно высокомерные, с чисто иудейской спесью» [4, с. 364].

Идейный враг персонифицируется для героев Фейхтвангера в образе немцев-нацистов. В романе он связан с семнадцатилетним сыном Густава Оппермана — Бертольдом. С первых строк, посвященных Бертольду, автор

вводит читателя в ситуацию противостояния, которая возникла у молодого Оппермана. Молодой человек описывается как думающий юноша: «Семнадцатилетний Бертольд, обладавший живым даром речи, порою, как и отец, был скуп на слова, в особенности если дело касалось вещей, сильно его волновавших» [4, с. 370], которого действительно волновали проблемы, которые поднимались на уроках истории и немецкой литературы. Кроме того, это были его любимые предметы.

В гимназию, где учился молодой Опперман, после гибели их школьного наставника и основного преподавателя по гуманитарным предметам, неожиданно утверждают нового преподавателя: «До мальчиков, кроме того, дошли слухи, что от доктора Фогельзанга пахнет национализмом. А в гимназии королевы Луизы, при либеральном, мягком директоре Франсуа, национализм был не в чести» [4, с. 393]. На Бертольда, до этого не сталкивавшегося с проявлениями антисемитизма, эта новость не произвела никакого впечатления. Однако Фогельзанг сразу почувствовал ненависть к Бертольду и заменил ему доклад про гуманизм (который он считал чисто «еврейским») на тему про Армия Германца.

Сам топос *гимназия*, который ранее относился в сознании Бертольда к пространству «свое», постепенно начинает приобретать исключительно негативную символику и принадлежность к «чужому» для молодого Бертольда. На одном из уроков учитель Фогельзанг открыто декларирует слова ненависти к представителям иной веры и убеждений: «Кто-то упомянул о неистовом клейстовском гимне «Германия своим сынам» (он его знал наизусть. Самозабвенно декламировал он слова ненависти) [4, с. 400]».

Фейхтвангер также показывает ситуацию, сложившуюся вокруг нового учителя, с разных сторон. Если молодой Опперман переживал по поводу замены доклада и того факта, что не мог найти общий язык с Фогельзангом, то другие ребята, наоборот, чувствовали определенный эмоциональный подъем, так как подобно Фогельзангу верили в идеалы нацистской Германии: «Около Вернера Риттерштега собралась небольшая группа, человек пять-шесть. Это националисты седьмого класса. До сих пор им туго приходилось, теперь для них восходит заря... Преподаватель Фогельзанг входит в президиум имперского союза «Молодые орлы». Это большое дело. «Молодые орлы» — тайный союз молодежи, окруженный атмосферой таинственности и приключений. Там пьют кровавый брудершафт, там существует тайное судилище: жестокая кара ждет каждого, кто выдаст хоть самое незначительное решение» [4, с. 395].

Далее автор указывает, что противостояние между Фогельзангом и Бертольдом приобрело уже *идеологический* характер: «Бертольд единоборствовал со своей темой. Это была большая битва, где доктор Фогельзанг являлся врагом» [4, с. 401]. Из текста становится видно, что Фейхтвангер сознательно употребляет лексему с негативной коннотацией по отношению к Фогельзангу: *враг* (автор открыто проводит параллель с врагом, приравнивая учителя к противнику).

Конечная же реализация значения «идейный враг» в ядре концепта связана с тем, что идейный враг для Бертольда окончательно персонифицируется именно в образе убежденного нациста Фогельзанга. С ним связано и враждебное пространство, составляющее ассоциативное поле концепта.

Несмотря на подготовку к докладу по «Армению Германику» («Бертольд сидел, углубившись в книги, трактовавшие его тему: Тацита, Момзена,

Дессау. Достиг ли Герман Херуск чего-нибудь в действительности? Победа принесла ему чертовки мало...» [4, с. 402]), герой не смог получить положительную оценку, а наоборот, его выступление на уроке переросло в открытое противостояние с учителем, так как он усомнился в наличии подвига Арминия: «Герман был прав. Только через это восстание, пусть даже с риском позднейших поражений, германцы осознали себя, выкристаллизовались, ощутили себя. Без этого восстания они никогда бы не вошли в историю, они безымянно растворились бы в других народах ...» [4, с. 402].

Стоит отметить, что доклад Бертольда изначально был обречен на неудачу. Юноша пытался докопаться до истины, как он это делал до того, привести разные доводы и факты, но это не было нужно в условиях новой нацистской Германии, в которой пропагандировалась новая идеология. Об этом говорит и сам автор: «Бернд Фогельзанг ценил слепое повиновение авторитету, оно было для него признаком вассальной преданности» [4, с. 405].

Список литературы

1. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН — СЛЯ. 1993. № 1. С. 3—9.
2. *Нартов К.* Лион Фейхтвангер — писатель-антифашист: к 100-летию со дня рождения. М.: Знание, 1984. 61 с.
3. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
4. *Фейхтвангер Л.* Успех. Семья Опперман // Собр. соч.: в 12 т. М.: Худ. лит., 1964. Т. 4. 710 с.
5. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52—93.
6. *Janzen S.* Die Darstellung der Weimarer Republik und ihrer Gesellschaft im Familienroman «Die Geschwister Oppermann» von Lion Feuchtwanger: Geschichtsroman oder Zeitdokument? GRIN Verlag, 2008. 29 S.
7. *Spalek J. M., Hawrylchak S. H.* Lion Feuchtwanger: a Bibliographic Handbook. Saur, 2004. 386 S.

УДК 94(470+571)"19"
ББК 63.3(2)522-334
DOI: 10.46726/Н.2020.3.6

К. Е. Балдин

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена распространению передовой сельскохозяйственной техники среди крестьян Костромской губернии в начале XX столетия. Хозяйственное сознание большинства крестьян в это время было консервативным. Они привыкли использовать устаревшую технику и традиционные приемы обработки земли. Автор рассматривает пропаганду новой техники среди крестьян, земства стремились наглядно продемонстрировать им преимущества новых машин. После этого земцы предлагали технику крестьянам в аренду. Для того, чтобы она была доступна, плата за прокат была минимальной, а сеть прокатных пунктов была разветвленной. После этого земство уже предлагало крестьянам купить сельскохозяйственные машины. Это можно было сделать на сельскохозяйственных складах, которые имелись в каждом уезде. При этом земства не получали очень небольшую выгоду от продажи техники. Крестьяне использовали в основном сельскохозяйственные машины, которые были произведены в России. Деятельность земства способствовало техническому прогрессу сельского хозяйства России, у многих крестьян появлялись плуги, сеялки, молотилки, сортировальные машины и другая передовая техника. Конечно, такие машины из-за их дороговизны могли купить не все крестьяне.

Ключевые слова: земство, сельскохозяйственные машины, сельскохозяйственное машиностроение, русское крестьянство, земские агрономы, сельскохозяйственные склады, технический прогресс.

К. Е. Baldin

TECHNICAL PROGRESS OF THE PEASANT HOLDING IN KOSTROMS PROVINCE IN THE EARLY 20th CENTURY

The article is devoted to the distribution of advanced agricultural machinery among peasants of Kostroma Province in the early 20th century. The economic consciousness of most peasants at this time was very conservative. They used outdated machinery and traditional land-processing techniques. The author considers the propaganda of new technology among peasants, Zemstvo demonstrated to them the advantages of new machines. After that, Zemstvo offered equipment to peasants for rent. In order for it to be available, rental fees were minimal and the network of rent points was branched. After that, the Zemstvo offered peasants to buy agricultural machines. This could be done in the agricultural warehouses that were available in each county. At the same time, the Zemstvo did not receive great benefit from the sale of equipment. The peasants used mainly agricultural machines that were produced in Russia. The activities of Zemstvo contributed to the technical progress of Russia's agriculture, many peasants already had ploughs, seedlings, sorting

---

© Балдин К. Е., 2020

machines and other advanced equipment. Of course, not all peasants could buy such machines because of their pretty high cost.

Key words: Zemstvo, agricultural machinery, agricultural engineering, Russian peasantry, Zemstvo agronomists, agricultural warehouses, technological progress.

После реформы 1861 года крестьяне в России получили земельные наделы, однако, они были явно недостаточными для их безбедного существования. Крестьяне в первые пореформенные десятилетия вели свое хозяйство по старинке, используя полезный, но уже стремительно устаревавший опыт предыдущих поколений. Они веками пахали землю с помощью сохи-косули, а затем рыхлили ее деревянной бороной. Посев осуществлялся вручную, в результате не все семена оказывались в земле и прорастали. Сбор урожая также проводился вручную, его жали серпами, а молотили с помощью цепов. О сортировке зерна многие знали только понаслышке.

Так было почти везде, в том числе в такой типичной нечерноземной губернии как Костромская, где естественная урожайность была значительно ниже, чем в черноземной полосе России. Именно поэтому здесь было особенно важно внедрять прогрессивную технику, которая в это время уже широко использовалась крестьянами в Западной Европе и Америке.

Сами по себе крестьяне не могли в полной мере осознавать острую необходимость в этой технике. Хозяйственное сознание сельских жителей по-прежнему было консервативным и ориентировалось не на новшества, а на опыт предыдущих поколений. Однако в начале XX в. на помощь сельчанам приходит российское земство. Агрономическая деятельность этих органов местного самоуправления в первые полтора десятилетия XX века развивалась ускоренными темпами, местные общественные деятели хотели как можно быстрее наверстать упущенное.

Особенно много энергии и материальных средств земцы затрачивали на осуществление технического переворота в деревне, т. е. на внедрение в деревню передовых сельскохозяйственных машин и орудий. При этом земцы стремились к тому, чтобы техническая революция в российской деревне стала не только динамичной, но и как можно менее затратной для рядового сельского труженика.

Сначала остановимся на источниках поступления техники в российскую деревню. Такая отрасль как машиностроение в России была развита слабо, однако внутри ее существовали два сегмента, которыми отечественная индустрия могла гордиться. Это было транспортное (производство паровозов и вагонов) и сельскохозяйственное машиностроение. Большинство заводов по производству сеялок, веялок, молотилок, сортировальных машин и др., находилось на юге России — на Украине и в Центральном Черноземье, т. е. там, где сельское хозяйство было более передовым, чем в Нечерноземье. Некоторые предприятия этой подотрасли располагались также в Петербурге, Подмосковье и Приуралье. Таким образом значительная часть сельскохозяйственных машин и орудий, поступавших в российскую деревню, были отечественного производства, даже если они были выпущены на заводах, которые принадлежали иностранным владельцам. В то же время в Россию попадало немало техники из Западной Европы и Соединенных Штатов Америки, за океаном сельскохозяйственное машиностроение было очень развито.

Целесообразно сделать краткий обзор тех предприятий, с которых техника поставлялась в Костромскую губернию. Наиболее популярные сельскохозяйственные орудия в начале XX в. — плуги выпускал завод, основанный обрусевшим прибалтийским немцем Эмилием Липгартом с братьями, а также Воткинский завод в Приуралье, продукцией которого одновременно являлись морские и речные суда, паровозы и другая железнодорожная техника. Плуги модели Липгарта поставлялись также заводом Ярославского товарищества, причем от него плуги были даже дешевле, чем с самого завода Липгарта [4, с. 46].

Одним из крупнейших поставщиков сельскохозяйственных машин в Россию являлась Международная кампания жатвенных машин. Она была основана в США, затем построила свой завод в Люберцах под Москвой, всего в России в 1913 г. действовало 3558 (!) агентств этой кампании [12]. На русский рынок поставляла жатки и другую технику также американская компания Мак-Кормика.

Среди машин, продававшихся на земском сельскохозяйственном складе в Нерехте была техника от Торгового дома Мутнера в Будапеште (Австро-Венгрия), завода Людвига Нобеля, который в Петербурге производил оружие, а также гражданскую технику для сельского хозяйства [11, с. 322]. В Костромском и Макарьевском уездах крестьянами применялось «ручное бельгийское трепало» для обработки льна [5, с. 154].

Основным поставщиком, через которого осуществлялось целенаправленное снабжение земств техникой, являлось Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗГИ), с мая 1905 г. — Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗЗ). Его с 1908 по 1915 г. возглавлял выдающийся российский государственный деятель А. В. Кривошеин. Внутри этого ведомства непосредственно за поставки сельхозтехники и ее прокат отвечал департамент земледелия [2, с. 70, 73, 83].

Эти машины поступали из департамента в губернские земства, затем абсолютное большинство их направлялось в уездные земства. Последние, в свою очередь перенаправляли их в агрономические участки, находившиеся в крупных селах, для начала — для демонстрации, т. е. знакомства крестьян с ними, а потом для предоставления в прокат как физическим лицам (крестьянам), так и сельским кооперативным объединениям. Кроме того, сотни машин, попавших в провинцию по земским каналам, продавалась на земских сельскохозяйственных складах. Последние представляли собой крупные магазины хозяйственных товаров, в которых можно было купить любые сельскохозяйственные орудия и машины, начиная с лопаты или косы и заканчивая дорогостоящей рядовой сеялкой или молотилкой. Такие склады появились в начале XX в., первоначально — в уездных центрах, а потом открылись их филиалы в крупных селах.

Начало XX в. характерно в России настоящим переворотом в земледелии, который произошел благодаря широкому распространению в крестьянском хозяйстве плуга. Он отодвинул на задний план соху, которая была главным орудием обработки земли на протяжении многих столетий со времен Древней Руси. Очень значительной представляется роль земских органов в этом процессе. Они целенаправленно внедряли плуги среди крестьян.

Большое значение имел личный пример того или иного крестьянина, который первым покупал плуг, преодолев хозяйственный консерватизм и решившись на определенные материальные затраты. В своем письме в «Известия Костромского губернского земства» автор — житель Варнавинского

уезда рассказывал, что пахать сохой-косулей с железных лемехом человеку тяжело и лошадь с косулей «тоже мучается». Недавно его односельчанин купил в городе Ветлуге плуг. Сначала у него не все получалось, но после окончания весенних работ оказалось, что весь вывезенный на поле навоз оказался запаханым в землю. В то же время, после пахоты сохой комья этой органики оставались лежать на поверхности. После сохи, как говорилось в письме, «иная полоса, не знаешь, вспахана или свиньи ее взрыли». Автор письма тоже решил купить плуг, а за ним и другие крестьяне проделали то же самое и в настоящее время радуются, говоря: «гуляние, а не паханье». Автор письма — крестьянин П. Я. Долинин заключал это письмо восклицанием: «Дай Бог здоровья тому человеку, который плуги выдумал» [8, 1913, № 6, с. 8—11].

Особенно были довольны плужной пахотой жители тех уездов, в которых мужчины промышляли отходничеством, например, в Кологривском уезде. При отсутствии мужчин здесь приходилось обрабатывать землю женщинам и подросткам, что было для них крайне тяжело. Корреспондент тех же «Известий Костромского губернского земства» сообщал, что местные крестьянки забросили сохи-косули и купили плуги [8, 1914, № 1, с. 38—39].

В результате деятельности земства плуги в костромской деревне стали пользоваться среди населения все более высоким и порой даже ажиотажным спросом. На губернском земском складе в Костроме даже пароконные, совсем не дешевые и довольно громоздкие плуги Воткинского завода продавались все более активно: в 1903 г. — 105 штук, 1904 г. — 179, 1905 — 293, 1906 — 349. Только в 1907 г. здесь обозначился временный спад в продажах — 196 шт. Это было обусловлено неурожаем 1906 г. и, соответственно, сокращением финансовых возможностей крестьян [3, с. 41].

В деревню, наряду с орудиями для обработки почвы, т. е. плугами, проникали через земства другие и весьма разнообразные сельскохозяйственные машины, в частности — сеялки. Очень разнообразны были машины, предназначенные для обработки зерна после его уборки. Например, это были триеры разных моделей — машины, предназначенные для сортировки зерновых, они отделяли от ржи или овса различные примеси — семена куколя, овсюга и других посторонних растений. В частности, в костромской деревне были особенно распространены триеры Маро. Кроме того, применялась сортировка «Триумф», которая под таким же названием, но серьезно модернизированная, до сих пор применяется в сельском хозяйстве России [1, 1914, № 2, с. 20].

Новые сельскохозяйственные машины в большинстве своем были не ручными, а работали на конной тяге. Для приведения их в движение использовалась одна, две, а в некоторых случаях — даже три лошади. В качестве привода использовались и так называемые нефтяные двигатели. На самом деле они использовали не нефть, а так называемые «нефтяные остатки», т. е. нечто в роде современного мазута. При этом нужно оговориться, что такого рода технику имели возможность купить отнюдь не рядовые крестьяне, а только очень зажиточные или же сельские кооперативные объединения, которых в начале XX в. в деревне становилось все больше [5, с. 152].

Одни сельскохозяйственные машины быстро завоевывали популярность среди крестьян, к другим они относились с подозрением или просто равнодушно. Это отношение определялось, как нам представляется, тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, если практическая польза машины была видна невооруженным взглядом, то крестьяне ее охотно брали в прокат или даже покупали. Во-вторых, многое зависело от сложности предлагавшихся крестьянам

механизмов. К сложным и громоздким агрегатам крестьяне относились с опаской. В-третьих, разумеется, играла свою роль стоимость этой техники.

Например, жатки, конные грабли и сноповязалки продавались на сельскохозяйственных складах Костромской губернии буквально единицами, и их эффективность крестьянам еще надо было доказывать. Что касается плугов, то они, как говорилось выше, продавались сотнями [3, с. 41].

Большинство крестьян не покупало сельскохозяйственные машины для обработки зерновых по причине их дороговизны. Агрегат стоимостью в несколько десятков рублей или даже более 100 р. мог купить только зажиточный крестьянин, да и то, если последний целенаправленно стремился улучшить свое хозяйство, идя на немалые расходы ради этой цели. Крестьяне брали такую технику в прокат, также для очистки и сортировки семян они везли свое зерно на земские агрономические пункты, где это можно было проделать за сравнительно небольшую плату. Например, в Кинешемском уезде, насчитывалось 8 таких пунктов: в селах Семеновское, Спас-Заборье, Есиплево, Покровское, Решма, Батманы, Шилекша. На каждом из них стояли следующие машины: молотилка, веялка-сортировка «Крестьянка», сортировка «Триумф», сортировка «Змейка» для отделения вики и полевого горошка от зерновых, куколеотборники для отделения семян сорного растения куколь от зерна [1, 1914, № 2, с. 20].

Крестьяне все более интенсивно использовали такого рода машины, находившиеся на земских агропунктах. Эта техника особенно интенсивно работала весной, когда крестьяне везли туда свой посевной материал даже не мешками, а буквально возами. В Кинешемском уезде некоторые машины работали круглые сутки, а из крестьян, приехавших сюда, образовывались очереди. За первые 4 месяца 1913 г. (предпосевной сезон) на агропунктах Кинешемского уезда было очищено от сорняков 14 тыс. пудов семян, а за те же месяцы в 1914 г. — уже около 16 тыс. пудов [1, 1914, № 7/8, с. 48].

Кроме машин для обработки почвы, уборки и сортировки зерновых, в деревне стала появляться техника, предназначенная для других агрономических нужд. Земство в начале XX в. уделяло все большее внимание окультуриванию крестьянских лугов, которые находились в не лучшем состоянии — они были покрыты кочками, давали мало сена, там произрастали травы, вредные или даже опасные для скота. Поэтому в Костромскую губернию начали завозить сначала для демонстрации, а потом для проката и продажи луговые бороны систем Лааке и Аураса. С помощью их можно было удалить мох с лугов, освежить дерновый слой для того, чтобы облегчить проникновение воздуха к корням полезных луговых растений. Такие бороны в Костромской губернии были выданы в пользование кооперативным организациям — Ряполовскому сельскохозяйственному обществу и Слободо-Шишкинскому кредитному товариществу в Костромском уезде. Такие же бороны получила Нерехтская уездная управа для ознакомления крестьян с этими орудиями [6, с. 108—109].

В Костромской губернии особенно широко было распространено выращивание льна и его первичная обработка. В дальнейшем льноволокно отправлялся на местные прядильно-ткацкие фабрики, которые находились в Костроме, Пучеже, Яковлевском (ныне — г. Приволжск) и других текстильных промышленных центрах. Обработку выращенного льна крестьяне производили с помощью ручных мялок, которые принципиально не меняли своей конструкции на протяжении столетий. Но в начале XX в. земство стало предлагать крестьянам механические льномялки.

В Варнавинском уезде до 1912 г. земство ими вообще не торговало. Но после близкого ознакомления с ними местных крестьян в 1912 г. с местного сельскохозяйственного склада были проданы первые 5 штук, в следующем году — уже 16 штук, плюс еще 9 были привезены из соседней Нижегородской губернии. В конце 1913 г. в уезде работали уже 30 механических мялок, из них 24 — двухвальные, и 4 — более производительные трехвальные [10, с. 203—204]. В 1909 г. на Костромском губернском сельскохозяйственном складе было продано всего 5 механических мялок, 1910 — 22, 1911 — 57, 1912 — 85, 1913 — 176 [7, с. 30]. Эти статистические данные наглядно свидетельствуют о возрастающих темпах технического прогресса, который охватывал не только столичные, но и провинциальные губернии.

Хозяйственное сознание крестьян было очень консервативным. Они веками привыкли к определенному ассортименту зерновых и технических культур, придерживались совершенно определенных сроков посева их, использовали сельскохозяйственные орудия, которые применяли их отцы, деды и прадеды. Новые культуры, новые приемы земледелия, новые орудия и машины они встречали с большим недоверием. Крестьян, восприимчивых к новшествам, даже в крупном селении можно было пересчитать по пальцам. Устную агитацию агрономов за что-либо новое и печатную информацию в агрономических журналах сельчане воспринимали с большими сомнениями. Земские деятели отчетливо понимали, что внедрить новшества в крестьянскую среду можно только путем наглядной демонстрации, убедительных примеров.

Земцы в Костромской губернии использовали такой эффективный способ технической пропаганды как ознакомление крестьян с машинами во время агрономических курсов. Накануне Первой мировой войны они проводились практически во всех уездах. В весьма отдаленном от губернского центра Ветлужском уезде курсы прошли в 1913 г. в большом селе Хмельницы. На них съехались не только местные крестьяне, но и жители пяти окрестных волостей. Этим любознательным сельчанам агрономы показывали на курсах не какие-либо редкие, а наиболее распространенные виды и модели сельскохозяйственных орудий и машин. Они стояли под навесом около сельской школы, в которой шли занятия на курсах. Поэтому рядом с техникой во время перерывов и после окончания лекций постоянно толпились сами курсанты и местные крестьяне. Они оживленно обсуждали недостатки и достоинства техники. При этом скептиков было меньше, чем горячих сторонников новшеств. Крестьян особенно заинтересовал плуг Липгарта, а также бороны Зиг-Заг и Лааке, рядовая сеялка завода Эльворти, клеверная сеялка Кроуна, триер Маро, сортировка, соломорезка и другие машины [8, 1913, № 11, с. 13].

После того, как крестьяне привыкали к новой технике и позитивно оценивали ее во время демонстрационных мероприятий, земства начинали предлагать сельскохозяйственные машины крестьянам. Сначала в этих предложениях речь шла не о покупке машин (к чему большинство крестьян были явно не готовы), а только об их прокате.

Известный земский деятель Кинешемского уезда В. С. Дмитриев еще в 1901 г. выступил в предложением купить на средства земства жатки, а в дальнейшем отправить их в те волости, откуда придут на них заявки. Он считал, что следует предоставлять крестьянам эти машины во временное пользование «за самую дешевую плату или даже бесплатно». По инициативе В. С. Дмитриева земство отпустило для приобретения двух жатвенных машин 500 рублей [9, с. 105].

Бесплатным прокат являлся для тех орудий, с которыми крестьяне были знакомы мало или вообще не знакомы. Например, на сельскохозяйственных складах в Костромской губернии к плугам и пружинным боронам в 1913—1914 гг. население уже привыкло и в полной мере оценило их, они не нуждались в рекламе. В то же время, рядовые сеялки, льномялки и культиваторы-пропашники давались в прокат на короткий срок совершенно бесплатно отдельным сельчанам и в значительной степени для демонстрации их другим крестьянам. На протяжении этой краткосрочной аренды машины работали под непосредственным надзором земского агрономического персонала и поэтому находились в исправности. Агрономы учитывали, что крестьяне по незнанию или из-за небрежности могли сломать дорогостоящую технику [8, 1914, № 2, с. 42, 45].

В Костромской губернии в течение 1911 и 1912 г. было организовано в общей сложности 27 постоянно действовавших прокатных пунктов. Учитывая то, что в губернии насчитывалось 12 уездов, то в среднем на уезд приходилось 2—3 таких точки. Например, в Нерехтском уезде был всего один пункт, а в Ветлужском их — целых шесть [6, с. 108—110].

Накануне Первой мировой войны пунктов проката стало больше. В одном только Кинешемском уезде в 1913—1914 гг. их насчитывалось восемь. Они равномерной сетью охватывали территорию уезда как по левому, так и по правому берегу Волги. На прокатных пунктах имелись такие орудия как веялки-сортировки «Крестьянка» для зерновых, сортировки «Триумф» для них же, льноочистительные машины «Бломериус», чугунные мялки для льна, клеверные терки для получения семян этого кормового растения. Этот прокатный пункт правильнее было бы назвать пунктом обслуживания, т. к. сами машины здесь не давали на руки крестьянам, но ими можно было пользоваться под надзором ответственных лиц от земства за очень невысокую плату. Например, очистка 1 пуда хлеба стоила всего 1 коп., льна — 2 коп., клеверных семян — 3 коп. [1, 1914, № 2, с. 20].

Небогатые крестьяне брали машины в аренду или пользовались ими за земских агрономических пунктах. В отличие от них зажиточные и наиболее предприимчивые сельчане могли позволить себе купить сельскохозяйственные машины. Продажи этих товаров в общем обороте земских сельскохозяйственных складов занимали значительное место. Об этом свидетельствуют статистические данные об оборотах губернского склада в Костроме накануне Первой мировой войны. В 1911 г. машины и орудия были проданы здесь на 97 тыс. р., в 1912 г. — уже на 111 тыс. При этом нужно оговориться, что в данные суммы вошла выручка не только от сложной и новой техники, но и от реализации простейших орудий труда — лопат, грабель, вил, кос, серпов и др. Для сравнения приведем данные о продажах в 1911 и 1912 гг. других товарных групп: семена зерновых — соответственно 28 и 32 тыс. р., семена кормовых трав — 62 и 99 тыс., минеральные удобрения — 14 и 24 тыс. р., железно-скобяные товары — 77 и 130 тыс. р. Таким образом, сельскохозяйственные орудия и машины по объемам продаж уступали только железно-скобяным товарам, среди которого особенно много продавалось кровельного железа. В то время оно быстро набирало популярность у крестьян, вытесняя тес, дранку и другие виды кровельных материалов [6, с. 147; 10, с. 257].

Торговля сельскохозяйственной техникой не являлась в полном смысле этих слов коммерческими операциями для земства. Еще раз подчеркнем, что ее главной целью было продвижение машин в крестьянскую среду. В связи

с этим так называемые «накидки» (т. е. наценки) на сельскохозяйственные орудия и машины в земских складах были минимальными. Склад Костромского губернского земства приобретал плуг по 5 рублей, а продавал его крестьянам по 5 р. 05 коп., разница в пять копеек не оправдывала расходы по доставке товара от продавца на склад. Некоторые товары продавались даже по себестоимости [8, 1914, № 12, с. 46]. В какой-то мере земцы компенсировали эти убытки за счет более значительных накидок на простейшие сельскохозяйственные орудия, например, на косы и серпы, которые пользовались неизменным спросом у крестьян.

Как уже отмечалось выше, среди крестьян встречались прогрессивные, восприимчивые к новшествам хозяева. Именно на них опирались земские агрономы, внедряя новые машины и орудия в деревне. В Макарьевском уезде участковый агроном из села Ковернино П. А. Грачев посоветовал передовому крестьянину Д. И. Чистякову, который являлся старостой в своей деревне, взять в прокат новую пружинную борону. Когда крестьянин привез ее в родную деревню, односельчане, увидев ее, дружно предсказывали, что она не будет работать на каменистой почве, характерной для этой местности. Вопреки ожиданиям, оказалось, что зубья этой бороны, хотя и гнулись от камней, но не ломались, их легко и быстро можно было разогнуть. После этого некоторые местные крестьяне захотели купить такие бороны [8, 1913, № 8, с. 48—49].

В ряде случаев крестьяне проявляли коллективную инициативу через свои кооперативные организации, которые в начале XX в. возникали в деревне десятками и сотнями. В деревне Дьяконово, расположенной между городом Юрьево и посадом Пучеж по просьбе местного сельскохозяйственного общества (кооператива) в 1911 г. был открыт пункт по переработке льна в связи с тем, что во многих окрестных селениях выращивали эту трудоемкую и ценную культуру, занимавшую здесь около половины ярового клина. Кооператоры сами построили деревянное помещение для этого «льнообделочного пункта», купили за 1600 р. двигатель, работавший на мазуте. Причем машины были приобретены за счет губернского земства и на средства, присланные из Петербурга в рамках целевой программы помощи крестьянскому хозяйству. Оборудование этого пункта состояло из льнотрепальной камеры, вентилятора, 10-вальной и 3-вальной льномялок завода Хрущева, льномолотки Эдди, льнотрепалки с ручным приводом и т. п. [5, с. 151, 153].

Таким образом, в начале XX в. происходят коренные социально-экономические преобразования в российской деревне. Правительство во главе с П. А. Столыпиным с 1906 г. осуществляло реформу, развязавшую хозяйственную инициативу крестьян путем освобождения их от стеснительной общинной опеки. Власти организовали подготовку агрономических кадров, внедрение в деревню новых сортов сельскохозяйственных культур, посевов кормовых трав и поставки эффективной и сложной (по тем временам) сельскохозяйственной техники.

Однако эти усилия правительственных структур наверняка оказались безрезультатными, если бы не активная деятельность земств, помогавших крестьянскому хозяйству, в том числе — в распространении техники. Если бы не существовало грамотно выстроенного земством алгоритма продвижения в деревню сельскохозяйственных машин, то успехи столыпинского землеустройства были бы значительно скромнее, а темпы роста сельскохозяйственного производства в стране были бы совершенно иным. Эта схема внедрения новшеств состояла из трех взаимосвязанных этапов, которые,

по большей части, развивались последовательно, но в ряде случаев и параллельно. Во-первых, земства уделяли много внимания демонстрации техники крестьянам. Последние никому не верили на слово и должны были сами убедиться в преимуществах машин перед ручным производством. Во-вторых, после этого земцы предлагали технику крестьянам в краткосрочную аренду, т. е. в прокат. Для того, чтобы техника была доступна, плата за прокат установили минимальную, а сеть прокатных пунктов в уездах была достаточно разветвленной. В-третьих, земство стало предлагать крестьянам купить сельскохозяйственные машины. Это можно было сделать на сельскохозяйственных складах, которые имелись в каждом уезде, и не по одному. При этом земцы не собирались наживаться на крестьянах, от продажи этой техники земский бюджет не получал почти никакой выгоды. Конечно, такую технику вследствие ее дороговизны могли купить далеко не все. При этом отметим, что значительная часть техники была отечественного производства, хотя, разумеется, встречались машины западноевропейского и американского производства.

Далеко не все крестьяне использовали, а тем более — покупали эту технику. Одни этого не делали по бедности, другие — по инертности, третьи — вследствие хозяйственного консерватизма. Вместе с тем, в деревне имелся постепенно возрастало число энтузиастов, которые были восприимчивы ко всему новому. Именно на них опирались земские агрономы, продвигая в деревне плуги, сеялки, жатки, веялки и др. машины.

Список литературы

1. Вестник Кинешемского земства.
2. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 3. СПб.: Наука, 2002. 228 с.
3. Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1907 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1908. 87 с.
4. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. Кострома, 1910. 196 с.
5. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 года. Кострома, 1912. 396 с.
6. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1912 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1913. 381 с.
7. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению к очередному губернскому земскому собранию сессии 1914 года. Кострома, 1915. 308 с.
8. Известия Костромского губернского земства.
9. *Касаткина С. В.* Заволжские усадьбы. М.: Планета, 2012. 240 с.
10. Костромское губернское земство. Доклады к очередному губернскому земскому собранию сессии 1913 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1913. 388 с.
11. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1912 г. Кострома, 1913. 357 с.
12. *Томпсон С.* Российская внешняя торговля XIX — начала XX в. Организация и финансирование. URL: <http://statehistory.ru/books> (дата обращения: 03.04.2020).

УДК 94(470.315) "19"
ББК 63.3(2Рос-4 Ива)53-28
DOI: 10.46726/И.2020.3.7

Т. А. Ковров

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ СОСЛОВИЙ ГОРОДА ШУИ
И ШУЙСКОГО УЕЗДА В УЧЕТНО-ССУДНОМ КОМИТЕТЕ
ПРИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА
(На материалах государственного архива Ивановской области)**

Статья посвящена исследованию представителей сословий города Шуи и Шуйского уезда в учетно-ссудном комитете при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка. В статье обосновывается проблема о том, что учетно-ссудные комитеты при отделениях Госбанка действовали на основе института государственно-частного партнерства. Вводятся в научный оборот новые архивные материалы, содержащие информацию о шуйских предпринимателях в пореформенный период. Называются имена этих лиц. Упоминаются их годы рождения и сословная принадлежность. Имеется информация о должностях, которые предприниматели Шуи занимали в тот или иной период времени. Автор сосредоточивает внимание на причинах утверждения данных лиц в должности члена учетно-ссудного комитета. Приводятся сведения о состоянии торговых и имущественных дел членов комитета, об их компетентности в определенной отрасли торговли, промышленности, сельского хозяйства, кредитной кооперации, о наличии у них кредита в банке. Автор стремится проследить процесс утверждения шуйских предпринимателей в должностях члена комитета. Особое внимание уделено дате утверждения предпринимателей Шуи в должности члена комитета и времени их службы в этой должности. Автор приходит к выводу о значении института государственно-частного партнерства в Российской империи в пореформенный период.

Ключевые слова: Государственный банк, Иваново-Вознесенское отделение, учетно-ссудный комитет, шуйские предприниматели, институт государственно-частного партнерства.

T. A. Kovrov

**THE REPRESENTATIVES OF THE ESTATES OF THE CITY
OF SHUYA AND THE SHUYA DISTRICT IN THE ACCOUNTING
AND LOAN COMMITTEE AT THE IVANOVVO-VOZNESENSKY
BRANCH OF THE STATE BANK
(On the materials of the state archive of the Ivanovo region)**

The article is devoted to the study of the representatives of the estates of the city of Shuya and Shuya district in the accounting and loan committee at the Ivanovo-Voznesensky branch of the State bank. The article substantiates the problem that the accounting and loan committees at the branches of the State Bank acted on the basis of the institute of public-private partnership. The article introduces into scientific circulation new archival materials containing information about Shuysky entrepreneurs in the post-reform period. The names of these persons are called.

Their years of birth and estate affiliation are mentioned. There is information about the positions that Shuya entrepreneurs held in a given period of time. The author focuses on the reasons for the approval of these persons as members of accounting and loan committee. Information about the status of trade and property affairs of committee members, of their competence in a particular branch of trade, industry, agriculture, credit cooperation, their availability of credit in the bank is provided. The author seeks to follow the process of approval of Shuya entrepreneurs as a member of the committee. Particular attention is paid to the date of approval of entrepreneurs of Shuya as a member of the committee and the time they served in this position. The author comes to the conclusion about the importance of the institute of state-private partnership in Russian Empire in the post-reform period.

Key words: the State bank, the Ivanovo-Voznesensky branch, the accounting and loan committee, the entrepreneurs of Shuya, the institute of the state-private partnership.

Процесс создания Государственного банка Российской империи «проходил на фоне экономического кризиса конца 1850-х годов, вызванного расходами на Крымскую войну» [2, с. 120]. Главной причиной образования Госбанка было стремление создать «новый институт, который проводил бы сбалансированную финансовую политику с целью обеспечить развитие промышленности и торговли России. Учреждение Госбанка стало одним из ключевых звеньев в цепи “великих реформ” 1860—1870-х годов императора Александра II, преобразовавших социально-экономический облик страны» [2, с. 4].

Госбанк Российской империи был создан «31 мая (по старому стилю) (12 июня по новому стилю) 1860 года указом императора Александра II» [2, с. 4]. Местные отделения Госбанка начали открываться «на основании указа об открытии отделений Госбанка от 20 декабря 1863 года» [2, с. 308].

При каждом местном отделении банка «работал учетно-ссудный комитет» [2, с. 307]. К компетенции комитетов относились «рассмотрение представленных к учету векселей, выдача ссуд под различные товары и обсуждение кредита залогодателей» [2, с. 307—308].

Исследуя такой феномен российской экономической истории, как деятельность учетно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка в пореформенный период, нельзя не обратить внимание на проблему кадрового (личного) состава этих комитетов. Как правило, в учетно-ссудных комитетах работали представители трех сословий — купеческого, мещанского и крестьянского. Такая практика была обусловлена тем, что купцы, мещане и крестьяне, работавшие в комитетах, были промышленниками и торговцами. Они вели торговлю тем или иным товаром, зачастую от имени торговых домов, являясь учредителями этих торговых домов, также были компетентными в разных отраслях торговли, промышленности и сельского хозяйства, кроме того, были знакомы с положением торговых дел в определенном городе или уезде и имели тесные торговые связи с другими промышленниками и торговцами, наконец, были компетентны в делах мелкого кредита и кредитной кооперации. Таким образом, они были яркими представителями предпринимательских кругов пореформенного периода имперской России.

В основе действий учетно-ссудных комитетов при отделениях Госбанка был институт государственно-частного партнерства. Суть института заключалась в том, что банк утверждал в должности членов комитетов представителей разных сословий с целью охватить интересы всех слоев общества.

Предприниматели, представлявшие разные сословия, оказывали значительную помощь банку в осуществлении его операций. В частности, они давали рекомендации по выдаче банком кредита или ссуды, советы по предъявлению к учету векселей разных лиц, кроме того, своим авторитетом гарантировали возврат кредита банку. Поэтому банк опирался на них при осуществлении своей политики в сфере операций по учету векселей, выдаче кредитов и ссуд. Это было характерно для учетно-ссудных комитетов при всех отделениях Госбанка.

Проанализируем процесс формирования учетно-ссудных комитетов на примере такого комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка.

Отделение Госбанка в Иваново-Вознесенске было образовано «22 марта (по старому стилю) (3 апреля по новому стилю) 1886 года» [3, с. 9]. В соответствии с уставом Госбанка при данном отделении был образован и активно действовал учетно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам с целью оказания содействия банку в кредитовании им торговли, различных отраслей промышленности, а также предпринимателей г. Иваново-Вознесенска на подведомственной ему территории. Поэтому отделение Госбанка было заинтересовано в привлечении к участию в качестве членов комитета лиц купеческого, мещанского и других сословий, сведущих в различных отраслях торговли, промышленности, сельского хозяйства и кредитной кооперации. Поскольку г. Шуя и Шуйский уезд входили в зону деятельности Иваново-Вознесенского отделения Госбанка, то и им полагалось представительство в комитете. Это было важно и потому, что Шуйский уезд Владимирской губернии был промышленно развитым регионом и испытывал большую потребность в кредитных ресурсах. Вплоть до 1917 года в Шуе так и не было открыто отделения Госбанка, а городской общественный банк, созданный в 1866 году, не мог в полной мере обеспечить предпринимателей и торговцев в кредитах.

Итак, членами учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка в разное время являлись следующие шуйские предприниматели: Александр Иванович Бычков, Алексей Егорович Кабешев, Иван Алексеевич Козлов, Всеволод Ильич Машеров, Архип Иванович Новиков, Василий Васильевич Трусов и Михаил Степанович Удин. Обратимся к деятельности трех из них, а именно: И. А. Козлова, М. С. Удина и В. И. Машерова. Наиболее приемлемым методом для характеристики указанных личностей является просопографический метод (от греч. слова «просопон» — «личность»). В этом большую помощь окажут архивные материалы. Так, в фонде 15 Государственного архива Ивановской области (ГАИО) содержится большое количество дел по личному составу учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении, в том числе дела о службе вышеперечисленных лиц. В них можно обнаружить важные сведения, характеризующие членов комитета: биография и список о службе обозначенных лиц, сословная принадлежность, сведения о состоянии их торговых и имущественных дел, причины их утверждения в должности члена комитета, дата утверждения в должности члена комитета, порядок уведомления об утверждении в должности, сведения об их деятельности в этой должности и т. д.

1. Иван Алексеевич Козлов. «Родился в 1858 году в селе Васильевском Шуйского района Владимирской губернии. По сословному происхождению был крестьянином. Православного вероисповедания. 26 апреля 1890 года женился на купеческой дочери Ольге Алексеевне Литвиновой, родившейся в 1862 году, имел двух дочерей; жена и дети православного

вероисповедания. Владел недвижимыми именьями в Шуйском, Вязниковском и Юрьевецком уездах. Окончил Васильевское министерское двухклассное училище. Состоял на военной службе в штабе первой гренадерской дивизии старшим писарем и фельдфебелем писарской команды» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 1 об.—2]. И. А. Козлов занимал следующие должности: «Председатель совета Васильевского кредитного товарищества, действительный член Шуйского детского приюта ведомства императрицы Марии и гласный земской управы, член-соревнователь попечительства народной трезвости, корреспондент Вестника финансов» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 1 об.—2]. «Содержания по этим должностям Козлов не получал» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 2 об.]. Из наград «имел серебряную медаль общества “Красного Креста” и нагрудный знак, высочайше утвержденный для корреспондентов Министерства финансов» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 2 об.].

Управляющий Иваново-Вознесенским отделением в письме И. А. Козлову от 16 июня 1909 года предложил ему войти в состав учетно-ссудного комитета данного отделения. По причине краткости письма можно привести его дословный текст: «Имея сведения, что Вы по роду своей деятельности весьма осведомлены как в делах торгово-промышленной сферы, так и в земских делах Шуйского уезда, благодаря чему могли бы быть полезным членом учетного комитета вверенного мне отделения, имею честь предложить Вам войти в состав членов комитета» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 7]. Таким образом, главной причиной предложения И. А. Козлову войти в состав комитета стала компетентность в делах торгово-промышленной сферы. Кроме того, Козлов хорошо разбирался в деятельности кредитной кооперации. Такой вывод можно сделать на основе датированного 11 августа 1909 года письма управляющего отделением в адрес управляющему делами мелкого кредита при Госбанке: «Развитие учреждений мелкого кредита в районе вверенного мне отделения принимает настолько широкие размеры, что осведомленность об экономическом положении района является необходимым условием правильной и планомерной работы в этой области. Для достижения этого я считаю необходимым иметь в составе членов учетно-ссудного комитета лицо, располагающее достаточной осведомленностью о жизни провинции. Таковым является председатель совета Васильевского кредитного товарищества — крестьянин Иван Алексеевич Козлов, лично мне известный, как преданный делу мелкого кредита человек, как популярный деятель в области земской жизни и как безупречный по своим нравственным качествам» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 17]. Козлов согласился занять должность члена комитета, о чем лично уведомил письмом от 19 июня 1909 года управляющего отделением: «Имею честь благодарить Вас, за Ваше любезное предложение, выраженное в письме от 16 сего июня за № 426, и, если Вы находите, что я могу быть полезным как член учетно-ссудного комитета вверенного Вам отделения Госбанка, то я очень рад дать на это Вам свое согласие. Примите уверение в искреннем к Вам уважении и преданности. Член Торгового Дома Бр. Козловы» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 8].

При утверждении в должности члена комитета канцелярия Госбанка запросила с управляющего отделением более подробные сведения о Бычкове. Эти сведения требовались «циркулярами банка от 15 февраля 1893 г. за № 16873/881 и 17 апреля 1908 г. за № 8/а о лицах, представляемых к утверждению в должностях членов учетно-ссудных комитетов» [1, ф. 15, оп. 1, д. 190, л. 2]. В частности, циркуляр Госбанка от 15 февраля 1893 года

предписывал: «Все те данные, которые послужили основанием для выбора того или другого лица в учетно-ссудный комитет, впервые или на новое двухлетие, включаются обязательно в представления об утверждении, причем представления этого рода, согласно прилагаемой форме, должны заключать в себе возможно полные и точные характеристики кандидатов в комитет» [1, ф. 15, оп. 1, д. 13а, л. 1 об.].

На запрос канцелярии Госбанка ей был дан ответ о состоянии его «имущественных дел вообще и торговых в особенности» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 18 об.]. Так, «Козлов с 1885 года ведет торговлю в с. Васильевском Шуйского уезда скобяным товаром, хлебным и мануфактурным, имеет также химический завод. Весьма осведомлен в экономических вопросах. Знает положение дел на месте и находится в курсе его дел, и можно ожидать особенно полезных сведений по делам мелкого кредита. Торговля производится совместно с братом, в розницу. Продукты химического завода продает оптом в кредит и за наличные. Не кредитуются в отделении банка. Имущественное состояние заключается и в наличных денежных средствах, товаре и землях разных угодий в Шуйском, Вязниковском и Юрьевецком уездах. Дело находится в хорошем состоянии. Вместе с братом является учредителем Торгового Дома “Бр. Козловы”. Пользуется кредитом в отделении в 5000 руб.» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 18 об. — 19]. Что касается личных качеств И. А. Козлова, то в архивных материалах значится запись: «Вполне безупречен. Пользуется доверием общества. Обладает разносторонней осведомленностью в сфере торговой жизни провинции и в сфере земской деятельности» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 19].

В результате Иван Алексеевич Козлов был утвержден товарищем министра финансов в должности члена учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении «10 сентября 1909 года» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 20]. На основании архивных данных можно сделать вывод, что об утверждении Козлова в должности члена комитета управление по делам мелкого кредита Госбанка лично уведомило управляющего отделением: «Товарищ Министра 10 сего сентября утвердил в должности члена учетно-ссудного комитета по делам мелкого кредита Иваново-Вознесенского отделения Госбанка крестьянина Ивана Козлова. Об этом управление по делам мелкого кредита дает знать Иваново-Вознесенскому отделению для надлежащих распоряжений» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 20]. Управляющий же отделением, в свою очередь, известил об этом Козлова: «Господин Министр финансов, на основании 62 статьи устава Госбанка, утвердил Вас в должности члена учетно-ссудного комитета Иваново-Вознесенского отделения Госбанка по делам мелкого кредита с 10 сентября сего 1909 года» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 21].

При утверждении в должности И. А. Козлов дал следующую подписку: «Я, нижеподписавшийся крестьянин села Васильевского Иван Алексеевич Козлов, даю сию подписку Иваново-Вознесенскому отделению Государственного банка в том, что согласно ст. 64 устава Государственного банка, вступив в должность члена учетно-ссудного комитета названного отделения банка, я во всех делах, по которым приглашен буду дать мнение и указания, обещаюсь действовать по совести и хранить в тайне всё, касающееся дел Государственного банка. Иван Алексеевич Козлов» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 22]. На основе анализа архивных документов можно сделать предположение, что подобную подписку давали и другие новоиспеченные члены комитета при их утверждении в этой должности.

Должность члена комитета И. А. Козлов занимал два года. В архивных документах можно найти сведения, касающиеся характеристики деятельности Козлова в должности члена комитета: «Показал себя очень полезным и сведущим человеком» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 23]. «15 октября 1912 года И. А. Козлов вновь был утвержден членом комитета на двухлетний период» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 26]. Однако за время второго срока пребывания в этой должности он характеризуется не столь положительно. Так, «член учетно-ссудного комитета И. А. Козлов из 58 заседаний комитета посетил лишь одно» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 30]. Можно предположить, что постоянное отсутствие Козлова на заседаниях комитета негативным образом сказалось на работе комитета. Поэтому полномочия Козлова на новый двухлетний срок не были продлены. Что касается характеристики деятельности И. А. Козлова в должности члена комитета, то в архивных материалах значится запись: «Вся его деятельность заключалась лишь в письменных ответах на запросы» [1, ф. 15, оп. 1, д. 195, л. 30 об.]. Очевидно, ответы были письменными именно по причине неявки на заседания комитета. Другими словами, Козлов участвовал в комитете заочно. Можно подытожить: посещение заседаний комитета являлось одной из главных обязанностей членов комитета, а частые пропуски заседаний влекли за собой увольнение с данной должности.

Таким образом, Иван Алексеевич Козлов занимал должность члена учетно-ссудного комитета Иваново-Вознесенского отделения Госбанка четыре года, с промежутком в один год: с 10 сентября 1909 года по 10 сентября 1911 года и с 15 октября 1912 года по 15 октября 1914 года.

2. Михаил Степанович Удин. «Родился в 1867 году в г. Шуге Владимирской губернии. По происхождению был из купеческого сословия. Православного вероисповедания. Был женат. Окончил курс в императорском Московском техническом училище. Очередным Шуйским уездным земским собранием 2 октября 1911 года был избран почетным мировым судьей Шуйского судебного округа на трехлетие с 1912 года» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 8 об.—9]. В отличие от И. А. Козлова М. С. Удин «не только не получал содержания по службе, но и не имел знаков отличия» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 8 об.].

Управляющий Иваново-Вознесенским отделением Госбанка в письме к М. С. Удину от 24 декабря 1913 года предложил ему «войти в состав комитета» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 1]. Из содержания письма можно выявить причину, которой руководствовался управляющий отделением. Так, он акцентировал внимание «на осведомленности Удина в делах торгово-промышленного класса г. Иваново-Вознесенска и его района» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 1] и полагал, что «Удин мог бы быть полезным членом учетно-ссудного комитета при данном отделении Госбанка» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 1]. Михаил Степанович в ответном письме от 27 декабря 1913 года выразил свое согласие «войти в состав комитета» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 3].

После этого управляющий сделал запрос в Шуйский уездный съезд «о высылке ему формулярного списка о службе М. С. Удина» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 2]. Съезд уведомил управляющего, что «формулярный список обозначенного лица находится у председателя Владимирского окружного суда» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 5]. После просьбы управляющего к председателю суда «о высылке ему формулярного списка Удина по встретившейся надобности» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 6] список был прислан.

В письме к М. С. Удину, датированном 16 января 1914 года, управляющий отделением «просил сообщить ему сведения на ряд вопросов» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 10, 11]. На основании архивных документов можно определить, что это за вопросы. Итак: «1. Не занимаете ли каких-либо должностей в частных кредитных учреждениях. 2. Не состоите ли членом податного или раскладочного присутствий. 3. С какого времени торгуете, чем и где именно. 4. На каких основаниях производится торговля, т. е. оптом или в розницу, в кредит или за наличные. 5. В чем заключается недвижимое имущество. 6. Не кредитуетесь ли в учреждениях Государственного банка» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 10 об., 11 об.].

Удин дал ответы на все шесть вопросов: «1. Не занимаю никаких должностей в частных кредитных учреждениях. 2. Не состою членом податного и раскладочного присутствий. 3. С 1900 года торгую мануфактурными товарами в г. Иваново-Вознесенске. 4. Торговлю производю оптом, за наличные и в кредит. 5. Недвижимое имущество заключается в землях и домах в городе Иваново-Вознесенске и Шуйском уезде. 6. Не имею кредита в учреждениях Госбанка» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 10 об.].

После получения необходимых сведений об Удине управляющий отделением ходатайствовал перед управляющим Госбанком об утверждении Удина в должности члена комитета. Из содержания ходатайства становятся понятны еще несколько причин, почему Михаилу Степановичу предложили стать членом комитета. В начале письма управляющий упомянул «о смерти члена комитета Николая Михайловича Самохвалова» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 12]. На основании этого можно сделать вывод, что многие члены комитета занимали свои должности, начиная с момента их утверждения и до самой смерти, после чего банк подыскивал новых претендентов для утверждения в вышеуказанной должности. Далее в ходатайстве подчеркивалось, что «М. С. Удин ведет в больших размерах мануфактурную торговлю и хорошо осведомлен с состоянием этой отрасли торговли не только в г. Иваново-Вознесенске, но также и местном районе» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 12].

По запросу канцелярии Госбанка управляющий отделением предоставил ей сведения об Удине. На основании архивных данных становится понятно, что в основном это были те же сведения, которые управляющий отделением получил ранее от самого Удина. Незначительные отличия касались только формулировок. Например: «Можно ожидать полезных сведений по мануфактурной торговле. Торговля производится самостоятельно, оптом, за наличные и в кредит, за собственный счет» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 13 об.]. Или: «Имущественные дела и в частности торговые находятся в самом хорошем состоянии» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 13 об.]. Но появилась и новая информация — о личных качествах Удина: «Уважаемый в обществе человек, пользующийся общим доверием» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 14]. Таким образом, можно выявить определенную последовательность в получении Госбанком сведений о кандидате в члены комитета: сначала кандидат давал ответы на основные вопросы, поставленные управляющим местным отделением банка, а потом сам управляющий отделением предоставлял управляющему Госбанком полученные сведения с добавлением информации о личных качествах кандидата.

Михаил Степанович Удин был «утвержден временно исполняющим обязанности товарища Министра финансов в должности члена учетно-ссудного комитета Иваново-Вознесенского отделения Госбанка по торгово-промышленным кредитам 14 марта 1914 года» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 17].

о чем был уведомлен в таком же порядке, как ранее И. А. Козлов: «Господин управляющий Министерством финансов 14 сего марта утвердил Вас в должности члена комитета вверенного мне отделения Госбанка» [1, ф. 15, оп. 2, д. 58, л. 18]. Причем в уведомлении Удина об утверждении в должности было пояснение, которое касалось времени проведения заседаний комитета: «Заседания комитета бывают еженедельно по вторникам и пятницам в 12 час. дня» [1, ф. 1, оп. 2, д. 58, л. 18]. Можно сделать предположение, что таким пояснением управляющий напоминал новому члену комитета о необходимости посещения заседаний комитета. Сведения о характеристике службы М. С. Удина в должности члена комитета и о его посещаемости заседаний комитета в архивных материалах, к сожалению, отсутствуют.

3. Всеволод Ильич Машеров. «Родился 18 октября 1871 года в г. Шуе Владимирской губернии. Был из мещанского сословия. Православного вероисповедания. 16 января 1902 года вступил в законный брак с девицей Елизаветой Васильевной Клиновской. Окончил курс в Московской земледельческой школе бывшего императорского Московского общества сельского хозяйства с аттестатом второго разряда. Служил в должности агронома Шуйского уездного земства Владимирской губернии с 30 декабря 1908 года. Журналом департамента земледелия был определен канцелярским служителем сего департамента с 30 декабря 1911 года. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству был произведен за выслугу лет в коллежские регистраторы со старшинством с 30 декабря 1913 года» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 23 об. — 24]. Как и М. С. Удин, В. И. Машеров «не имел знаков отличия и не получал содержания по службе» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 23 об.].

Секретарь Иваново-Вознесенского отделения Госбанка в письме В. И. Машерову от 10 февраля 1915 года просил «уведомить его, не пожелает ли он войти в состав комитета отделения в качестве члена по делам мелкого кредита» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 1]. Также секретарь обращал внимание в письме на необходимость частого посещения заседаний комитета: «Заседания комитета созываются по повесткам и Ваше присутствие было бы необходимо не реже 1 раза в месяц» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 1]. По мнению автора, обеспокоенность секретаря вопросом посещения заседаний комитета была вызвана постоянными пропусками заседаний другим членом комитета, занимавшим эту должность ранее, — И. А. Козловым. Ранее в статье упоминалось, что пропуски Козловым заседаний комитета негативно повлияли на работу комитета и в конечном итоге повлекли за собой отказ в продлении полномочий Козлова на новый двухлетний срок. И теперь очередного кандидата в члены комитета — В. И. Машерова — настоятельно просили стараться не пропускать заседаний. Машеров в ответном письме от 13 февраля 1915 года согласился занять предложенную ему должность: «Изъявляю свое согласие войти в состав комитета в качестве члена по делам мелкого кредита» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 2]. Благодаря архивным материалам можно установить причину предложения Машерову занять должность члена комитета. Управляющий отделением в письме Машерову, датированном 14 февраля 1915 года, подчеркивал: «Принимая во внимание Ваше близкое знакомство с положением сельского хозяйства местного района, я полагаю, что Вы могли бы быть полезным членом комитета при вверенном мне отделении Госбанка по делам мелкого кредита» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 3].

Затем управляющий запросил в Шуйской уездной земской управе «формулярный список о службе агронома уездного земства Машерова»

[1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 4]. Управа уведомила управляющего, что «агроном В. И. Машеров причислен к департаменту земледелия и откомандирован в распоряжение шуйского земства и все его документы находятся в обозначенном департаменте» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 6]. После запроса управляющего в департамент земледелия «о высылке ему формулярного списка о службе Машерова» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 7] список был прислан.

После этого управляющий отделением ходатайствовал перед управляющим по делам мелкого кредита об утверждении Машерова в должности члена комитета. В начале ходатайства управляющий упомянул «о выходе из состава комитета члена комитета по делам мелкого кредита Козлова [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 10]. Причина прекращения полномочий Козлова в ходатайстве не называется, но в архивном деле о службе Козлова такая информация есть (см. ранее в статье. — Т. К.). Поскольку на момент выбытия Козлова из состава комитета в последнем не было лиц, компетентных в делах мелкого кредита и кредитной кооперации, управляющий отделением предложил управлению по делам мелкого кредита кандидатуру Машерова. Аргументировал свой выбор управляющий тем, что «Машеров, по своей должности агронома, зная близко положение сельского хозяйства местного района, был бы весьма полезным членом комитета по делам мелкого кредита» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 10].

Далее управляющий в конфиденциальном сообщении от 5 марта 1915 года спросил у председателя Шуйского уездного земства, «не встречается ли с его стороны каких-либо препятствий к утверждению Машерова в должности члена комитета» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 11]. Ответ управляющий получил не сразу, ему пришлось в новом письме, датированном 21 апреля 1915 года, «просить ускорить ответ на вышеобозначенный вопрос» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 13]. Только в ответном письме управляющему от 12 мая 1915 года исполняющий обязанности председателя управы сообщил, что «к приглашению в состав комитета агронома Машерова с его стороны препятствий не имеется» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 14].

При утверждении в должности члена комитета Госбанком, как и в случае с И. А. Козловым и М. С. Удиным, были запрошены подробные сведения о В. И. Машерове. Например: «Полезных сведений можно ожидать как по его специальности агронома, так и вообще по сельскому хозяйству, ибо часто посещая селения, он ознакомился с положением крестьянских нужд, так как он состоит на службе в земстве района отделения более 6 лет» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 18 об.].

Всеволод Ильич Машеров был утвержден «товарищем Министра финансов в должности члена учетно-ссудного комитета Иваново-Вознесенского отделения Госбанка по делам мелкого кредита 4 августа 1915 года на двухлетний срок» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 20]. Так же, как и ранее И. А. Козлов и М. С. Удин, В. И. Машеров был уведомлен об утверждении его в указанной должности письмом, датированным 12 августа 1915 года, управляющего отделением: «Господин товарищ Министра финансов утвердил Вас в должности члена комитета по делам мелкого кредита» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 21]. В этом же письме управляющий уведомлял Машерова, что «о дне заседаний комитета он будет извещаем повестками» [1, ф. 15, оп. 2, д. 104, л. 21]. Ранее в статье автор предположил, что таким уведомлением управляющий напоминал новоиспеченному члену комитета об обязанности посещать заседания комитета. При утверждении в должности члена комитета Машеров дал подписку, текст которой полностью идентичен тексту подписки, данной ранее

Козловым (см. ранее в статье. — *Т. К.*). Сведения о характеристике службы В. И. Машерова в должности члена комитета и о посещаемости им заседаний комитета в архивных материалах, к сожалению, отсутствуют.

Таким образом, в разные годы в составе учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка работали представители предпринимательских кругов города Шуи и Шуйского уезда. Главной причиной их приглашения и утверждения в должности члена комитета была осведомленность в сфере различных отраслей торговли, промышленности и сельского хозяйства, а также в делах мелкого кредита и кредитной кооперации, представлявших финансовый интерес для Иваново-Вознесенского отделения Госбанка. Шуйские предприниматели, работавшие в комитете, принадлежали к трем сословиям — купеческому, мещанскому и крестьянскому. Госбанк приглашал этих предпринимателей войти в состав учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении с тем, чтобы они давали рекомендации по выдаче кредита и предъявлению к учету векселей. Благодаря этому отделение банка, проводя политику по учету векселей и выдаче кредитов, охватывало интересы всех сословий района отделения. Кроме того, данные члены комитета были промышленниками и торговцами г. Шуи и Шуйского уезда. Они давали ценные указания и советы по различным отраслям торговли, промышленности и сельского хозяйства района Иваново-Вознесенского отделения. Также некоторые шуйские предприниматели были компетентны в делах мелкого кредита и кредитной кооперации. По этой причине их утверждали членами комитета при отделении по делам мелкого кредита. На основании всего этого можно сделать вывод, что учетно-ссудный комитет при данном отделении Госбанка действовал на основе института государственно-частного партнерства.

Порядок утверждения шуйских предпринимателей в должности члена учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка имел несколько особенностей. Во-первых, Госбанк требовал установленные циркулярами сведения об утверждаемом лице: о состоянии торговых и имущественных дел, о наличии кредита, о личных качествах — вне зависимости от того, к какому сословию принадлежал кандидат в члены комитета и какие должности до этого он занимал. Во-вторых, уведомление об утверждении в должности происходило в определенной последовательности: управляющий Госбанком извещал управляющего Иваново-Вознесенским отделением, а управляющий отделением писал письмо новоиспеченному члену комитета.

И в завершение следует сказать, что проанализированные автором сведения о членах учетно-ссудного комитета являются ценным источником, дополняющим представление исследователей об экономике г. Шуи и Шуйского уезда в имперский период.

Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области.
2. История Банка России: 1860—2010: в 2 т. Т. 1: Государственный банк Российской империи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 623 с.
3. *Околотин В. С.* История Государственного банка на Ивановской земле. 1886—2006. Годы. События. Люди. Иваново, 2006. 480 с.

УДК 94(470.315)"19"
ББК 63.3(2Рос-4Ива)622-72
DOI: 10.46726/И.2020.3.8

В. С. Околотин

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 ГОДУ

Статья посвящена исследованию действий советского государства по агитационно-пропагандистской защите интересов государства в Ивановской области в 1941 году. В ней отражены меры советского правительства и Государственного Комитета обороны СССР по пресечению неконтролируемых форм распространения информации, возбуждающей тревогу среди населения и меры ответственности за указанные действия. Важное внимание уделено таким официальным средствам противостояния германской пропаганде в Ивановской области, как радиовещание, периодическая печать и кинофикация. Показана специфика их деятельности в сложнейших условиях начального периода Великой Отечественной войны, степень восприятия населением области доводимой ими информации. Статья подготовлена по материалам Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Ивановской области и местной периодической печати. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов в области истории Великой Отечественной войны, студентов высших учебных заведений, а также широкой общественности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, германская пропаганда, интересы государства, тревога среди населения, меры ответственности, Государственный комитет обороны, военная цензура, радиовещание, периодическая печать, кинофикация, формирование патриотизма.

V. S. Okolotin

AGITATION AND PROPAGANDA PROTECTION OF STATE INTERESTS IN THE IVANOVO REGION IN 1941

The article is devoted to the study of the actions of the Soviet state on agitation and propaganda protection of state interests in the Ivanovo region in 1941. It reflects the measures of the Soviet government and the state defense Committee of the USSR to prevent uncontrolled forms of dissemination of information that arouses alarm among the population and measures of responsibility for these actions. Important attention is paid to such official means of countering German propaganda in the Ivanovo region as radio broadcasting, periodicals and film production. It shows the specifics of their activities in the most difficult conditions of the initial period of the great Patriotic war, the degree of perception of the population of the region of the information they bring. The article is based on the materials of the Russian state archive of socio-political history, the state archive of the Ivanovo region and the local periodical press. The results of this research may be of interest to specialists in the history of the great Patriotic war, students of higher educational institutions, as well as the General public.

Key words: the Great Patriotic war, German propaganda, interests of the state, anxiety among the population, measures of responsibility, the State defense Committee, military censorship, radio broadcasting, periodical press, film classification, formation of patriotism.

К числу официальных средств противостояния германской пропаганде и защите государственных интересов в стране, в том числе и в Ивановской области, к началу Великой Отечественной войны были: радиовещание, периодическая печать и кинофикация. Именно через них осуществлялось агитационно-пропагандистское воздействие на различные слои населения, формирование у него патриотического настроения. Ключевыми опорами такой работы являлись события на фронтах, выступления руководителей государства, решения правительства, а также постановления местных партийных и советских органов.

Однако с первых дней войны со стороны государственных органов усилился интерес к почтовой корреспонденции, как одной из неконтролируемых форм распространения информации. В ней содержалась реакция населения на мобилизацию в действующую армию и неудачи Красной армии на фронте, которая вписывалась в официальную позицию советского государства. В начальный период войны суждения в обществе были настолько популярными, что даже по истечению многих десятилетий после их фиксации в различных документах создают сложность для объективной исследовательской оценки. Несомненно, многие из них основывались на действительных событиях предвоенного периода и объяснялись несправедливостью, допущенной государством в отношении различных категорий населения в ходе коллективизации и массовых репрессий, недостатком продуктов в советской торговле и сытой жизнью партийной номенклатуры. Значительная часть суждений строилась на признании технической мощи Германии и ее союзников, а также недоумении от «внезапной слабости прославленной Красной Армии». По сути, большинство из них стало острым проявлением человеческого отношения к случившемуся и поиска ответов для его аргументации.

Тем не менее, на языке того времени они получили определение «ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Однако Уголовный кодекс РСФСР (УК РСФСР) и других республик не предусматривали уголовной ответственности за их распространение. Применение статьи 58-10 УК РСФСР за пропаганду или агитацию, содержащую призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению контрреволюционных преступлений, было возможно только к тем лицам, которые распространяли «тревожные слухи с прямым противогосударственным умыслом». В этой связи зампреда СНК СССР (одновременно председатель юридической комиссии при СНК СССР) А. Я. Вышинский в обращении к зампреда ГКО СССР В. М. Молотову от 4 июля 1941 года предложил издать Указ Президиума ВС СССР «устанавливающий, что за распространение в военное время слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания» [8. Л. 171]. С небольшой корректировкой предложение А. Я. Вышинского было принято, и 6 июля 1941 года Президиум ВС СССР издал Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов возбуждающих тревогу среди населения». По приговору военного трибунала виновные карались тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие не влекло за собой более тяжкого наказания [8. Л. 171].

В тот же день, 6 июля 1941 года, Государственный Комитет обороны (ГКО СССР) принял совсекретное постановление № 37сс «О защите государственной и военной тайн». Основанием для его принятия послужила информационная записка Наркома государственной безопасности СССР

В. Н. Меркулова от 6 июля 1941 года председателю ГКО СССР И. В. Сталину с предложением усилить меры политического контроля за международной и внутренней почтово-телеграфной корреспонденцией, а также ввести военную цензуру в областях, объявленных на военном положении. Судя по пометкам на полях записки, ее экземпляры также были направлены В. М. Молотову и Л. П. Берии [8. Л. 197]. Это обращение было удовлетворено, и в тот же день ГКО СССР принял постановление «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции». Его принятие мотивировалась военной обстановкой в стране и необходимостью пресечения разглашения государственных и военных тайн, а также недопущения «распространения через почтово-телеграфную связь всякого рода антисоветских и иных сообщений, направленных во вред государственным интересам Советского Союза». В результате ГКО СССР запретил сообщение в письмах и телеграммах каких-либо сведений военного, экономического или политического характера, оглашение которых могло принести ущерб государству. Этим же постановлением он обязал «Народный комиссариат государственной безопасности СССР организовать стопроцентный просмотр писем и телеграмм, идущих из прифронтовой полосы, для чего разрешить НКГБ СССР соответственно увеличить штат политконтролеров». В областях, объявленных на военном положении, вводилась военная цензура на все исходящие почтово-телеграфные отправления. Осуществление военной цензуры возлагалось на органы НКГБ и Третьего управления НКО и НКВМФ, а на вскрытых и просмотренных документах предписывалось ставить штамп «ПРОСМОТРЕНО ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРОЙ». Весь почтово-телеграфный обмен со странами, вступившими в войну с Советским Союзом или порвавшими с ним отношения, прекращался [8. Л. 193].

Поскольку Ивановская область была объявлена на военном положении, действие указанных постановлений в полной мере распространялось и на ее территорию. Их реализация позволяет утверждать, что начиная с 6 июля 1941 года неконтролируемый канал распространения «ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» через почтово-телеграфную корреспонденцию в области был перекрыт. Главными источниками сведений о событиях на фронтах Великой Отечественной войны стали официальные средства массовой информации.

Радиовещание. По состоянию на 23 марта 1940 г. на территории Ивановской области действовало 167 проволочных радиовещательных узлов. У населения и в местах коллективного слушания значилось более 107 тыс. штук репродукторов. Число ламповых приемников в области составляло 6 тыс. штук, из них 1500 коллективного пользования. Ежедневно центральным и местным радиовещанием в области охватывалось около 300 тыс. человек [6]. Однако, при общей численности населения области примерно в 2470 тыс. человек, такой охват составлял лишь восьмую часть от всех ее жителей. Во многих случаях информация до населения, особенно в отдаленных районах, доводилась опосредованно. При этом через указанную систему вещания поступала лишь та информация, которая была в интересах государства и была санкционирована правительством.

Доля охвата населения ламповыми приемниками была намного меньше. Но через них имелся доступ к передачам на русском языке, которые осуществлялись в интересах Германии и ее союзников. В целях ограничения доступа к немецкой пропаганде советское правительство постановлением от 25 июня 1941 года обязало все население страны сдать в пятидневный срок

в учреждения связи радиоприемники (ламповые, детекторные и радиолы), а также передающие устройства всех типов, где они должны были храниться до окончания войны. Лица, не сдавшие их в указанный срок, подлежали уголовной ответственности.

Выступления руководителей государства, как правило, транслировались по радио, а их призывы воплощались в конкретные мероприятия через секретные и совсекретные постановления бюро обкома ВКП(б) и исполкома областного совета депутатов трудящихся. Так, в связи с выступлением по радио Председателя Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталина 3 июля 1941 года бюро обкома ВКП(б) приняло соответствующее постановление о действиях парторганизаций в новых условиях. Оно обязало горкомы и райкомы ВКП(б) подчинить всю агитационно-массовую работу разъяснению обращения И. В. Сталина, с которым «ознакомить поголовно все население, мобилизуя трудящихся на самоотверженную и честную работу каждого на своем посту». По примеру городов Москвы и Ленинграда от них было потребовано «немедленно приступить к организации отрядов народного ополчения. Производить в партийных, комсомольских, профсоюзных, осовиахимовских и других организациях запись в отряды народного ополчения. Обязать горсоветы осовиахима обеспечить военное обучение отрядов народного ополчения. Повести решительную борьбу со всеми дезорганизаторами тыла, паникерами, трусами и распространителями слухов, привлекая их к строгой ответственности по законам военного времени» и т. д. Обком ВКП(б) выразил уверенность, что «в ответ на обращение т. Сталина все партийные, комсомольские и советские организации области еще теснее сплотят трудящихся области вокруг большевистской партии Ленина-Сталина, вокруг Советского правительства и вождя всех трудящихся — товарища Сталина, покончат с благодушием и поведут самоотверженную работу и организуют поддержку Красной Армии и Красного флота в их борьбе за разгром врага, за победу» [2. Д. 20. Л. 103—104].

О степени воздействия на советских людей выступления И. В. Сталина по радио говорить не приходится. Практически все население страны включилось в процесс формирования отрядов народного ополчения, обучения ополченцев, сдачу крови, сбор пожертвований в Фонд обороны страны и проведение других важных мероприятий.

Заметным событием в сложнейших условиях осени 1941 года стала трансляция по радио доклада председателя ГКО СССР И. В. Сталина с совместного заседания Моссовета с партийными и общественными организациями города Москвы, которая состоялась 6 ноября. Большая часть доклада была посвящена анализу причин временных неудач Красной Армии и задач, стоящим перед страной. Отдельные положения его доклада и в настоящее время не подвергаются сомнению. Прежде всего, это заявление о провале фашистского плана молниеносной войны: «Немцы рассчитывали на непрочность советского строя, непрочность советского тыла, полагая, что после первого же серьезного удара и первых неудач Красной Армии откроются конфликты между рабочими и крестьянами, начнется драчка между народами СССР, пойдут восстания, и страна распадется на составные части, что должно облегчить продвижение немецких захватчиков вплоть до Урала. В совокупности с другими обстоятельствами это предопределило провал «молниеносной войны» [7]. Говоря о безвозвратных потерях Красной армии и среди гражданского населения впервые месяцы войны И. В. Сталин слукавил и назвал недостоверные данные.

Для части населения городов и районов области выступление И. В. Сталина оказалось неожиданным. По крайней мере такой вывод следует из газетных публикаций того времени. В частности, В. Лецко, заведующий Родниковской районной библиотекой, так рассказывал о своих впечатлениях от доклада И. В. Сталина: «Вечером 6 ноября, проходя по площади, я услышал по радио речь нашего вождя товарища Сталина. Я сразу узнал всем нам знакомый и близкий голос, и я не мог не остановиться, чтобы прослушать эту речь до конца. В эти грозные дни, когда коричневая чума угрожает не только народам советского Союза, но и всему миру — голос любимого вождя прозвучал спокойно и уверенно, призывом к победе над заклятым врагом. Речь Иосифа Виссарионовича такая простая, всем понятная, блестяще разоблачает коварные замыслы врага, а самое главное — вселяет в наши сердца уверенность в победе над гитлеровцами. Товарищ Сталин с нами, под его руководством мы разобьем врага» [3].

Председатель Ширяихского сельского совета Д. Шмелев на страницах «Родниковского рабочего» тоже говорил о неожиданности для населения этого выступления. По его словам, перед началом заседания колхозного и сельского актива сельсовета 6 ноября 1941 года, посвященного годовщине Октябрьской революции, все внимательно слушали радиопередачу из Москвы. «Когда диктор объявил, что через несколько минут будет передаваться доклад товарища Сталина на торжественном заседании в Москве, в помещении наступила абсолютная тишина. Все взоры устремились на репродуктор, из которого скоро должны послышаться слова любимого вождя. И вот товарищ Сталин начал свой доклад. С глубоким вниманием слушали собравшиеся простые и мудрые слова вождя, с неопровержимой логикой доказывавшие неизбежность гибели германского фашизма и победы советского народа. Призыв вождя к трудящимся Советского Союза еще усилить помощь фронту вооружением и продовольствием глубоко проникал в сердце присутствующих. Когда окончилась передача доклада, все начали горячо обсуждать его, высказывая свои мысли и чувства, вызванные словами товарища Сталина. На следующий день актив, присутствовавший на докладе товарища Сталина, рассказал о содержании этого доклада колхозникам, собравшимся на демонстрацию» [9].

Выступления И. В. Сталина 6 и 7 ноября 1941 года, безусловно, произвели мощное воздействие, как на гражданское население, так и на бойцов Красной армии. Только в Ивановской области, как следует из совсекретного постановления бюро обкома ВКП(б) «О выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 12-го ноября 1941 г. в связи с выступлением тов. Сталина» к разъяснению основных положений его докладов было привлечено 10 тыс. человек партийного, комсомольского, советского и профсоюзного актива издано 14 тыс. листовок и 100 тыс. брошюр, а также 50 тыс. иллюстраций и плакатов [2. Д. 23. Л. 150—151]. Согласно плану массовых мероприятий отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б), утвержденного бюро обкома ВКП(б) 13 ноября 1941 года в рамках этой работы предстояло в агитпунктах, библиотеках, клубах, избах-читальнях организовать витрины литературы и выставки на темы: «Четыре месяца войны советского народа с фашистскими оккупантами», «Силы антифашистской коалиции в борьбе с фашистской Германией», «Тыл фашистской Германии и моральное состояние гитлеровской армии», «Фашизм — злейший и смертельный враг советского народа и всего прогрессивного человечества» и т. д. Предполагалось, что «вся массово-политическая работа по разъяснению выступления тов. Сталина должна вызвать новый

политический и производственный подъем на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и на строительстве оборонительных сооружений, поднять революционную бдительность трудящихся и мобилизовать их на укрепление тыла, на всемерное содействие Красной Армии в окончательном разгроме гитлеровских банд» [2. Д. 23. Л. 172—173].

Периодическая печать. Кроме центральных печатных изданий на территории области распространялась областная газета «Рабочий край», в каждом из 42 районов издавалась местная газета и дополнительно к ним на крупных предприятиях в течение всей войны существовали многотиражки. С началом войны в целях экономии средств постановлением обкома ВКП(б) было сокращено количество еженедельных номеров областной и местных газет, а также число печатных полос в них.

4 июля 1941 года обком ВКП(б) принял совсекретное постановление «Об экономии газетной бумаги». В результате были внесены изменения в выпуски городских и районных газет с сокращением их номеров. Издание газеты «Всегда готов» — было прекращено [2. Д. 20. Л. 105—106].

Однако этого оказалось недостаточно и на заседании бюро обкома ВКП(б) 30 августа 1941 года в числе прочих вновь был рассмотрен вопрос о выпуске областных и районных газет. В результате решено временно объединить с 25 августа областную газету «Ленинец» с газетой «Рабочий край» и создать в последней отдел комсомольской жизни. Редактору «Рабочего края» т. Федорову было поручено укомплектовать отдел комсомольской жизни в количестве 2 человек из литературных работников газеты «Ленинец». Выход газеты «Рабочий край» был установлен 3 раза в неделю на 2 полосах и 3 раза в неделю на 4 полосах. Горкомы, райкомы и редакторы районных газет обязывались внести следующие изменения в выпуске газет: районные газеты, выходящие ежедневно — выпускать 3 раза в неделю на 2 полосах, районные газеты, выходящие 3 раза в неделю выпускать 3 раза в неделю на 2 полосах. Выход владимирской газеты «Призыв» был установлен 5 раз в неделю на 2 полосах [2. Д. 22. Л. 3].

Для укрепления уверенности населения в победе над врагом использовались не только сведения Совинформбюро, но и материалы местного значения, которые могли иметь не меньшую действенность. Так, для развенчания мифа о могущественности Германии в «Рабочем крае» и газете «Ударник» (орган парткома, фабзавкома и дирекции Родниковского меланжевого комбината «Большевик») 29 июля 1941 года был опубликован рассказ главного инженера комбината И. А. Пугачева о командировке в Германию в первой половине 1941 года. Статья называлась «Четыре месяца в фашистской Германии» и в ней автор отразил свои впечатления от увиденного, рассказал о настроении немцев накануне нападения на Советский Союз. Данная статья уникальна, поскольку дополняет общепринятое представление о предвоенном состоянии немецкой экономики новыми данными. Кроме того, она также содержит подробности быта Германии, которые стали известны И. А. Пугачеву в процессе общения с различными категориями населения.

По прошествии большого количества времени трудно говорить о значимости того воздействия, которое она оказала на жителей области и Родниковского района. Можно лишь полагать, что статья не осталась незамеченной, а ее содержание способствовало вселению уверенности в неизбежный разгром врага.

В ходе освещения событий происходивших в области корреспонденты «Рабочего края» не были застрахованы от совершения возможных ошибок.

Так, 22 ноября 1941 года бюро обкома ВКП(б) приняло совсекретное постановление «Об ошибках, допущенных газетой Рабочий край». В нем отмечалось, что за последнее время газета допустила ряд серьезных ошибок. В частности, на страницах номеров от 15 и 18 ноября 1941 года редакция опубликовала сведения о специальных тканях, вырабатываемых для нужд Красной армии текстильной промышленностью, не подлежащие оглашению. В результате редактору «Рабочего края» т. Федорову было указано на недопустимость публикации в газете материалов, раскрывающих военную тайну. Начальнику облита т. Панкову было предложено «улучшить цензорский контроль над газетой» [2. Д. 24. Л. 76].

А буквально через несколько дней роль газеты в патриотическом воспитании населения области была уже отмечена на страницах центральной газеты «Правда». В частности, в номере от 28 ноября 1941 года было размещено сообщение об инициативе газеты «Рабочий край» в ответ на «историческую речь товарища Сталина 7 ноября на Красной площади», в которой он впервые обратился к героическим образам наших великих предков. В ней говорилось: «Ивановская газета «Рабочий край» проявила хорошую инициативу, напечатав в своих ноябрьских номерах серию очерков под рубрикой «Наши великие предки». В газете напечатаны большие очерки о Михаиле Кутузове, Дмитрие Донском, Александре Невском, Александре Суворове, Дмитрие Пожарском и Кузьме Минине. Очерки, написанные местными авторами — писателями, научными работниками и преподавателями литературы — знакомят читателя с мужественным образом наших великих предков. Наиболее яркие очерки — Михаил Кутузов и Дмитрий Пожарский — написаны ивановским писателем М. Шошиным. Очерк о Дмитрие Пожарском особенно ценен тем, что в основном построен на местном историческом материале» [4].

Несмотря на нехватку средств и бумаги для выпуска газет 11 декабря 1941 года бюро обкома ВКП(б) все же приняло совершенно секретное постановление «О выпуске многотиражной газеты дивизии народного ополчения «Вооруженный народ» [2. Д. 24. Л. 90]. Данным постановлением военному отделу и отделу пропаганды и агитации обкома ВКП(б) разрешалось издание многотиражной газеты дивизии народного ополчения «Вооруженный народ». Тираж газеты был установлен в объеме 2000 экземпляров с выпуском 4 раза в месяц. Была утверждена редколлегия газеты в составе В. П. Горбунова — редактор, Д. Г. Прокофьева (зам. редактора), А. Н. Васильева (секретарь), А. И. Блинкова и А. Н. Григорьева. Партгруппе ЦК Союза хлопчатобумажной промышленности было предложено отпустить на издание газеты 3 тыс. рублей. За утверждением решения об издании газеты обком ВКП(б) обратился в ЦК ВКП(б).

На заседании обкома ВКП(б) 30—31 декабря 1941 года (возможно в ночь) был рассмотрен вопрос «О выпуске многотиражной газеты «Враг не пройдет» при 20 управлении полевого строительства. В результате принято решение «разрешить 20-му управлению строительства НКО СССР издание многотиражной газеты «Враг не пройдет» и установить ее тираж 5000 экземпляров в месяц. Редактором газеты был утвержден Коськин, а ее финансирование возложено на 20 управление [2. Д. 25. Л. 117].

Кинофикация. 8 октября 1941 года бюро обкома ВКП(б) приняло совсекретное постановление «О проведении оборонного кинофестиваля» в области. Его предполагалось провести с 15 октября по 15 декабря 1941 года. В ходе фестиваля решено было продемонстрировать кинофильмы: «Суворов», «Всадники», «Александр Невский», «Петр 1-й», «Минин и Пожарский»,

«Мы из Кронштадта», «Щорс», «Балтийцы», «В тылу врага», «Линия Маннергейма», «Боевые сборники 1, 2, 3, 4», «Фронтовые подружки», «Подружки», «Тринадцать», «Подружки на фронте», «Винтовка», «Пулемет», «Как тушить зажигательные бомбы» и т. д. Редакция районных газет и облрадиокомитету (через райузлы радиовещания) было поручено широко популяризировать проведение оборонного кинофестиваля» [2. Д. 23. Л. 226—227].

Начиная с 20 декабря 1941 года, в Иванове в кинотеатре «Центральный» стал демонстрироваться фильм «Парад наших войск на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года» и «Торжественное заседание Московского совета депутатов трудящихся, посвященное празднованию XXIV годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции». Как говорилось на страницах газеты «Правда», «исторические фильмы пользуются громадным успехом. Ежедневно делается 5 сеансов, и театр всегда переполнен. Зрители с захватывающим вниманием и интересом слушают вдохновенные слова товарища Сталина, то и дело, оглашая зрительный зал громкими аплодисментами» [1].

Заметную роль в отражении преступлений фашизма играли и другие учреждения культуры. Так, в областном художественном музее открылась художественная выставка, посвященная Великой Отечественной войне. Среди представленных картин, говорилось на страницах центральной газеты «Правда», выделяются картины «Здесь прошли фашистские бандиты» — художника Говорова, «Мы еще вернемся» — художника Колочкова, «После ухода фашистских захватчиков» — художника Кузнецова и др. На выставке представлены работы художников-участников войны с фашистскими захватчиками [5].

Несомненно, указанные мероприятия играли значимую роль в пресечении «ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», а также формировании патриотического настроения населения области. Результаты этой работы воплощались в труде на предприятиях и в сельском хозяйстве области, строительстве оборонительных сооружений, всевозможной помощи фронту, уходом за ранеными и т. д. Была и обратная связь. Большое количество добровольных помощников из числа городских и сельских тружеников, руководителей предприятий и организаций, председателей колхозов и сельских советов помогли радио и газетам области собрать уникальную информацию о трудовых буднях и повседневной жизни в 1941 году. На основании этого можно утверждать, что основа для сохранения памяти о трудовом вкладе жителей области была подготовлена беззаветным трудом многих ивановцев, пожелавших через радиоинтервью и публикации в областной прессе передать информацию об этих тяжелейших испытаниях будущим поколениям.

Список литературы

1. Большой успех исторических фильмов в Иванове // Правда. 1941. 25 декабря.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7.
3. *Лецко В.* Вдохновенная речь // Родниковский рабочий. 1941. 10 ноября.
4. Очерки о наших великих предках // Правда. 1941. 29 ноября.
5. Правда. 1941. 6 декабря.
6. Рабочий край. 1940. 23 марта.
7. Родниковский рабочий. 1941. 10 ноября.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2. Д. 1.
9. *Шмелев Д.* Речь вождя укрепляет нашу веру в победу // Родниковский рабочий. 1941. 10 ноября.

УДК 821.133.1"15"
ББК 83.3 (4Фра)511-8,3
DOI: 10.46726/Н.2020.3.9

Д. В. Самоговинский

**«МИР ЕЩЁ НЕ СОСТАРИЛСЯ, ПОДОЙДЯ К СВОЕМУ КОНЦУ»:
ПЕРСПЕКТИВА БУДУЩЕГО В ПОЭЗИИ ПЬЕРА ДЕ РОНСАРА
ДО И ПОСЛЕ 1562 ГОДА**

Историческое сознание Ронсара предполагало оптимистическое видение будущего. Это видение оказалось устойчивым к катастрофическим событиям Религиозных войн во Франции. Как до, так и после начала войн в 1562 г. Ронсар отвергал идею «старости мира», на которой было основана популярная апокалипсическая трактовка событий современной эпохи. Он настаивал, что бедствия и упадок нравов, связанные с религиозным конфликтом, не являются чем-то беспрецедентным, свидетельствующем о безнадёжности мира и скорой его гибели. Ход истории цикличен, за упадком и бедствиями должен следовать расцвет и умиротворение под эгидой выдающегося правителя. Вера Ронсара в позитивную динамику истории позволяла вынести «ужас перед историей», выполняла компенсаторную функцию.

Ключевые слова: Возрождение, историческое сознание, «золотой век», перспектива будущего, идея «старости мира», циклическая концепция истории.

D. V. Samotovinskij

**“THE WORLD HAS NOT GROWN OLD YET,
HAVING COME TO ITS END”: A PERSPECTIVE
OF THE FUTURE IN THE POETRY OF PIERRE DE RONSARD
BEFORE AND AFTER 1562**

Ronsard's historical consciousness included an optimistic vision of the future. This vision was resistant to the disastrous events of the Religious wars in France. Both before and after the beginning of the wars in 1562, Ronsard rejected the idea of “the world grown old”, on which the popular apocalyptic interpretation of the contemporaneity was based. He insisted that the disasters and moral decline of religious wars are not something unprecedented, testifying to the hopelessness of the world and its imminent destruction. The course of history is cyclical; decline and disasters must be followed by appeasement and prosperity under an eminent ruler. Ronsard's belief in the positive dynamics of history served a compensatory function, allowing him to endure the “horror of history”.

Key words: Renaissance, historical consciousness, “Golden age”, perspective of the future, idea of “the world grown old”, cyclic concept of history.

1562 г. разделил французскую историю на «до» и «после». Религиозные войны (1562—1598) с их насилием, социальным распадом и разорением стали испытанием для французского гуманизма. Специалист по французской ренессансной литературе Эдвин Дюваль подчёркивал, что «до 1562 г. поэзия Пьера Ронсара излучала крайнее доверие к будущему, основанное на убеждённости

в том, что история вступила в свою финальную, решающую стадию». Поэмы 1550-х гг., в которых Ронсар (1524—1585) приветствовал восстановление «нового Золотого века в правление Генриха II», построены «в соответствии с простой схемой возвращения к изначальной чистоте и совершенству после промежуточного периода порчи и хаоса». Все они пронизаны радостным ощущением настоящего и «ненарушаемыми, безграничными перспективами будущего» [8, р. 14]. «Эта наивная уверенность в перманентности Золотого века исчезла навсегда вместе с резнёй в Васси 1 марта 1562 г.». «Золотой век, только что восстановленный гуманизмом, возможно, уже снова непоправимо выродился в железный», — заключает исследователь, проанализировав «Рассуждения о бедствиях нашего времени» (1562) [ibid., р. 18].

Для начального периода творчества Ронсара, действительно, свойственны частые обращения к образу возрождающегося «золотого века». Особенно основательно тема представлена в панегирической и в то же время философской поэме «Гимн Справедливости» (1555), посвящённой Шарлю де Гизу, кардиналу Лотарингскому.

В поэме Ронсар демонстрирует оптимистическое видение истории. Он отвергает распространённые апокалипсические ожидания, согласно которым мир уже стар и не может стать лучше, но обречён на окончательную моральную деградацию и скорую гибель [7, р. 292—295]. Юпитер (верховное божество, отождествляемое с Богом христианства), вместо того, чтобы уничтожить мир за грехи людей огнём, внимлет голосу Милосердия, своей дочери, и желает помочь человеческому роду исправиться. Человек под воздействием божественной педагогики способен измениться к лучшему: «Добрые или злые, — обращается Милосердие к Юпитеру, — они все созданы в твою честь. / Если ты поступишь в их сердце, они захотят тебя услышать. / Ибо оно — не из камня, оно человеческое и податливое...» [17, р. 64]. Ронсар отодвигает светопредставление в неопределённо-далёкое будущее. «Мир, — пророчествует Фемида, — ещё не должен прийти к концу, / Воспламенённый твоим [Юпитер] огнём: должно, чтобы ещё в течение долгого времени / Многие будущие века прошли» (*Le Monde ne doit pas encore prendre fin, / Embrazé de ta flammee: il faut que maint espace / De maints siecles futurs aye devant eu place*). В поздней редакции поэмы: «Мир ещё не состарился, подойдя к своему концу, / Он полностью невредим и надлежит, чтобы в течение долгого времени / Многие будущие века прошли» (*Le Monde n'est encor envieilly par sa fin, / Il est du tout entier, & faut que mainte espace / De maints siecles futurs se roulent en leur place*) [ibid., р. 65].

Устами всё той же Фемиды Ронсар излагает пророчество, которое для поэта и читателя уже свершилось. В правление Генриха II этого «владыки других королей» [ibidem], «любимого людьми, богами и всей Францией», в королевство вернётся «золотой век», когда-то царивший на земле под эгидой Справедливости, дочери самого Юпитера. Сама Справедливость со своими божественными сёстрами вновь спустится на землю, «чтобы реформировать порочные дела людей» [ibid., р. 66], но в обличье не короля, а Шарля де Гиза. Роль короля сводится к тому, что он будет «целовать» этого вельможу-прелата, «какового Честь, Добродетель, Учёность и Приятность не будет иметь себе равных среди людей, и его благодать будет сиять словно Солнце» [ibid., р. 65].

Комментируя «Гимн Справедливости», исследователь Жан Фраппье отмечал, что Ронсар, представляя кардинала словно некоего Мессию, воплощение Христа, опускается в своей лести до религиозного нечестия и дурного

вкуса [9, р. 271—272]. Однако, оговаривается: то, что шокирует нас сегодня, не шокировало современников поэта и, видимо, укладывалось в рамки расхожих представлений той эпохи, согласно которым не только папа, но и прелаты могли рассматриваться как «викарии» Всевышнего на земле [ibid., р. 272]. Заметим, что Ронсар прочил Шарлю папскую тиару: «...Небо уготовало вам / По праву тройную диадему (Un triple diademe) на голову, / Чтобы сделать вас верховным пастырем над всеми» [15, р. 326].

Очевидно, что распределение функций между королём и его вельможей осмысливаются в соответствии с платонической идеей о необходимости сочетания «мудрости» и «власти» для достижения человечеством благого состояния¹. Однако Ронсар, видимо, не рассматривал Генриха II как правителя, в котором бы воплощались оба начала, зато был очарован душой Шарля де Гиза, считавшегося первым вельможей при короле, имеющем на него сильное влияние. Таким воплощением «мудрости», перед которой в буквальном смысле слова склоняется «власть», изображён кардинал. Фемида заканчивает своё пророчество, передавая речь Шарля де Гиза, произнесённую им во время коронации Генриха II (Реймс, 1547). Главное послание кардинала состояло в том, что монарх должен покончить с войнами и править с помощью Справедливости и Закона [17, р. 67]. «Так ты говорил, прелат, и король, чуть склонив свою голову, соглашался с твоей просьбой: и тогда во Францию вернулся золотой век...» [ibid., р. 71]. «Власть», склонившаяся перед «мудростью», означала союз обоих начал и рождение «золотого века».

Провозглашение начала «золотого века» под эгидой Шарля Лотарингского не помешало Ронсару в том же году «пророчить» «золотой век» и мировую монархию дофину Франциску, а в будущем королю Франции Франциску II. Ему суждено стать повелителем всей Европы, а его братьям, Карлу и Генриху, над которыми он будет господствовать, — Азию и Африку. Франциск вернёт в Европу «золотой век»: «Ты станешь равным богам. / В твоё правление и в твоей стране / Расцветёт мир, и с небес / Вернётся прекрасная Астрея» (Tu feras egal aux Dieux / Ton règne, et par ta contrée / Fleurir la Paix, et des sieux / Revenir la belle Astrée) [16, р. 55]. В оде, посвящённой герцогу Орлеанскому, будущему Карлу IX, Ронсар так же пророчит великое будущее трем сыновьям Генриха II. Им суждено Богом получить под свою власть три части мира. Старший, Франциск, «будет править своей Европой». Самый младший, Генрих, будет царём Африки [ibid., р. 61]. Карл же — царём Азии. Он победит азиатских (мусульманских) правителей [ibid., р. 60, 61—62], сокрушит их идолов, храмы и заставит азиатские народы познать истинный закон Христа [ibid., р. 64—65]. «Пророчество» Ронсара сконструировано, согласно традиционному представлению о разделении земли между тремя сыновьями Ноя. Тема «золотого века» сливается с идеей грядущей мировой монархии под властью французских королей.

Идея мировой монархии, кажущаяся сегодня лишённой какой-либо почвы в реальности, была реальна для современников Ронсара. Священная Римская империя во главе с германскими императорами рассматривалась как «мировая» по своему провиденциальному предназначению, по своим притязаниям и потенциалу. При императоре Карле V (1519—1556) идея Священной Римской империи в Германии была популярна как никогда пользовалась

¹ Платон сформулировал эту идею в диалоге «Государство» (V 473d) [2, с. 298]. Идея была унаследована Ренессансом благодаря Марсилио Фичино [1, с. 387].

она поддержкой и в Италии [20]. Французские короли с XIV в. не оставляли надежд на императорский трон и на установление французской мировой гегемонии [21]. Около 1523 г. Жан Тено (ок. 1480—1542), королевский духовник, поэт и публицист, пророчил Франциску I титул «императора Священной галликанской монархии» (*empereur de la sacrée monarchie Gallicane*) (Цит. по: [11, p. 324]). В 1547 г. Жан де Ла Э, камердинер Маргариты Наваррской, предрёк, что Франциск I, король, заставивший «расцвести музы во Франции», «истинный щит всей Европы и христианского народа» от турок, станет «властителем, который будет править обоими полушариями» [10, p. 10—11]. Но самый грандиозный проект мировой французской монархии принадлежит известному мистика, каббалисту и ориенталисту Гийому Постелю (1510—1581). Вдохновляясь традицией иоахимизма, он верил, что настало время, когда усилиями божественных посланников — «ангелического папы» и короля Франции — иудеи, мусульмане, язычники (в том числе и Нового света) будут обращены в христианскую веру и на всей земле будет учреждена единая христианская монархия, установлены мир и согласие, Царство Божье на земле [12; 5]. Роль будущего мирового монарха он поочерёдно отводил Франциску I, Генриху II, Франциску II и Карлу IX [12, p. 54—55]. Таким образом, национально-династические притязания сочетались с надеждами на то, что Христианский мир, погрязший в междоусобиях и столкнувшийся с беспрецедентной угрозой турецкого завоевания, может быть спасён только под эгидой единого монарха.

Видение Ронсаром настоящего и будущего складывается из отдельных персонифицированных перспектив восстановления «золотого века» и учреждения мировой империи под властью французских королей. Можно ли вообще говорить о том, что в этих поэмах Ронсар выразил некое историческое видение? Не является ли их содержание поэтической условностью, выражением банальной лестии? Думается, что безмерное возвеличивание монарха всё же не было «лестью» в нашем понимании. Не было ничего необычного в эпоху Возрождения в том, чтобы увидеть в монархе, вельможе, полководце, в любой выдающейся личности, которая уже как-то проявила себя или ещё вообще не проявила, некое воплощение «земного Бога» [1, с. 332; 3, с. 132], способного на великие дела и преобразование мира. Эта безмерная хвала относилась к персоне *лишь в той мере*, в какой она являла собой божественное начало. Как полагает В. Рис, рассматривая похвалы правителям в творчестве Марсилио Фичино, именно этому началу, воплощавшемуся в конкретной персоне, и была адресована хвала. И хвала эта не могла быть чрезмерной [13, p. 50—65]. Не похвала должна была соответствовать персоне, а персона похвале. Персоне правителя задавалась некая мерка, которой он должен был соответствовать. Долг поэта состоял в том, чтобы восхвалять, правителя — соответствовать похвале. Поэт не оставался в проигрыше, даже если восхваляемый правитель не выдерживал сравнения с образцом.

Отсюда следует, что для Ронсара его «пророчества» вовсе не были обязаны исполняться в отношении конкретной персоны. Малолетний инфант или умудрённый прелат могли быть воплощением божественного начала и теми, кто породит великий плод, но могли и не быть. Ронсар лишь верил, что под влиянием некой выдающейся персоны история обретёт положительную динамику. Похвала конкретной персоне рисовала не истинный образ будущего, но желательный, возможный. Рисуя этот образ, похвала выступала в качестве

некого «продуктивного правдоподобия», ориентирующего конкретное лицо на исполнение великой миссии.

Во что Ронсар верил безоговорочно, так это в то, что сегодня мир, хотя и переживает не лучшие времена, не находится в состоянии крайней и необратимой деградации. Из этого следовало, что позитивная динамика в истории возможна.

Э. Дюваль полагал, что до 1562 г. Ронсару была присуща «наивная уверенность в перманентности Золотого века» [8, р. 14]. Воспевая «золотой век» настоящего или грядущего, поэт, действительно, не касался темы его окончания. Собственно, риторика «золотого века» не предполагала этой темы. Но если попытаться заглянуть за покров риторики и понять, как Ронсар мыслил перспективу будущего, то можно с уверенностью заключить: положительная динамика в истории мыслилась Ронсаром как обратимая. Поэт верил в популярную циклическую концепцию времени, распространявшуюся как на природу, так и на историю. В 1557 г. он обращался к своему другу: «Полагаешь ли ты, мой Обер, что Французская империя / Милее Небу, чем империя мидян, / Чем империя римлян, чем империя греков, / Которые от своего величия пришли к упадку? // Наша империя погибнет, подражая непостоянству / Всех рождённых вещей, и погибнут однажды / Наши стихи, наши писания, будь они латинские или французские, / Ибо ничто человеческое не может противиться смерти» [16, р. 310]. Позитивная динамика истории предполагала обратимость. История человечества представлялась как череда расцветов и упадков государств и цивилизации.

Как изменилось историческое видение Ронсара после начала Религиозных войн? Конечно, о «золотом веке» в настоящем не могло быть и речи. В своих «Рассуждениях о бедствиях этого времени», написанных в 1562 г., в разгар первой Религиозной войны, Ронсар описывает современность как эпоху бедствий, хаоса, морального упадка, как «перевернутый мир» (*le monde renversé*) [14, р. 71].

Однако в самом начале поэмы Ронсар считает нужным оговориться. Мир не находится в состоянии крайней деградации и на пороге гибели: «Если бы с того времени, как мир взял начало / Порок из века в век возрастал, / То крайняя злоба давно бы уже / Одолела мир и всё стало бы пороком. / Но поскольку мы видим повсюду людей, / Одни из которых живут добродетельно, а другие — порочно, / Нам следует признать, что безобразный порок / Не одержал верх, но таков же, / Как в тот день [грехопадения], когда человек был облачен, / Словно в одеяния, в порок и добродетель. // Но и добродетель также не возросла: / Ибо, если бы она возрастала, её мощь возвысилась бы / До крайней степени и все было бы исполнено / Добродетелью и совершенством, что не так. // Как угодно нравам, государям, веку / Иной раз исполняться добродетелью, / А иной раз — пороком, и одно из них, возрастая, / Снижает влияние своего собрата, затем сам слабеет, дабы его мощь / Не возросла в этом мире абсолютно. // Так угодно упражнять нас Богу, / Который поместил человека обитать между добром и злом, / Словно мореплавателя, который держит свой путь / То в спокойном море, то в бурном» [ibid., р. 61—62].

Таким образом, человеческая природа со времён грехопадения не ухудшилась (но, конечно, и не улучшилась), а поэтому, современность, какой бы ужасной она не казалась, не является историческим апофеозом зла и признаком скорого светопреставления. Ронсар в очередной раз оспаривает идею «старости мира», на которой было основана апокалипсическая трактовка

истории и современной эпохи. Бедствия и упадок нравов, которые видят современники, не являются чем-то беспрецедентным, свидетельствующем о безнадежности мира и скорой его гибели. Ход истории цикличен, за упадком и бедствиями должен следовать расцвет и спокойствие: положительная динамика в истории по-прежнему мыслиться как возможная.

Известный оптимизм могло породить окончание первой войны в марте 1563 г. Екатерина Медичи, Мишель де Лопиталь всё ещё надеялись установить в королевстве прочный мир [5]. В феврале или марте 1564 г., Ронсар создаёт свою «Пастораль» (*Bergerie*), предназначенную для постановки во время придворных торжеств, имевших, в том числе, миротворческий смысл. Главные действующие лица произведения, четыре юных пастушка и пастушка, представляют собой будущую элиту Франции, людей, которым предстоит определять судьбу королевства. Орлеантен — герцог Орлеанский, брат короля, будущий король Франции Генрих III (1574—1589). Ангело — принц Франсуа, герцог Анжуйский, самый младший из братьев короля, который так и не взойдёт на престол. Марго — принцесса Маргарита, сестра короля, станет женой Генриха Наваррского. В числе действующих лиц также Наварен — Генрих Наваррский, в будущем король Франции Генрих IV (1589—1610), и Гизен — герцог Генрих де Гиз, который стал главой династии Гизов после гибели своего знаменитого отца Франсуа де Гиза от рук гугенотов в 1563 г.

Все юные принцы крови, сестра короля, Генрих Наваррский, которому суждено будет стать лидером гугенотов, Генрих Гиз, который возглавит непримиримых католиков, демонстрируют полное согласие, оплакивая беды религиозного конфликта и мечтая о мире и гармонии под властью Карлена — нынешнего короля Франции Карла IX. Более того, Гизен пророчит Карлену великое будущее. Достигнув зрелости, он станет «владыкой и господином великих королей» [18, р. 107], на земле воцарится мир, покой и изобилие, все бесчинства и насилия «железного века» уйдут: «Если кратко, то всё изменится, и мир деформированный пороками дня сегодняшнего, при тебе примет новую форму» [*ibid.*, р. 108].

Как и прежде, тема грядущего «золотого века» связана у Ронсара с идеей французской мировой гегемонии. Ещё более явственно это прослеживается в двух поэмах 1565 г., посвящённых королю. Ронсар изображает Карла как правителя, которому суждено покорить и обратить в христианство неверных [*ibid.*, р. 134—137] и стать «добрым Августом», правя «не как король, но как отец» [*ibid.*, р. 140].

Кончина Карла IX не положила конец упованиям на «золотой век» и мировую монархию под властью Валуа. В своём сонете, опубликованном впервые в 1578 г. и посвящённом Генриху III, Ронсар с позиции пророка обещает королю власть над всем миром, в том числе над Новым светом. «Европа — слишком мала, и Африка и Азия / Для тебя, который увидит себя царём всего мира: / Поэтому Небо недавно заставило родиться для тебя / Посреди моря новую Америку // Чтобы вся огромная Земля стала Галльской империей, / И чтобы весь мир повиновался твоему Закону» [19, р. 337]. Ронсар изображает положительную динамику истории, содержание которой определялось традиционными амбициями французской короны, конкурировавшей с германскими императорами за *dominium mundi*.

Установление мировой «Галльской империи» неразрывно в сознании Ронсара с установлением «золотого века»: «Когда ты станешь единственным Владыкой всего мира, / Ты закроешь врата Храма Войны. / Мир и добродетели

расцветут в мире: / Юпитер и Генрих разделят Вселенную, / Один — император Неба, другой — Земли» [ibid., p. 337—338].

Ронсар словно бы примеряет роль мирового монарха-философа, «земного Бога» на очередного короля. Положительная динамика в истории для него по-прежнему возможна. И не важно, были ли к тому реальные предпосылки. Достаточно было убеждения в том, что мир не «состарился» и не «одряхлел», в нём по-прежнему возможны выдающиеся своими добродетелями личности. Это значило, «золотой век» мог наступить как некое чудо, благодаря мудрому, добродетельному правителю. Именно поэтому позитивная динамика в истории продолжала мыслиться Ронсаром как возможная, несмотря на катастрофу Религиозных войн. Более того, можно предположить, что именно ощущение катастрофы питало веру в будущее, которая позволяла вынести «ужас перед историей», выполняла компенсаторную функцию.

Однако у этой веры был предел, который хорошо демонстрирует творчество соратника Ронсара по перу, члена «Плеяды», придворного поэта Жана-Антуана де Баифа (1532—1539). Незадолго до того, как Ронсар пророчил Империю Генриху III, Баиф, оплакивая бедствия века, хаос, насилие, упадок нравов и искусств, риторически вопрошал: «Боже, неужели наскучило тебе твоё творение? / Желаешь ли ты воздвигнуть новый век, / Разрушив наше извращённое время?» [6, p. 106]. «Кто, согласно мнению мудрецов, / Исполнив благие пророчества, / Учредит святые законы, / Утвердит добрый гражданский порядок?» [ibid., p. 239]. Перспектива позитивной динамики истории у Баифа рушится. Компенсаторную функцию перенимает идея конца света и наступления Царства Божьего, которое «не от этого извращённого мира» [ibid., p. 66]: «Мир, на этом свете — не более, чем слово. / Его следует искать лишь на небесах» [ibid., p. 253].

Список литературы

1. Кудрявцев О. Ф. Флорентийская Платоновская академия: Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии / отв. ред. Л. М. Брагина. М.: ЛУМ, 2018. 541 с.
2. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. 752 с.
3. Ревякина Н. В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. 322 с.
4. Самотовинский Д. В. Открытие Нового Света, триумф книгопечатания и артиллерии, возрождение античного наследия в историко-эсхатологическом сценарии Гийома Постеля // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. Т. 14, вып. 8. С. 29—38.
5. Самотовинский Д. В. Vitia uxoris aut sunt tollenda, aut toleranda: веротерпимость в политике Мишеля де Лопиталья (1560—1563 гг.) // CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2018. Т. 10. С. 172—194.
6. Baif J.-A. de. Mimes, Enseignements et Proverbes / Éd. par J. Vignes. Genève: Droz, 1992. 461 p.
7. Delumeau J. La peur en Occident, XVIe—XVIIIe siècles: une cité assiégée. Paris: Le livre de poche, 1980. 607 p.
8. Duval E. The Place of the Present: Ronsard, Aubigné, and the Misères de ce temps // Yale French Studies. 1991. Vol. 80. P. 13—29.
9. Frappier J. Histoire, mythes et symboles: études de littérature française. Genève: Droz, 1976. 298 p.

10. *La Haye J. de*. A tresillustre et treschrestienne princesse Madame la princesse de Navarre // Marguerite d'Angoulême. Les Marguerites de la Marguerite des princesses: texte de l'édition de 1547 / ed. par F. Franc. Paris: Librairie des bibliophiles, 1873. T. 1. P. 3—11.
11. *Maulde-La-Clavière R. de*. Louis de Savoie et François Ier, trente ans de jeunesse (1485—1515). Paris: Perrin et Cie, 1895. 428 p.
12. *Petry Y.* Gender, Kabbalah, and the Reformation: The mystical theology of Guillaume Postel, 1510—1581. Leiden: Brill, 2004. 191 p.
13. *Rees V.* Quo vertam oculos utte laudem: Aspects of praise in Ficino's writing // *Laus Platonici Philosophi: Marsilio Ficino and His Influence* / Ed. by S. Clucas, P. J. Forshaw, V. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 45—66.
14. *Ronsard P. de*. Discours des misères de ce temps. Genève: Droz, 1979. 287 p.
15. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. V / Éd. par P. Blancemain. Paris: A. Franck, 1866. 380 p.
16. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. VII / Éd. critique, avec introd. et commentaire par P. Laumonier. Paris: Droz, 1934. 349 p.
17. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. VIII / Éd. critique, avec introd. et commentaire par P. Laumonier. Paris: Droz, 1935. 416 p.
18. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. XIII / Éd. critique, avec introd. et commentaire par P. Laumonier. Paris: M. Didier, 1948. 284 p.
19. *Ronsard P. de*. Oeuvres complètes: t. XVII (première partie) / Éd. critique, avec introd. et commentaire par P. Laumonier. Paris: M. Didier, 1959. 444 p.
20. *Yates F. A.* Charles V and the Idea of the Empire // *Yates F. A. Selected Works*. Vol. V: *Astraea: The imperial theme in the sixteenth century*. London; New York: Taylor & Francis, 1999. P. 1—28.
21. *Zeller G.* Les rois de France candidats à l'Empire: essai sur l'idéologie impériale en France // *Revue Historique*. 1934. T. 173. Fasc. 2. P. 273—311.

УДК 1(091)(470+571)
ББК 87.3(2)8
DOI: 10.46726/Н.2020.3.10

П. А. Белоусов

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ НАТУРАЛИЗМ И НООСФЕРНОЕ МИРОВИДЕНИЕ М. М. ПРИШВИНА

В центре внимания автора статьи творческое наследие М. М. Пришвина, рассмотренное в контексте ноосферных построений русского космизма. Показано, что в основе мировоззрения (научное в своих истоках) писателя лежит установка на «личностное восприятие природы», а антропология разворачивается в «учение о Всечеловеке». Раскрыта специфика натурализма М. М. Пришвина, органически соединяющего науку и искусство, через способность «мгновенного схватывания мира как целого». Выявлена зависимость чувства природы от детскости («младенца в душе») как необходимого фильтра восприятия мира, которая «методологические» задает идеал «живого знания» как синтеза рационализма и интуитивизма. Сделан вывод о двуединой природе человека, которая диалектически соединяет природоборчество и природосбережение.

Ключевые слова: личностность природы, Всечеловек, детскость, «живое знание», наука vs искусство, природочеловекосотворчество, переход биосферы в ноосферу, природоборчество, природосбережение.

P. A. Belousov

ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL NATURALISM AND THE NOOSPHERIC WORLD VIEW OF M. M. PRISHVIN

The author's attention is focused on the creative heritage of M. M. Prishvin, considered in the context of the noospheric constructions of Russian cosmism. It is shown that the basis of the worldview of the writer (scientific in its origins) is the orientation towards "personal perception of nature", as well as his anthropology unfolds in the "doctrine of the All-Human". The specificity of M. M. Prishvin's naturalism, organically combining science and art, through the ability to "instantly grasp the world as a whole" is revealed. The childishness ("baby in the soul") as a necessary filter for the perception of the world, which "methodological" sets the ideal of "living knowledge" as a synthesis of rationalism and intuitionism is shown. The conclusion about the dual nature of man, dialectically connects nature struggle and nature conservation, is made.

Key words: personality of nature, All-Human, childishness, "living knowledge", science vs. art, nature-human creation, the transition of biosphere into noosphere, nature struggle, nature conservation.

Творческое наследие замечательного русского писателя-мыслителя М. М. Пришвина в контексте жизненных реалий начала XXI века открывает думающему и чувствующему «по-пришвински» читателю новые смыслы, которые заключены писателем в сложных образах природы. Цель своего искусства

М. Пришвин видел в том, чтобы найти в природе «культурный слой, родственник человеку» и утвердить силой научного и художественного творчества истинные отношения содружества («обручения») человека с природой. Постигание единства личности и природы в художественном слове было для М. Пришвина способом узнавания самого себя, без которого невозможно творчество самой жизни, органично связанное с духовным возвышением, совпадающим с поиском счастья.

Художественный метод писателя психологически связан с его врожденной особой впечатлительностью, определяющей образное схватывание феноменологической целостности природы, подчиненной вечному закону циклического движения, и дающей ощущение индивидуальной сопричастности к синкретическому, единому «древу жизни». В слитности «со всем великим миром» жизни М. Пришвин видел возможность заново открыть его органичность, чтобы соединить человеческое творчество со стихийным природным началом как источником всей созидательной деятельности человеческого рода. Мысли писателя о человеке и природе затрагивали фундаментальные вопросы человеческого бытия, они опережали свое время и не всеми были поняты и почувствованы. В обостряющемся конфликте цивилизации и природы поэтическое мировидение («сердечная мысль») писателя-мыслителя обнаруживает «тайную современность» его творческого наследия [2; 5; 8; 9; 10; 18; 19].

Философским основанием мировоззрения М. Пришвина были идеи представителей русского космизма — Н. Федорова, В. Вернадского, А. Горского, Н. Сетницкого, а также взгляды русских философов-персоналистов, особенно Н. Лосского. «В их воззрениях Пришвин нашел философское осмысление факта восходящего характера природной эволюции и вступления ее с человеком в новую фазу, которой еще только предстоит стать по-настоящему сознательным управлением природно-космического процесса, включающего и преобразование природы самого человека. Тема борьбы за бессмертие, столь часто звучавшая в литературе 1920-х годов, была близка и Пришвину» [20, с. 379—380]. «Русский космизм близок Пришвину своим отказом от объектно-инструментального, покорительного отношения к природе, попыткой выдвинуть подход организмически-родственный, подчеркивающий целостность природы, где человек лишь ее часть, хотя и ведущая... Об этой же включенности «в общую связь» каждого природного существа постоянно размышляет писатель» [21, с. 169].

Книгу В. И. Вернадского «Биосфера», вышедшую в свет в 1926 году, М. Пришвин читал с увлечением «как в детстве авантюрный роман»: биогеохимическое мировоззрение выдающегося ученого-натуралиста (представления о живом веществе биосферы, о всеядности жизни) научно укрепило в нем природное чувство единства и родственной связи «всего со всем», составляющее духовно-нравственную основу художественного таланта писателя. Внутренний мир писателя формировался под воздействием и других интеллектуальных учений и движений, среди которых им самим отмечается «этический персонализм» Н. О. Лосского [7, с. 143—156]. Основополагающий принцип ценности личности, идея мира как органического целого, «наивный реализм», интуитивизм, идеал «живого знания», имманентность процесса познания познаваемому миру, онтологическое понимание любви и другие представления русского религиозного философа художественно воплотились в многообразном творчестве М. Пришвина, основными мотивами которого

были долг и любовь к природе и людям, совестливое отношение к жизни, ощущение правды бытия в опыте собственной души, устремленность к мечте о гармоничном человеке, возможном на земле. «Как писатель-мыслитель, Пришвин развивает единое и цельное мировоззрение, единую философскую веру, которая обнаруживается в соединении постоянных тем его мысли: природа и человек, “живое целое” бытия, родственная сопряженность эволюционной цепи, восходящее развитие мира, творчество жизни и творчество “небывалого”, “родственное внимание”, установка на другого как на себя, трансформация зла в добро, “радование”, личность и бессмертие и др.» [21, с. 136].

Художественные искания писателя следует рассматривать в контексте мировоззренческой установки на активно-созидательное преобразование природного и социального мира на началах справедливости, гармонии и красоты. Главной темой в творчестве писателя, по его словам, являлась проблема границы природы: «где природа кончается и начинается человек». Он старался понять и объяснить тайну человека посредством того, что происходит в живой природе, избегая философской терминологии и опираясь на язык литературы. «Русский писатель создает биометафорическую антропологию: человеческая суть познается Пришвиным через природные образцы. Природа — это человек в его инобытии: в райско-первозданном состоянии, способном порождать продуктивные метафоры. Хочешь познать, что такое человек? Вникни с “родственным вниманием” в лес, в животных, в единство мира как “органического целого”» [4, с. 142]. Найти в природе человека, художественно выразить «человечность» природы и «природность» человека, определить отношения сотворчества человека с природой с помощью эстетического освоения мира, родственного человеку — так он видел задачу собственного творчества. М. Пришвин развивал в себе дар чувствовать природу, забывая о себе, «заставать жизнь без себя, елки-березки сами», а не переносить на природу человеческие свойства, что характерно для антропоморфного восприятия природы в архаической культуре.

Разделяя учение этического персонализма Н. Лосского, М. Пришвин признавал «личностность» всей природы. Все «носители лица» соучаствуют в «общем творчестве вселенной», у каждого из них есть «свое место», и они все равны в «действительном творчестве». Человек как «творческая единица» должен сам свободно согласовывать свое личное творчество с общим ритмом жизни природы и общества, — только так он будет стоять на «своем месте». Его помыслами должна быть общая «круглая правда» или душа «всего человека», любовь к которому рождается из внимания к каждому другому человеку. Нравственный идеал служения должному, «небывалому» сознательно выбирается человеком и включается в общую судьбу, прежде всего, своего народа («быть как все»). Идея солидарной общей жизни призвана силой науки и искусства пробудить в человеке энергию добра, чтобы душа «росла во все стороны», обнимала целое, объединяла все со всем. Человек с такой душой способен «все вобрать в себя», сообразовывать свой опыт с «умением» творящей природы обращать все на «пользу» и личным усилием создавать жизненную гармонию в своем малом пространстве как части большого целого мира. Своим творчеством человек, прислушиваясь к голосу природы, доопределяет, обживает природный мир, укрепляется в нем, делает его обитаемым домом. В созидании нового единства с миром совершается творческое преображение человеческой природы, происходит саморазвитие

личности, связанное с нравственной волей на превращение зла в добро внутри человека. М. Пришвин видел в миролюбии, в доброте, правдивости духовное основание единения людей и был убежден, что искусство способно изменять человеческий мир в лучшую сторону.

Личностное восприятие природы, взятое в ее целом, сущностно сближает стихийное бессознательное творчество с сознательным творчеством общественного человека. Наделение природных вещей лицом («в природе все лично, вплоть до самых законов природы») является ценностным основанием к установлению ненасильственных, «дружественных» отношений «созревшего человека» с матерью природой. «Взрослый» человек видит природу «детским» взглядом — наивно, удивленно, благодарно, радостно и, одновременно, мудро, целостно, серьезно. М. Пришвин верит в необходимость и возможность наступления времени «взрослости» человека и человечества, совпадающего с переходом цивилизации от утилитарного к сотворческому «брачному» отношению с природой, когда осуществится универсальное предназначение человека на земле и будет раскрываться высший смысл человеческой жизни.

М. Пришвин не был сторонником «бесцельного созерцания» и «бесконечного любования» природой: он видел в природном принципе бытия онтологическую двойственность, выраженную в противоречии между внешней красотой, связанной с уравновешенностью, ритмичностью жизненного процесса и непрерывной борьбой за выживание внутри него, обрекающей на смерть и страдания бесчисленное множество живых существ.

Природа напоминает человеку как о его конечности внутри вечного круга жизни, так и о возвращении всего того, что умирает в тот же круг жизни, но уже в новых поколениях. Человек не может выйти из-под власти земного закона: «Да, конечно, и мы той же самой жизнью живем, в глубине души все мы чувствуем единый ствол жизни, на котором сидим и знаем свой срок, свою ветку, знаем, что неминуемо с нею придется тоже расстаться, и только часто забываем, что вся природа хранит в себе как святой закон: на смену падающим придут молодые, и жизнь смертных в существе своем бессмертна. Мы, люди, не всегда это помним, как помнят листья, у нас для этого не хватает героического смирения, удобряющего почву творческой природы» [11, с. 56]. Человек так устроен, что знание о «неминуемой смерти» не побеждает стремления к бессмертию. Писатель связывает это стремление с увековечиванием себя в торжестве живой красоты природы: «Никогда не поздно посадить деревце: пусть плоды не себе достанутся, но радость жизни начинается с раскрытия первой почки посаженного растения» [12, с. 54]. Посаженное деревце «не для себя» становится символом человеческой солидарности в сотворчестве большого общего счастья людей на земле. «Не надо смотреть туда, в сторону умирания, — надо создавать, надо рождать царя природы, не подчиненного законам умирания: он существует в нашей душе, а воплощать его — значит творить» [12, с. 14].

В духе учения Н. Федорова М. Пришвин видит в человеке («царе природы») вселенское призвание стать избавителем себя и всего живого от роковой силы смерти как стихийного метода движения поврежденного тварного мира. Писатель мечтает и верит в восхождение будущего истинного благого «царя природы», ставшего «Всечеловеком» — соборным существом мирового единого человеческого рода, власть которого над природой должна стать не только практической, но и нравственной в осуществлении идеала бессмертия,

восстановления «родственности» людей во всех земных поколениях в их единстве с преображенной природой. М. М. Пришвин много размышлял в дневниках о теургическом смысле искусства, он связывал дело художества с устремленностью человека к бессмертию. Искусство в его высшей форме должно стать творчеством самой жизни, захватывающим «весь дух и всю плоть человека». Свое воззрение на разумную регуляцию природы, при которой преобразовательная активность людей направляется не потребительским, а нравственным принципом, духовно связывающим «царя природы» с каждым живым существом, со всей «матерью природой» писатель называл «гео-оптимизмом», а себя — «виталистом».

М. Пришвин высоко ценил созидательные возможности науки, открывающей законы природы, но предостерегал об опасности фетишизации, «омеханичивания» научного знания, ведущего к утилитарному бездушному отношению к природе. Писатель пришел в искусство из науки: известно, что в молодости во время учебы в Риге, а затем в Германии, он углубленно занимался химией и стал ученым агрономом. В России, работая агрономом, он написал и издал несколько книг по агротехнике. Позднее он стал членом географического общества и был награжден медалью за экспедиционные этнографические исследования. Им была задумана работа по «одухотворению» школьных учебников по природоведению и научно-популярных книг о природе с целью освещения природных явлений не только с точки зрения одной причинности, но и «в их красоте и единстве с целым миром» (см.: [2]). М. Пришвин с благодарностью вспоминал своих учителей, которые в студенческие годы приобщили его к методам науки и воспитали в нем чувство благоговения перед природой как предметом познания. Связав свою жизнь с искусством, писатель сохранял в художественном творчестве элементы научного метода для выражения поэтических истин посредством методического отбора нужного материала непосредственно из наблюдаемой природы. В восприятии мира жизни в нем происходило постоянное взаимопроникновение «двух умов» — исследовательского (аналитического) и чувственно-образного (поэтического) способов постижения реальности. Творческий внутренний синтез «двух умов» позволял выходить за границы обычных рассудочных представлений о законах естественной истории, переносить в них «чудеса» и видеть источник творчества нового и «еще у нас небывалого» в самих законах природы.

М. Пришвин видел в своем художественном методе преимущества, которых нет в аналитической науке, рассудочно создающей обезличенный образ природы и человека: с такой наукой он боролся в себе, когда стал писателем. Зная хорошо методологию естествознания, «Пришвин тщательно исследовал метод неметодического поэтического познания, по-разному называя его, то как первый глас, то как сохранения в себе ребенка, то как способность удивления, то как особое “творческое поведение”» [17, с. 44]. Строгость (лаконизм) научной мысли, полагал писатель, придает поэтическому методу дополнительную силу, связанную с более глубоким и точным осмыслением мира природы и человека и с выражением этих смыслов верно найденными правдивыми словами, в составе которых находят место научные понятия, но воплощенные в поэтической форме. «Луна астрономическая» и «луна поэтическая» являются разными реальностями: одна нужна для понимания устройства Вселенной, другая отвечает запросам человеческого сердца. Необходимо уважать тайну природы, которую человек не может раскрыть

до конца легко и быстро. Только терпеливым неустанным трудом многих поколений ученых удастся приоткрыть тайны «Великой природы».

Искусство также необходимо научному познанию, как и наука для искусства. Искусство прививает в душе ученого чувство благоговейного целомудренного отношения к собственному научному труду. Общей целью науки и искусства является «правильное» познание мира («видим правильно мы только двумя глазами»): из соединения двух инструментов открывается скрытая от нас глубина общей «обычной» нашей жизни. Писатель размышляет о внутреннем родстве искусства и науки в постижении единства личности и природы: «Поэзия и есть мост между нашим первым человеческим миром и тем вторым миром природы. Наука, напротив, считает первым миром этот мир природы, а человеческий мир — вторым, происходящим из первого: там миллионы лет борются бесчувственно и бессмысленно для того, чтобы образовался мир человеческого сознания. Так искусство и наука — будто двери из мира природы в мир человеческий: через дверь науки природа входит в мир человека, и через дверь искусства человек уходит в природу, и тут себя сам узнает и называет природу своей матерью» [11, с. 363]. В дневниковых заметках о своем творчестве М. Пришвин признавался, что в «моем слове больше поведения, чем искусства в собственном смысле», и что передавая жизнь природы в ее мельчайших деталях, он говорит о человеке: «узнавание и оберегание условий бытия цельной личности стало моим поведением в отношении творчества». «Сердечная мысль» писателя-поэта была направлена на возвышение человека, на раскрытие заложенных в нем созидательных возможностей, на радостное восприятие жизни.

М. Пришвин, по его словам, обнаружил в себе способность мгновенного схватывания «без счета и без меры» мира как целого. Так он испытывал состояние радости соприкосновения со всем живым, которое он называл узнаванием самого себя и условием соединения в себе всего, что есть в природе. Расстановка этого найденного «по верным местам» становится процессом творчества «нечто нового» в жизни. «Чувство природы есть чувство жизни личной, отражаемое в природе: природа это я. Труднее всего говорить о себе, оттого так и трудно говорить о природе. Только тогда можно сказать о природе, если найдешь и поймешь себя самого, как нечто небывалое... Так все образы природы не есть сама природа, а только средства обмена людей между собой. И значит, если я о природе пишу, то пишу я о самом человеке в его сокровеннейших переживаниях» [12, с. 43—44]. «Реализм, которым я занимаюсь, есть видение души человека в образах природы» [12, с. 44]. М. Пришвин определял свою способность «все постигать, минуя учение» талантом, присущим каждой частице материи, так как в природе «все есть живое» и несет в себе личностное начало. «Природа есть родина всех талантов, начиная от росинки солнца, сверкнувшая всеми огнями, кончая талантами, переходящими в историю культуры» [12, с. 53].

Человек принадлежит природе, но не всем своим существом: он выходит за пределы природы той частью, в которой он предстает мыслящим, думающим, воображающим живыми существом. «Человек собственно начинается там, где в природе останавливается жизнь роста: тут начинается рост духовный, чисто человеческий, и продолжает у достойных расти до последней минуты. И в духе этого человека растут люди после него» [12, с. 52]. Духовное восхождение личности писатель называл творческим поведением, предполагающим осознанное усилие в поисках своего пути и своего места

в общем человеческом деле, где личность в ее единственности и неповторимости необходима людям «в движениях к небесам вверх и вширь по земле», в их пути в новый и «небывалый» мир братства и согласия. Мысль М. Пришвина о сущности творчества как способности соприкоснуться «с чувством не своего человеческого, а планетарного времени» вызревала, видимо, под влиянием усвоенного им учения В. И. Вернадского о биосфере и созвучно ноосферному идеалу ученого-натуралиста (М. Пришвин, скорее всего, не был знаком с последними работами ученого, в которых вводится понятие ноосферы).

М. Пришвин всю свою сознательную жизнь отстаивал самоценность человеческой личности, видя в ней «двигатель нашей общей души» вобретении нашего «Я» как «мы». Каждый человек в чем-то неповторим, и своей индивидуальностью, не осознавая этого, преодолевает собственный индивидуализм, если он «радостно и уверенно» включается в творчество жизни. Писатель называл выход человека за границы эгоизма «расширением души», понимая под этим процесс созидания самого себя. Объединяющим смыслом самосозидания личности должна быть любовь, вырастающая из «родственного внимания» к другим людям, к природе, к общему земному делу и солидарному делу. «Как материя и энергия сводится в конце концов к единому источнику — жизни, так и все виды талантов сводятся к единому источнику творческого внимания. Когда ум и доброта соединяются в душе в единство внимания к чему-либо, то это любовь, и весь вопрос у доброго и умного человека сводится в тому — кого же ему любить» [12, с. 33]. «Начало любви — во внимании, потом в избрании, потом в достижении, потому что любовь без дела мертва» [12, с. 90].

М. Пришвин умел представлять чужую жизнь как свою, он остерегал себя от неподлинных чувств и мыслей, подвергал строгому анализу свое творческое поведение, критически истолковывал себя сам. Писатель подчеркивал свою сопричастность к коллективному творчеству, уходящему в будущее и понимал свое «я» не в бытовом, а в «производственном» значении, то есть как органическую часть великого мирового «я», которое включает в себя русский народ. Художник призван своим словом сблизить людей, пробуждать в них чувство душевного родства, но для этого ему самому нужно быть свободным, сильным, здоровым душой, чтобы «дружба» с человеком естественно выражалась в его творческом поведении: «пишу — значит люблю». Источник творческого вдохновения находится в синтезе ума и доброты, из чего и рождается «любовь различающая» как любовь — внимание ко всему сущему, без которой нельзя сделать жизнь радостью. «Добро, любовь, красота не составляют в душе человека особой области, а венчают путь каждого из нас, если мы шли правильно» [12, с. 121]. Если делать правильно, творить добро, поступать по любви, то красота выходит сама собой и будет живой красотой. Красота не любит тех, кто «за ней гоняется»: мы не можем породить красоту, а можем только готовить почву для нее, тогда как добро творится руками человека. «Родственное внимание открывает для художника возможность бесконечно расширять собственное мировосприятие и наделять все вещи свойствами личности («лицо является сосудом смысла всякой отдельной твари»), чтобы «лес, и елка, и сосна стали бы живыми». М. Пришвин выделял способность человека, «разглядывая животное и растение родственным вниманием, вспомнить и узнать свое прошлое в них: вот все преимущество на земле человека...» [14, с. 536]. На человеке, как высшем тварном существе, лежит деятельная ответственность за сбережение и мудрое

переустройство природы путем согласования своего сознания с творчеством бытия в едином брачно-сотворческом союзе. Искусство признано творить небывалое, и художник должен утверждать находящуюся вне себя самого «прекрасную реальность».

Магия искусства проявляется в ощущении присутствия чудесной реальности в обыденности, в отражении мимолетного в вечности, всего во всем. Писатель воспринимал мир через призму сказки, наполняющей его ум и сердце с раннего детства: «Жизнь человека не пуста, если по сердцам прошла сказка» [16, с. 614]. Сказочное мироощущение он сохранил на всю долгую жизнь и оно питало его творчество. Сказка для него органично связана с не-исчезающей тайной жизни и постоянным открытием нового в природном мире, изначальная суть которого воспринимается им в образе рая или неповрежденного мироздания. Писатель-«лесовик» неустанно искал образы рая и в лесу и в человеческой жизни, поддерживал в самом себе чувство рая и считал его данным человеку «дорожденчески», относя это чувство к высшей «не-оскорбляемой части человеческого существа», связанной с подлинным творческим состоянием.

Творческий человек сохраняет в своей душе ребенка с его поэзией и непосредственной философией, но у большинства взрослых людей «детскость» утрачивается и притупляется. С детством связано чувство удивления перед миром, которое все больше уходит из душ современных людей, делает их душевно бедными и ограниченными в восприятии окружающей жизни, в ее стихийной непосредственности. Человечеству, считал М. Пришвин, для его же блага, необходимо вернуть удивление и сказку: «Сказка питается детством, и детство здоровьем, и здоровье дается землею и солнцем. Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление, и с удивлением вернется и сказка» [12, с. 107]. Не впадать в детство, а хранить во взрослой душе «своего младенца» и никогда не забывать о нем, чтобы не спугнуть сказку с ее большими и маленькими чудесами. Благодаря детскому дару удивления в зрелой личности развивается тонкость духовных чувств, сближающих человеческую жизнь с природой, как органическим целым миром. Без «младенца в душе» не возникает «родственное внимание» к миру и чувство материально-телесно слияния с ним: «мир является как тело мое, и все мое тело, как дом восходящего солнца». По воспоминаниям современников, Михаил Михайлович производил впечатление большого ребенка. Для него сказка является жизнью образа-символа, силой которого она соединяет людей в общем чувстве жизни. Сказка-быль для взрослых в творчестве М. Пришвина выступает особенной авторской художественной формой, где главную познавательную функцию несет символ, раскрывающий сложное единство жизни в ее видимых и невидимых смыслах, и сама жизнь в целом представляется многозначным символом.

Условием «родственного внимания» к живому является «замирание в себе», которое и вызывает в душе писателя глубинное чувство близости и понятности жизни его внутреннему строю, «когда через такое раздумье станешь понимать себя самого, как дерево, а вокруг все будто люди. И знаешь тогда твердо, что все это: деревья, мох, грибы как люди. Это сказка, но почему же тогда, если выглянешь из себя, то показывается такое, чего никак не заметишь, когда себя считаешь человеком, а лес просто дровами?» [12, с. 46]. Мифопоэтическое чувствование природы возвращает «просветленную» душу писателя к состоянию «наивного реализма», в котором описывая события он

«не помнит себя». М. Пришвин такое непосредственное сознание органической целостности и единства жизни называл методом «бездумности», или, другими словами, способом бессознательно-поэтического «описательства» увиденного «малого» фрагмента «большой» Природы, существующего для целого и отражающего в себе целое. Интуитивно схваченное природное событие «всегда имеют косвенное отношение к другому человеку».

В своем методе писатель видел пути возвращение к утраченным идеалам «живого знания», как синтезу рационализма и интуитивизма в познании действительности. «Без этого живого чувства органического целого, чувства всей жизни по себе самому я ничего не могу писать» [15, с. 298]. Художественная интуиция М. Пришвина рождала в нем «предчувствия мысли» — мгновения понимания границ предела прозрения истины, когда ум схватывает внезапно нечто недостижимое, смысл чего познающий человек давно хочет уловить и удержать его в форме слова. Чувство родства со всем миром зависит от способности «забываться», созерцая окружающее, вводить его в самого себя и самому входить в него. «Родственное внимание» или любовное внимание к миру, считал писатель, должно стать этическим принципом личности художника и определять его «поведение» как творца жизни человеческой: «И только потому, что мы в родстве со всем миром, восстанавливаем мы силой родственного внимания общую связь и открываем свое же личное в людях другого образа жизни, даже в животных, даже в растениях, даже в вещах» [13, с. 264].

Искусство призвано нравственно облагораживать «науку-кормилицу», учить человека мечтать и верить в достижение «небывалого», но при этом искусство не должно разрешать человеку забывать о земле, о реальной жизни, отрывать сказку от действительности. Наука и искусство нуждаются в объединении и взаимодополнении: «наука кормит людей, а поэзия сватает», — так М. Пришвин определял служебную общественную роль двух форм человеческого творчества.

Проблема синтеза научного и художественного познания природы, о котором размышляет писатель на языке метафор, получило осмысление и конкретное воплощение с естественнонаучной точки зрения в творчестве В. И. Вернадского. Чувство «ритмики мирового дыхания», присущее М. Пришвину как «догадка», укрепляется в нем после знакомства с книгой «Биосфера». В. Вернадскому и М. Пришвину в одинаковой мере были близки воззрения на природу немецкого поэта-натуралиста В. Гёте, в творчестве которого проявился целостный научно-художественный подход к познанию природных явлений в их развитии и всеобщей взаимосвязи. В. Вернадский подчеркивал уникальность личности Гёте и ставил его в один ряд с Платоном и Леонардо да Винчи: «Для Гёте чувство и понимание природы в их художественном выражении и в их научном искании были одинаково делом жизни, были неразделимы. Для них всех — для Гёте очень ярко — область художественного творчества не отделялась от творчества научного. Научный и художественный охваты были у них совместны и одновременны» [3, с. 225].

Эстетический подход М. Пришвина к целостному восприятию «вечного биения жизни», определяющий отношение к природе как «матери нашей», во многом совпадает с воззрениями Гёте, с творчеством которого писатель был хорошо знаком. Гётевское миропонимание и методология исследования природы (сближение субъекта с объектом, явления с сущностью, чувств и ума) присущи и художественному методу русского писателя-поэта. Особенности

гносеологической позиции Гёте точно проясняет М. Бахтин: «Сущность для него не скрывается, не прячется за явлением, а именно является в нем самолично. Надо только уметь ее увидеть... Отсюда и глубокое доверие его к мыслящему глазу и видящей мысли и недоверие к окольным путям абстрактного мышления... Вместо противопоставления явления и сущности Гёте пользуется сопоставлением части и целого, или «одного» и «всего»... Познающий для Гёте не противостоит познаваемому как чистый субъект объекту, а находится в нем, то есть является соприродной частью познаваемого... Познающий как микрокосм, содержит в себе самом все, что он познает в природе... Во всем этом много философской наивности, но много глубины и предвосхищений... Созерцание — это не пассивное отражение предмета, но активное соучастное созерцание, поэтому художник может стать творцом, продолжающим дело природы» [1, с. 416—417]. В этом комментарии М. Бахтина просматривается большое сходство в понимании онтологической связи обоих художников слова с окружающим миром.

«Тайная современность» художественного мировоззрения писателя-мыслителя позволяет говорить о «наступлении времени Пришвина» (В. Кожин), — об актуальной значимости его размышлений о «природочеловечесотворчестве» для спасения человечества от надвигающейся экологической катастрофы, истоком которой является человеческая деятельность, не согласованная с законами биосферы. Мысли писателя о необходимости единства трех творческих процессов — стихийного творчества в самой природе, преобразовательной деятельности общества в природе и творчество человеком самого себя — соответствуют коэволюционной стратегии развития мировой цивилизации и созвучны идее В. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Мировидение М. Пришвина выражает в его глубинных корневых истоках основные черты ноосферного гуманизма, исходным принципом которого является признание природы высшей для человечества ценностью: «Природа, понимаемая как Абсолют, утверждающая свой потенциал для раскрытия человеческой сущности в формах вселенской эволюции — вот, очевидно, главный смысл «природного гуманизма» человека: возможность гармонического соразвития: очеловечивания природы и оприроднивания человека. Смысл натуралистического принципа ноосферного гуманизма в преодолении технособлазна, то есть построение мира по принципу расточительности, примитивного (простого) устройства общественного функционирования» [22, с. 402].

М. Пришвин диалектически соединяет противоречивые стороны творчества человека в природе — природоборчество и природосбережение: «В природе нет милости к человеку: нечего ждать от нее милости. Человек должен бороться с ней и быть милостивым, и охранять природу, раз он является ее царем — победителем» [12, с. 50]. Писатель верил в будущее содружество человека с природой, когда стихийное творчество природы («кладовой солнца») мягко сблизится с разумной творческой силой человека по организации природной материи путем внесения в нее «воли и разума», что В. Вернадский назвал переходом биосферы в ноосферу. Человеческая цивилизация должна вписаться в вечный строй земных (биосферных) ритмов, в ход «часов самой планеты», тогда «следы человека в природе» будут почти незаметными, не нарушающими подвижное равновесие жизни и смерти в большой Природе и станут похожими на следы «босых ног между деревьями в лесу». Единый мировой «брачно-творческий» союз человека с природой

станет возможным в будущем, когда сформируются и «вырастут образованные и деятельные» люди с универсальными способностями и потребностями, для которых мерой отношения к живым существам и друг к другу станут высшие нравственные и эстетические ценности — добро, красота, справедливость, любовь. Идеал «хорошей настоящей» жизни М. Пришвин видел в единстве материального благополучия («хлеба»), связанного с накоплением научных знаний и деятельной мечтой о «непостижимом», поддерживаемой силой искусства и преобразующей человеческую личность.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Варламов А. Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. 546 с.
3. Вернадский В. И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте // Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1981. С. 242—289.
4. Визгин В. П. Михаил Пришвин и Габриэль Марсель // Человек. 2014. № 1. С. 137—142.
5. Курбатов В. Я. Михаил Пришвин: очерк творчества. М.: Советский писатель, 1986. 224 с.
6. Михаил Пришвин и русская культура XX века: сб. ст. по материала Пришвинских чтений. Тюмень: Вектор Бук, 1998. 189 с.
7. Подокшенов А. М. Михаил Пришвин и Николай Лосский // Человек. 2011. № 5. С. 143—156.
8. Подокшенов А. М. Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества. Белгород; Елец: БелГУ; ЕГУ им. И.А. Бунина 2009. 348 с.
9. Подокшенов А. М. Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века. Елец-Кострома: ЕГУ им. И. А. Бунина; КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. 334 с.
10. Пришвин и современность / сост. П. С. Выходцев. М.: Современник, 1978. 334 с.
11. Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин М. М. Кладовая солнца. Глаза земли. Корабельная чаша. Л.: Лениздат, 1978.
12. Пришвин М. М. Дорога к другу: дневники. Л.: Детская литература, 1978. 190 с.
13. Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. М.: Русская книга, 1999. 416 с.
14. Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927. М.: Русская книга, 2003. 544 с.
15. Пришвин М. М. Дневники. 1930—1931. СПб.: Росток, 2006. 704 с.
16. Пришвин М. М. Дневники. 1936—1937. СПб.: Росток, 2010. 992 с.
17. Пришвина В. Д. Искусство видеть мир. (От науки к искусству) // Пришвин и современность. М., 1978.
18. Пришвина В. Д. Круг жизни: очерки о М.М. Пришвине. М.: Художественная литература, 1981. 239 с.
19. Пришвина В. Д. Путь к слову. М.: Молодая гвардия, 1984. 262 с.
20. Семенова С. Г. «Сердечная мысль» Михаила Пришвина // Семенова С. Г. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М.: Советский писатель, 1989. С. 378—394.
21. Семенова С. Г. «Жизнь, пробивающая себе путь к вечности...» Михаил Пришвин — мыслитель // Человек. 2000. № 6. С. 134—147.
22. Смирнов Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.

УДК 130.3
ББК 87.153.3
DOI: 10.46726/Н.2020.3.11

И. И. Булычёв

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК РЕВОЛЮЦИЯ В СОЗНАНИИ

Предметом анализа являются алгоритмы — отличительная черта философского стиля мышления XXI столетия. Показано, что алгоритмы любой сферы человеческого сознания и мышления по своей сущности носят идеальный характер; при этом в них объективное содержание тесно переплетается с субъективным. Предложена система правил универсального логико-философского алгоритма: 1) поиск атрибутов, 2) выделение сторон основного движущего диалектического противоречия; 3) нахождение структуры и функций каждой фундаментальной мировоззренческой категории.

Ключевые слова: алгоритм, атрибуты, основное противоречие, структура и функции, материя и сознание.

I. I. Bulychev

THE HUMAN REVOLUTION AS THE REVOLUTION IN CONSCIOUSNESS

Algorithms as a distinctive feature of the philosophical thinking style of the XXI century are in focus of the author's attention. It is shown that the algorithms of any sphere of human consciousness and thinking are ideal constructs in their essence; while their objective content is closely intertwined with the subjective. A system of rules for the universal logical-philosophical algorithm is proposed: 1) search for attributes, 2) singling out the sides of the basic dialectical contradiction; 3) finding the structure and functions of each fundamental world-view category.

Key words: algorithm, attributes, basic contradiction, structure and functions, matter and consciousness.

История развития духовной культуры нового и новейшего времени свидетельствует о непосредственном воздействии характера научного мышления данной эпохи на стиль и особенности философского мышления. Сегодня все более насущной потребностью для дальнейшего развития фундаментальных научных и философских теорий становится методология, имеющая своей целью выделение их основополагающих алгоритмов (констант).

Под алгоритмом принято понимать точное и понятное предписание исполнителю совершить последовательность действий, направленных на решение поставленной задачи. Как известно, само слово «алгоритм» происходит от имени математика Аль Хорезми, сформулировавшего правила выполнения арифметических действий. Первоначально под алгоритмом понимали только правила выполнения арифметических действий над числами. В дальнейшем происходит расширение имплементации понятия, которое стали использовать вообще для обозначения последовательности действий, приводящих к решению любой поставленной задачи.

© Булычёв И. И., 2020

К основным свойствам алгоритма традиционно относят детерминированность, результативность, массовость, дискретность (ср.: [2, с. 19]). *Детерминированность* (определенность) предполагает получение однозначного результата вычислительного процесса при заданных исходных данных. Благодаря этому свойству процесс выполнения алгоритма приобретает механический характер. *Результативность* указывает на наличие таких исходных данных, для которых реализуемый по заданному алгоритму вычислительный процесс должен через конечное число шагов остановиться и выдать искомым результат. *Массовость* предполагает пригодность алгоритма для решения всех задач данного типа. *Дискретность* означает расчлененность определяемого алгоритмом вычислительного процесса на отдельные этапы, возможность выполнения которых исполнителем (компьютером) не вызывает сомнений.

Алгоритм относят к числу самых важных факторов в системе математического знания: одно из впечатляющих достижений математики XX века усматривают в формально строгом уточнении понятия алгоритма. Образовалась, кроме того, новая отрасль математической науки — теория алгоритмов. Вслед за математикой аналогичные идеи начинают овладевать умами ученых самых разных специальностей [2, с. 20—21]. В результате понятие алгоритма расширяется и интерпретируется как однозначная, инвариантная последовательность связей; в то же время она (совокупность связей) относительно пластична, ибо сохраняет достаточно широкую амплитуду колебаний от стандарта, стереотипа до гибкого порядка (см.: [10]).

Алгоритмы не могут не стать отличительной чертой философского стиля мышления XXI столетия, если оно не хочет оказаться на обочине развития мировой духовной культуры и превратиться из интегративного ее фактора в дезинтегративный. Очевидно также, что алгоритмизации поддается, в первую очередь, наиболее разработанный и систематизированный слой теоретического мировоззрения. Подлинный алгоритм требует нахождения объективных и абсолютных параметров в содержании философских принципов, законов и категорий, максимального преодоления мировоззренческого субъективизма и релятивизма. Безусловно, подобные максимы никогда полностью не осуществимы, но должны предельно приближаться к уровню абсолютных истин там, где излагаются ключевые схемы бытия. Каждая верно найденная алгоритмическая схема есть момент объективно-абсолютного знания, которое в этой части едва ли будет когда-либо полностью пересмотрено, но лишь развито в плане прирастания новых мировоззренческих «этажей».

Алгоритмы любой сферы человеческого сознания и мышления по своей сущности носят идеальный характер. При этом в них объективное содержание тесно переплетается с субъективным. Субъективность идеальных алгоритмов обуславливается, во-первых, их отражательным характером, который присущ сознанию и мышлению человека и общества. Здесь присутствует отражение реально существующих констант бытия. Помимо них складываются алгоритмы, имеющие теоретическое, исследовательское, образовательное, инструментальное значение. Последние могут оказаться как абсолютными истинами, так и заблуждениями. Типично теоретическим является разрабатываемый автором на протяжении последних 30 лет универсальный логико-философский алгоритм. С одной стороны, он является субъективным произведением человеческого ума; с другой — описывает некоторый вполне объективный срез реальности.

Специфическим характером обладают алгоритмы искусственного интеллекта (например, компьютерные программы). В данной связи встает вопрос: почему возможна алгоритмизация самых различных секторов духовной человеческой деятельности? Ответ: в силу того, что человеческое мышление во многом объективно и в нем наличествуют устойчивые (системные, логически согласованные, повторяющиеся) элементы. И чем больше подобных устойчивых параметров, тем проще данный сектор алгоритмизировать. И наоборот, хаотичность, внутренняя логическая противоречивость различных составляющих — серьезное препятствие в деле формализации данного сектора духовного творчества.

Возможность формализации решения интеллектуальных задач качественно возросла с появлением ЭВМ. Эта возможность обеспечивается свойством алгоритмической универсальности, которая означает, что на ЭВМ можно программно реализовывать (т. е. представить в виде машинной программы) любые алгоритмы преобразования информации (вычислительные алгоритмы, алгоритмы управления, поиска доказательства теорем или композиции мелодий). При этом имеется в виду, что процессы, порождаемые соответствующими алгоритмами, являются потенциально осуществимыми (в результате конечного числа элементарных операций). Практическая осуществимость алгоритмов зависит от имеющихся в нашем распоряжении средств, которые могут меняться с развитием техники. Так, в связи с появлением быстродействующих ЭВМ стали практически осуществимыми такие алгоритмы, которые ранее были осуществимы только потенциально.

Содержание алгоритмической универсальности имеет также характер прогноза на будущее: всякий раз, когда какое-либо предписание признается алгоритмом, то независимо от того, в какой форме и какими средствами данное предписание будет первоначально выражено, его можно задать также в виде машинной программы. Разумеется, вычислительные машины, а также роботы имеют определенные ограничения, за пределы которых они в принципе не способны выйти. Доказано существование таких типов задач, для которых невозможен единый эффективный алгоритм, решающий все задачи данного типа; следовательно, их решение с помощью вычислительных машин также невозможно. Данное обстоятельство способствует лучшему пониманию того, что могут и чего не могут делать машины. Утверждение об алгоритмической неразрешимости некоторого класса задач — это не просто признание того, что такой алгоритм нам не известен и никем еще не найден. Такое утверждение представляет собой одновременно и прогноз на все будущие времена о том, что подобного рода алгоритм нам не известен и никем не будет указан, иными словами, он попросту не существует.

Характеризуя различия между естественным и искусственным интеллектами, специалисты указывают на то, что мозг человека оперирует понятиями, суждениями и умозаключениями, имеющими диалектический характер, тогда как машина оперирует вычислениями по законам формальной логики. Интеллект субъекта связан с абстракциями, лишеными чувства наглядности, что отсутствует у ЭВМ. В работе человеческого мозга большое значение имеют бессознательная деятельность, интуиция, которые не могут быть формализованы и, следовательно, представлены в виде компьютерных программ.

Необходимо, далее, иметь в виду, что мозг — принципиально аналоговое устройство, а психика и сознание — органически целостные процессы. Здесь нет отделенных друг от друга частей. Компьютер же представляет

собой дискретно-цифровое устройство; и он лишь отчасти способен моделировать более сложную аналоговую деятельность. Техника и сознание (мышление) базируются на весьма различных типах взаимосвязей между их компонентами. Сознание и мышление человека есть диалектически противоречивое единство осознаваемого и неосознаваемого (бессознательного). Психика, сознание и мышление субъекта изначально включены в непрерывное и динамичное взаимодействие человека с миром, выступая неотъемлемой частью процесса непрерывного, постоянно изменяющегося и развивающегося взаимодействия. Отражая изменчивость условий жизни, психика и сознание функционируют непрерывно. Компьютер же работает с перерывами (его можно включить или выключить). Имеется несколько теорем, доказывающих ограниченность дискретных машин. Самая знаменитая из них — теорема Гёделя. Она показывает, что в замкнутой логической системе достаточной мощности обязательно найдется утверждение, которое нельзя ни доказать, ни опровергнуть, находясь в рамках этой системы» (см.: [2, с. 60]).

Каким образом требования алгоритма могут быть реализованы в сфере философского мышления? Универсальный логико-философский алгоритм предполагает неукоснительное выполнение трех обязательных правил: 1) поиск атрибутов, 2) выделение сторон основного движущего диалектического противоречия; 3) нахождение структуры и функций каждой фундаментальной мировоззренческой категории [5]. Схематически это выглядит так.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АЛГОРИТМ

1	2	3
Атрибуты	Стороны основного противоречия	Структура и ее функции

Указанные требования позволяют последовательно, концептуально и логически строго изложить важнейшие положения философской системы; они вполне достаточны для полновесного раскрытия содержания теоретического мировоззрения XXI столетия, а также представляют собой революционизирующий фактор его развития. Приведем два примера алгоритмизированного изложения основополагающих философских категорий — материи и человеческого сознания.

МАТЕРИЯ

1	2	3
Масса	Бесконечность	Неорганическая
Энергия	Конечность	Органическая
		Социально-организованная

Материя суть фактор реальности, отличающийся объективностью существования. Ранее автор к *атрибутам* материи по сложившейся традиции относил, прежде всего, пространство и время [5]. Однако дальнейшие исследования привели к выводу о необходимости изменения данного онтологического клише. К основным свойствам, или двум равноценным атрибутам, материи, по-видимому, следует отнести массу и энергию.

Следует заметить, что материализм последних ста лет превратил категорию материи в некоторое подобие теоретического бога. Только она и никакое другое понятие обладало всеми мыслимыми и немыслимыми атрибутами. Между тем к атрибутам невозможно отнести любые известные нам свойства и состояния материи, все то, что открыто, доказано и подтверждено наукой и практикой (например, наличие иерархии молекул, атомов и т. д.). Практика подобного «атрибутивного» подхода весьма наглядно продемонстрировала его бесперспективность. Категориальный смысл термина «атрибут» заключается в том, чтобы охарактеризовать не любые, а специфические свойства, присущие именно данной конкретной материальной или нематериальной системе.

Материи в целом присущи только два (не меньше и не больше) специфических атрибута — масса и энергия. Последние сами по себе не есть материя, а лишь способы ее бытия. Ни один материальный объект не может быть односторонне редуцирован только к массе или энергии. Обусловлено это тем, что рассматриваемые факторы бытия органически связаны как с материей в целом, так и с любым отдельным ее фрагментом, равно как и друг с другом. Общим признаком массы и энергии как взаимодополняющих атрибутов материи выступает признак объективности.

В *массе* принято усматривать одну из основных физических характеристик материи, которые определяют ее инертные и гравитационные свойства. Под массой подразумевают количество вещества, содержащегося в теле. Сопротивление тела изменению своего движения (инерция) называют инертной массой; физической единицей массы является инертная масса 1 см^3 воды, что составляет 1 г (грамм массы). Полагают, далее, что каждое тело обладает также тяжелой массой, которая количественно соответствует инертной массе и которая определяет явление гравитации [9, с. 258]. В классической механике масса равна отношению действующей на тело силы к вызываемому ею ускорению (II закон Ньютона) и в этом случае масса называется инертной; кроме того, полагают, что масса создает поле тяготения (гравитационная, или тяжелая, масса) [11, с. 693].

Энергию в период приблизительно от Галилея до середины XIX века рассматривали как физическое понятие, означавшее при определенных условиях произвести, ускорить, затормозить движение, изменить его направление или быть порожденной движением. В качестве атрибута материальных объектов подавляющее большинство ученых стало рассматривать энергию к концу XIX века [1]. Энергию обычно определяли «как способность материальных систем совершать работу при изменении своего состояния и непосредственно связываемое с законом сохранения энергии». Понимание работы как изменения формы движения, рассматриваемого с его количественной стороны [12, с. 64], позволяет трактовать энергию как «единую общую меру качественно различных форм движения материи, сохраняющуюся при их взаимопревращениях, т. е. при переходах от одного вида к другому» [1]. Такую интерпретацию данного понятия сделали возможной успехи физики начала XIX века, позволившие обнаружить взаимосвязь и взаимопревращение различных «сил» природы — тепловой, химической, электрической, магнитной и механической. В результате создаются предпосылки для формулирования и разработки закона сохранения и превращения энергии (Р. Майер, Дж. Джоуль и Г. Гельмгольц). При этом использовалась старая терминология и речь шла о сохранении «силы» [1]. Впрочем, до сих пор энергия нередко понимается как некоторая сила, которая вносит изменения на всех уровнях

бытия [7, с. 165, 204, 209, 274]. Как известно, взаимосвязь массы и энергии была установлена в качестве «закона» специальной теории относительности, однако пресловутый «закон» оказался весьма проблематичным, что «породило много философских споров о характере этой взаимосвязи» [1], а единодушия здесь не достигнуто и поныне.

Признак объективности в равной мере характеризует важнейшие свойства материи — массу и энергию. Нелишне заметить, что логика философского алгоритма (как и любой фундаментальной научной дисциплины) — вещь чрезвычайно строгая. Любая ошибка в вычленении отличительного, существенного признака выделяемого объекта влечет за собой утерю (хотя бы частичную) данной мировоззренческой теорией научного и адекватного характера.

Сторонами основного противоречия материи выступают бесконечность и конечность. Обе стороны имеют равный детерминирующий вес (значимость). Материя как некоторая целостность и каждый отдельный ее фрагмент представляют собой противоречивое единство бесконечности и конечности. Уточним, далее, философский смысл этих соотносительных категорий.

Бесконечность материи означает наличие неограниченного качественного многообразия ее структурных компонентов и их незамкнутый характер; количественную неисчерпаемость ее взаимосвязей и форм существования. Конечность обусловлена реальной отграниченностью каждого материального объекта. Она проявляется в первую очередь в дифференцированном характере основных структурных уровней материи: неорганического, органического и социально-организованного. В неорганическом мире конечной величиной обладают молекулы, атомы и их составные, с одной стороны, планеты, звезды или галактики — с другой. В обществе как относительно самостоятельные величины существуют прежде всего различные страны и государства.

Бесконечность не тождественна сумме конечных частей и представляет собой совершенно новое качество, не сводимое к конечным характеристикам. Категория бесконечности — типичное понятие-образ, для которого характерна, с одной стороны, опора на имеющиеся эмпирические и теоретические знания, с другой — постулирование некоторого абстрактного представления, не имеющего непосредственного представительства в окружающем нас мире. Бесконечность — как бы постоянно ускользающая сущность, ибо мир постоянно обновляется. Эмпирическое или теоретическое отображение бесконечности в сознании общественного субъекта в силу данного обстоятельства носит в каждый данный момент времени конечный и ограниченный характер. Вместе с тем это отражение, будучи процессом, который всегда находится в состоянии изменения, — бесконечно, ввиду неисчерпаемости отражения (познания). Бесконечность материи обусловлена ее неразрывной связью с движением, вследствие чего окружающий нас объективный мир постоянно выходит за свои собственные границы. Конечность материи связана с ее устойчивостью (покоем) и наличием абсолютных, фундаментальных свойств и состояний.

Любой фрагмент движущейся материи есть противоречие между конечностью и бесконечностью. Характерный пример такого противоречия — скорость света. Она конечна, так как имеет строго определенную величину и одновременно бесконечна, ибо материальное тело в формате привычной для нас реальности может приближаться к ней сколь угодно долго, никогда не достигая ее. Тело поэтому невозможно разогнать до скорости света. Недостижимость — отличительная черта бесконечности. Как бы ни был мал интервал между скоростью света и движущимся объектом, он принципиально непреодолим. Здесь мы имеем дело с непреодолимостью бесконечности [4, с. 39].

В научной и философской литературе продолжается полемика по вопросу о бесконечности или конечности нашей Вселенной. При этом представители философии нередко высказываются за ее бесконечность, а космологи, физики и астрономы приводят немало веских доводов в пользу ее конечности. Поскольку Вселенная является материальным образованием, постольку адекватное решение проблемы заключается в признании ее как некоторого единства бесконечного и конечного. Вселенная конечна, ибо в каждый данный момент значения массы и энергии все же не беспредельны, равно как и количество ее взаимосвязей, различных состояний материального субстрата. Так, сегодня в нашей Вселенной насчитывается 206 млн галактик, которые сохраняются практически вечно. Заполнять бесконечно сферу пространства невозможно. Чем дальше, тем меньше пространства остается для заполнения. Примерно через триллион лет к 206 млн галактик добавятся одна-две, но не более [6, с. 78].

В то же время Вселенная бесконечна в том смысле, что постоянно формирует все новые структурные образования. Фактором, который обуславливает относительный и преходящий характер конечного, выступает движение. Как справедливо отмечает А. М. Ковалёв, хотя вселенные и служат проявлением бесконечной природы, сами они отнюдь не бесконечны. «Одна Вселенная в системе бесконечной материи может сменить другую и т. д. Также и неисчерпаемость, бесконечность материи проявляется отнюдь не в том, что она состоит из бесконечных по величине материальных образований, а именно в том, что, включая в себя конечные объекты, она может порождать бесконечное количество своих проявлений, приходящих на смену друг другу. При этом новое образование не есть повторение или копия прежнего, а нечто иное в сравнении с прежним» [8, с. 153—154].

Бесконечность обнаруживает себя как неисчерпаемость материального мира и его познания, которое возможно лишь путем исследования конечного. Однако конечное стремится выйти за свои пределы, за рамки существующей меры, что приводит к качественному изменению самой конечности и превращению ее в собственную противоположность, т. е. в бесконечность. Последняя проявляется и существует в вечном самодвижении материи, превращении ее состояний. Здесь всякое количественное и всякое качественное изменение конечно, тогда как бесконечным оказывается единство количественных и качественных изменений, бесконечность их чередования [4, с. 257].

Парадоксы типа гравитационного или фотометрического не могут иметь место. Гравитационный парадокс Неймана (1877) и Зелигера (1899) заключается в том, что бесконечная масса звезд Вселенной должна создать на Земле бесконечно большую силу тяжести, чего в действительности нет. Фотометрический парадокс Шезо (1774) и Ольберса (1826) также исходит из признания бесконечного числа звезд. Если бы это было так, мы бы оказались окружены их стеной, и температура в этой звездной «духовке» должна быть звездной. В действительности наша Вселенная не имеет бесконечного числа звезд, будучи конечной по размерам. Конечное число звезд не противоречит бесконечности материального мира. Бесконечность не может проявляться в бесконечном числе однокачественных материальных объектов, а состоит в абсолютном существовании движущейся материи, проявляющей неограниченное множество конкретных форм бытия [4, с. 258, 262].

Компонентами (функциями) *структуры* материи являются неорганический (удельный вес в совокупной детерминации 50 %), органический (30 %)

и социально-организованный (20 %) ее виды. В свою очередь, каждый из основных структурных уровней обладает достаточно сложным строением.

Приведем, далее, алгоритмизированную схему категории человеческого сознания.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

1	2	3
Атрибуты	Стороны основного противоречия	Структура и ее функции
Язык	Осознаваемое	Сенсорное Семиотическое
Мышление	Несознаваемое	Семантическое

Отличительная особенность человеческого и отчасти биотического (животного) сознания — идеальность (нематериальность). Эту особенность мы вправе рассматривать как его (сознания данного уровня) сущность. Представление об идеальной (нематериальной, духовной) сущности человеческого сознания логически влечет за собой признание аналогичного характера и у его атрибутов — языка и мышления. Их детерминирующая значимость в системе человеческого сознания равновелика ($50 + 50 = 100\%$). Единство сознания, языка и мышления обусловлено их единой (идеальной) сущностью. Сознание людей существует не само по себе как бы «в чистом» виде, а через свои атрибуты — язык (речь) и мышление. Строго говоря, человек не обучается сознанию как таковому, он обучается языку, словам и логике языка этого нового паттерна усвоения действительности. Человек обучается новым условным названиям предметов, явлений и их логическому оперированию. Усвоение окружающего с помощью языка и мышления и есть современное понимание содержания человеческого сознания (см.: [12]).

Вместе с тем язык и мышление обладают по отношению к сознанию и друг другу известной самостоятельностью, которая вытекает из их атрибутивной специфики. Последняя заключается в том, что язык — более устойчивая сторона, мышление — процессуальная и более подвижная его (сознания) сторона. Мышление — это текучий, динамичный, изменчивый способ существования, нередко ломающий устоявшиеся привычные лексические значения.

Список литературы

1. Алексеев И. Энергия // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 563—564.
2. Алексеев А. Ю. Комплексный тест Тьюринга: философско-методологические и социокультурные аспекты. М.: ИИнтеЛЛ, 2013. 304 с.
3. Анисов А. М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М.: Наука, 1991. 152 с.
4. Бесконечность и Вселенная: сборник статей / ред. коллегия: В. В. Казютинский и др. М.: Мысль, 1969. 325 с.
5. Булычёв И. И. Основы философии, изложенные методом универсального логического алгоритма: учеб. пособие. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 1999. 289 с.
6. Булычёв И. И., Победоносцев С. Н. Космический стандарт человека. Иваново: ПресСто, 2016. 389 с.

7. Жульков М. В. Ноосферные энергии и глобальное сознание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 332 с.
8. Ковалёв А. М. Целостность и многообразие мира: Философские размышления. М.: [б. и.], 1996. Т. 1. 368 с.
9. Краткая философская энциклопедия / под ред. Е. Ф. Губского и др. М.: Прогресс-Энциклопедия, 1994. 576 с.
10. Лимаренко А. В. Законы организации и социальные алгоритмы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1989. 190 с.
11. Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А. П. Горкин. М.: Большая российская энциклопедия: Рипол Классик, 2000. 1455 с.
12. Райков В. Л. Общая теория сознания. М.: Синергия, 2000. 293 с.
13. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1975. 360 с.

УДК 130.3

ББК 87.152.42

DOI: 10.46726/Н.2020.3.12

А. В. Брагин

ФАЗОВЫЙ ОБЪЕМ ВОСПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ: ДЕТЕРМИНАНТЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ

Статья посвящена проблеме уточнения границ диапазона (фазового объема) и адекватности восприятия мира в динамике космо-социальной эволюции человека. Показано, что у человека объем восприятия реальности Мира обусловлен физиологической организацией и, в конечном счете, его местом в космосе и биосфере Земли. Акцент сделан на выявлении детерминант обуславливающих данный диапазон восприятия и средствах выражения доступной восприятию информации. Выявлено, что моделирование действительности становится все более абстрактным и четким, но менее конкретным, адекватным «предельной реальности» с ее размытыми формами.

Ключевые слова: восприятие, фазовый объем, детерминанты, эволюция, социальные средства выражения информации.

А. V. Bragin

PHASE VOLUME OF THE PERCEPTION TO REALITY: DETERMINANTS AND FACILITIES OF THE EXPRESSION

The article is devoted to problem of revision of the borders of the range (the phase volume) and adequacy of the perception of the world in speaker long disheveled locks of universe-social evolution of the man. It is shown that in man's perception volume is conditioned by the physiological organization as well as by its place in the cosmos and the Earth biosphere. The accent is made on discovery determinant conditioning given range of the perception and facility of the expression available perception to information. It is revealed that the modeling of reality becomes more abstract and clear, but less concrete, adequate to the «ultimate reality» with its blurred forms.

Key words: perception, phase volume, determinants, evolution, social facilities of the expression to information.

© Брагин А. В., 2020

Глобальный урок, преподнесённый наукой в прошлом столетии, состоит в том, что человеческий опыт зачастую является обманчивым проводником на пути к истинной природе реальности.

За поверхностью повседневной жизни лежит мир, который мы едва ли осознаём.

Б. Грин. Ткань космоса:
Пространство, время и текстура реальности

В настоящее время, в условиях информационного взрыва и поисков конструктивных путей дальнейшего существования Человека как разумного социального существа, создание адекватной модели человеческого восприятия мира приобретает особую актуальность и практическую значимость. Такая модель дает, в частности, надежду на выход из все более ясно осознаваемого цивилизационного тупика. От решения проблемы специфики человеческого восприятия мира и характера моделирования реальности сознанием зависит адекватность человеческих знаний о мире и соответствующих форм их выражения, успешность в достижении целей.

В решении указанной проблемы еще со времен Лейбница накоплен немалый опыт, получивший концентрированное выражение в трудах А. Бергсона [4; 5; см. также: 10]. Сегодня развитие этого багажа особенно заметно в исследованиях авторов, работающих на стыке эпистемологии, психологии, психолингвистики, семантики и социобиологии (см., напр.: [3; 7; 13; 16; 17; 19; 21]), в рамках квантовой теории и концепции Мультиверсума [1; 9; 14; 15; 22] и даже философско-религиозной мистики [2; 6; 8; 11]. Данное исследование специфики человеческого восприятия Мира навеяно работами, прежде всего, А. Бергсона, В. Налимова, С. Переслегина, П. Тиллиха, Р. Уилсона, Т. Лири.

Бергсон исходил из того, что «в неживой природе все воспринимает все», наличествует «неразборчивая тотальность восприятия, пассивная отданность воспринимаемому» [4, с. 174]. Мысль, как представляется, верная: неживая природа (косная материя) потенциально содержит в себе все возможные состояния (как точка суперпозиции в квантовой механике), причем это даже не «образы», а энергоинформационные матрицы — меональные «оригиналы». Философ отмечал: «Воспринимать все влияния, ото всех точек всех тел, значило бы опуститься до состояния материального предмета. Воспринимать сознательно — значит выбирать, и сознание состоит прежде всего в этом практическом различении» [5, с. 187]. Восприятие мира живыми существами обусловлено необходимостью их адаптации к среде, в которой они реализуют свои цели. Причем поскольку параметры среды могут различаться у разных существ (так же как и их внутренняя организация), то неизбежно и закономерно наличие границы их восприятия мира. Бергсон подчеркивал в этой связи, что «ножницы» восприятия «выкраивают из ткани природы» образы, следуя «пунктиру линий, определяющих возможный захват действия» [5, с. 148]. Степень развитости нервной системы и органов чувств детерминировано, прежде всего, целями их жизнедеятельности, поэтому границы восприятия среды весьма ограничены. Однако в процессе усложнения форм

жизни наблюдается совершенствование нервной системы и органов чувств, а вместе с тем и объема восприятия Мира.

У человека объем восприятия реальности Мира, конечно, тоже ограничен и обусловлен, прежде всего, его физиологической организацией, но и она в свою очередь обусловлена местом человека в космосе и биосфере Земли. Бергсон справедливо отмечал, что «восприятие — это только отбор. Оно ничего не создает: его роль, напротив, состоит в том, чтобы устранить из совокупности образов все те образы, на которые я не смогу воздействовать» [4, с. 303]. У человека эти образы составляют объем, который уже не сводится только к непосредственной среде обусловленной природной целесообразностью, он в пределе стремится охватить весь Мир (по крайней мере, его актуальность), выразив последний в образно-знаковой форме знания.

В процессе исторического развития человечество расширяет объем своих целей, а вместе с этим и фазовый объем своего восприятия мира. Заметим, что меняется и скорость восприятия, что во многом определяет воспринимаемое отдельным человеком, конкретной цивилизацией на конкретной стадии развития. В определенном состоянии, даже на уровне чувственного восприятия, видимо происходят прогрессивные изменения¹. И все-таки возможности как чувственного так и умозрительного восприятия ограничены как целями (их объемом и характером), так и средствами выражения — языком, системой средств выражения и коммуникации (ведь человек существо социальное). «Предельная реальность мира», о которой говорил П. Тиллих [20, с. 19], видимо континуальная по своей природе, для человека оказывается недоступной в силу дискретности его существования. Подхватывая эту идею Тиллиха, В. В. Налимов уточняет, что «небытие — предельная реальность Мира» [16, с. 91], имея в виду небытие как меон — возможность возможного.

Итак, целесообразная деятельность Человека задает коридор восприятия среды на уровне биологической структуры — организма, далее эволюционно совершенствуется — дополняясь уже не природными программами, а социальными, и соответственно, средствами выражения — перцепция, апперцепция (ощущения, целостные образы на уровне чувственного восприятия), понятие (на уровне умозрения) как материал моделирования действительности. Вторичные коды, находящие свое выражение в культуре, создают смысловой контекст. Его потеря и есть кризис культуры. Существенно, что сама культура «как видение Мира» задается нашим языком, на что справедливо указывал В. В. Налимов [16, с. 14].

С точки зрения В. В. Налимова культура представляет собой «глубинное коллективное сознание, уходящее своими корнями в необозримо далекое прошлое», она «образует размытую мозаику представлений, над которыми задана функция распределения вероятностей. Это взгляд на культуру в целом с позиций некоего нейтрального (гипотетического) метанаблюдателя. Реально существующие люди обладают своими индивидуальными, т. е. вероятностно заданными фильтрами пропускания. Прохождение коллективного сознания через индивидуальный фильтр порождает персональное, опять-таки вероятностно заданное, восприятие культуры» [16, с. 20]. Причем, «каждая из ранее

---

¹ *Примечание:* есть даже мнение, что древние народы, например, египтяне не различали синего и зеленого цветов, по крайней мере для их обозначения применялся один иероглиф.

существующих культур вырезала из всего спектра сознания человека лишь узкую полосу, придавая тем самым четкую направленность человеческой деятельности и экономно используя ее ресурсы» [16, с. 27]. Заметим здесь, что в моменты кризисов возможен синтез культур.

И. Регарди, анализируя гипотезу Уилсона о возможностях человеческого мозга, справедливо отмечает, что «быть может, он способен расшифровывать волновые послания из других измерений, из сфер "света" и существующей здесь и сейчас осмысленной неограниченной реальности. Речь идет о реальности, которая находится за пределами наших существующих узких туннелей реальности, состоящих из наших косных восприятий и концептуализации пространства и времени» [21, с. 21—22]. Возможно, что так! Но почему, имея такие способности, человечество загоняет себя в «узкие тоннели реальности»? Думается, ответ на этот вопрос четко сформулировал Т. Лири. В своей книге «История будущего» он пишет: «В основе личиночных цивилизаций лежит рассчитанное невежество в отношении будущего. Четырехконтурная личность не желает ничего знать о будущем, так как это угрожает устойчивости импринта реальности. Четырехконтурные общества не желают ничего знать о настоящем, так как это знание ослабило бы слепое стремление к организованной неопределенности» [12, с. 43]. Действительно, все происходит по общему для Мира принципу наименьшего действия Мопертюи: страх перед окружающей бесконечностью, стремление сэкономить силы и нервы, ограниченность ресурсов и инструментария обуславливают и ограниченность восприятия. Оно и не может не быть ограниченным, вопрос лишь в степени адекватности выражения в соотнесенности с целью. Причем, формула «наиболее адекватно» проблематична, т. к. *адекватность* есть вопрос конкретики, у него нет абсолютного решения.

Интересны и показательны процессы эволюции знаковых средств передачи информации в истории современного человечества, шедшие под влиянием эволюции целей, — от образно-пиктографических к иероглифическим и руническим и далее к буквенно-цифровым, т. е. от аналогового характера передачи информации (континуального, качественного) к цифровому (дискретному, количественному). На этом пути были выигрыши — упрощение приемки-передачи и дешифрации за счет абстрагирования и схематизации, но и потери в передаче качественных характеристик информации, конкретности и, следовательно, большей адекватности. Моделирование действительности становится все более абстрактным и четким, но менее конкретным, адекватным «предельной реальности» с ее размытыми формами. К чему это может привести? Информации все больше, а информативность и ценность ее уменьшаются. К тому же, как справедливо указывал В. В. Налимов, давление культуры, порожденной в определенных локальных условиях, на все народы, не подготовленные к ее восприятию, порождают неустойчивость психики и вытекающий отсюда экстремизм, попытки спрятаться в своей национальности (ментальности) (см.: [16, с. 21]). Чтобы выжить в условиях информационной перегрузки, необходима перестройка структуры и характера накопления и передачи информации через нахождение и внедрение эйдосных форм коммуникации.

Сходные с Т. Лири идеи по поводу эволюции человеческого восприятия высказывает и С. Переслегин в своей книге «Трудно быть взрослыми». Он пишет: «Запад исходит из следующей крупномасштабной структуры исторического процесса: *Инфрачеловечество, младенчество Разума* (курсив

наш. — А. Б.). В этой фазе уже появился разум, т. е., атрибутивные признаки общества: управление, познание и образование, но информационное пространство еще бесструктурно. Отсутствуют как статические информобъекты — големы, левиафаны и пр., так и динамические сюжеты, “Вавилонская башня” единой системы смыслов еще не обрушилась: вид Ното остается информационно единым и описывается примитивной системой, фазовые переходы отсутствуют. *Человечество, детство и юность Разума* (курсив наш. — А. Б.). Эта стадия включает в себя всю, собственно, историю — в том числе и классические сверхцивилизации Ефремова — Хайнлайна — Стругацких. Система, описывающая “человечество”, аналитична, информационное пространство заполнено высокоорганизованными структурами. Видовые “тоннели Реальности” расщеплены, что появляется, в частности, в существовании Типов Информационного Метаболизма. Наконец, *Ультрацивилизация, время Зрелого Разума* (курсив наш. — А. Б.), открывающее историю не-человечества. В этой фазе социум приобретает свойства хаотической или, во всяком случае, предхаотической системы, информационное пространство смыкается с объектным (виртуальная революция), начинается индуктивная “сапиентизация” природы, Кайнозой сменяется Ноозоем, что подразумевает распространение био- и ноосферы на космическое пространство. Таким образом, текущая Реальность может быть охарактеризована, как начало одного из наиболее фундаментальных фазовых переходов в истории. Человечество становится взрослым» [17, с. 760].

Поскольку человек как существо разумное ищет везде «ясность, порядок, гармонию...», то и «Мир выступает перед нами как текст. Через доступные нашему сознанию тексты взаимодействуем мы с Миром. Единство Мира находит свое выражение в языке, связывающем все индивидуальные проявления жизни в целое. Отсюда и искушение — описать единой моделью как эволюцию текстов нашей культуры, так и эволюцию текстов биосферы» [16, с. 39]. Но, действительно, эволюционирует не текст, а фильтр (см.: [16, с. 41]). В отношении же самого текста подчеркнем, что он, по справедливому замечанию В. В. Налимова имеет две ипостаси — дискретную (семиотическую) и континуальную (семантическую) (см.: [16, с. 43]). И, если Мир воспринимается нами как текст, то «время — это только грамматика этого текста» [16, с. 78]. И «грамматика текста» будет меняться с изменениями «фильтра», ведь в процессе общения человек сам порождает слова, символы, образы (дискреты, по Налимову), испуская и поглощая кванты семантического поля (см.: [16, с. 93]).

Завершим наши размышления тезисом А. А. Петрушенко: «Между сохранением, оптимальностью и целесообразностью существует некая внутренняя связь, которая на уровне сохранения обеспечивается флуктуациями и инерцией, на уровне оптимальности — симметрией и принципом наименьшего действия, а на уровне целесообразности — компенсацией и принципом обратной связи» [18, с. 152]. Касается это положение и проблемы фазового объема человеческого восприятия, его детерминант и средств выражения, которые должны находиться во взаимной координации и соответствии в процессе изменений системы, обеспечивая ее гомеостазис. Необходимо иметь в виду и то, что вектор эволюции человеческого восприятия имеет меональную направленность и в своем пределе совпадает с наличествующим в неживой природе (а это нуждается в дополнительном осмыслении).

Список литературы

1. *Акимов А. Е., Бинги В. Н.* О физике и психофизике // Сознание и физический мир. М.: Агентство «Яхтсмен», 1995. Вып. 1. С. 104—125.
2. *Андреев Д.* Роза Мира. М.: Иной мир, 1982. 287 с.
3. *Бейтсон Г.* Экология разума: избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
4. *Бергсон А.* Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 157—327.
5. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. 194 с.
6. *Вейник А. И* Термодинамика реальных процессов. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 576 с.
7. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.
8. *Гроф С.* Космическая игра. Исследование рубежей человеческого сознания. М.: АСТ, 1997. 256 с.
9. *Дойч Д.* Структура реальности. М.: Регулярная и хаотическая динамика, 2001. 179 с.
10. *Князева Е.* Проблема восприятия: А. Бергсон и современная когнитивная наука // Логос. 2009. № 3 (71). С. 173—184.
11. *Лайтман М.* Каббала или квантовая физика. М.: АСТ: Астрель, 2008. 243 с.
12. *Лири Т.* История будущего. М.: Janus Books, 2000. 50 с.
13. *Лири Т.* Семь языков бога. Киев: Янус; М.: Пересвет, 2001. 224 с.
14. *Матурана У. Р., Варела Ф. Х.* Дерево познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 69 с.
15. *Менский М. Б.* Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания — из квантовой реальности). Фрязино: Век 2, 2011. 320 с.
16. *Налимов В. В., Дрогалкина Ж. А.* Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М: Мир идей; Акрон, 1995. 432 с.
17. *Переслегин С. Б.* Странные взрослые (Опыт социомеханического исследования фантастических романов И. Ефремова) // Ефремов И. А. Туманность Андромеды; Час быка. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 733—763.
18. *Петрушенко Л. А.* Самодвижение материи в свете кибернетики. Философский очерк взаимосвязи организации и дезорганизации в природе. М.: Наука, 1971. 292 с.
19. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
20. *Тиллих П.* Мужество быть / Тиллих П. Избранное. М.: Юрист, 1995. С. 7—131.
21. *Уилсон Р. А.* Психология эволюции. М.: София, 2006. 304 с.
22. *Чернуха В. В.* Поляризационная теория Мироздания. М.: Атомэнергоиздат, 2008. 658 с.

УДК 130.3
ББК 60.028.13
DOI: 10.46726/H.2020.3.13

А. С. Тимощук, Н. Н. Трофимова

МЕДИАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Особое место в ноосфере занимает медиадиагноз — совокупность комплексных взаимосвязанных процессов информатизации, дигитализации, индивидуации и глобализации социального знания. Медиакратия претендует на статус пятой власти, продолжая и усиливая, ставшую традиционным влиянием СМИ. Технология, социетальность и индивидуация генерируют синергетический эффект медийности. Информатизация и медиатизация — это два взаимосвязанных процесса внедрения телекоммуникационной среды и опосредования социальных интеракций через информационные ресурсы. Эти социотехнические тренды актуализируют как объект-ориентированные вопросы медиасреды, медиасобытия, медиаполитики, медиапотребления, так и субъект-нацеленные практики медиаобразования, медиаграмотности, медиакомпетентности, медиакритики, медиаактивности.

Ключевые слова: ноосфера, медиадиагноз, общественный интеллект, медиатизация.

A. S. Timoschuk, N. N. Trofimova

MEDIATIZATION OF PUBLIC INTELLIGENCE

Mediagnosis occupies a special place in the noosphere. It is a set of complex interrelated processes of informatization, digitalization, individuation and globalization of social knowledge. Mediacracy claims the status of the fifth power, continuing and strengthening the traditional influence of the press. Technology, societality and individuation generate a synergistic effect of media. Informatization and mediatization are two interrelated processes of introducing a telecommunication environment and mediating social interactions through information resources. These sociotechnical trends actualize both object-oriented issues of the media environment, media events, media policies, media consumption, and the subject of targeted practices of media education, media literacy, media competence, media criticism, media activity.

Key words: noosphere, mediagnosis, social intelligence, mediatization.

Текущая современность в отличие от модерна и классики, как твёрдых, устойчивых культур, складывается из индивидуации, калейдоскопического мышления, прозрачности тела и сознания через дигитализацию, насыщенности информацией. Индивидуация становится лично-общественной проективностью и сопровождается секулярным пересмотром классических констант: религия, пол, семья. Формирование институтов гражданского общества сопровождается пролиферирующей индивидуацией, процессом ценностно-смыслового расслоения, эксфолиацией плана возможностей, доминантой полифуркации над бифуркацией. Индивидуация — это нелинейная антропология. Она означает становление номадических интесубъективных субъектов, которые находят себя в ситуациях выбора жизненных габитусов, рассыпающихся

© Тимощук А. С., Трофимова Н. Н., 2020

в следующее мгновение. Взаимодействие жизненных миров приводит к умножению автономных смысловых горизонтов. Эти умелы суть сложные конструкции, опосредованные современными медиа и ключевыми фигурами нарративизации медиасреды. Противостояние культуре цифрового слабоумия и флуктуации в медиа коктейле хипстеров и сетевых бумеров, лавирование в потоках хайпа — непростая задача для современного школьника, бакалавра, магистра, аспиранта. Ведь преподаватели часто проигрывают спикерам Ютуба.

Растущая роль медиа актуализировала такие социальные понятия и аттракторы как событийность, включённость, информационный повод, доступность, открытость, скорость распространения информации, которые стали социокультурными векторами общества, а также рычагами экономики. Формирование медиакомпетентности состоит из многих задач: технической оснащённости, специальных SMM умений (продвижения товаров и услуг в социальной медиа среде), знания терминологии, управления коммуникациями, контент-менеджмента, работы с разными интерфейсами, владения навыками медиа анализа, реализации ключевых показателей (KPI). Одним из важных компонентов медиакомпетентности выступает медиа этика, нравственный кодекс всех участников коммуникативной среды, где есть не только свобода подключения и распространения, но и свобода отключения и нераспространения; защита безопасности, деловой репутации, конфиденциальности.

Коммуникативно-культурная память в эпоху цифровизации диверсифицируется, распадается на разные аналоговые и цифровые потоки. Журналистская деятельность репрезентирует и снимает антиномии глобального информационного общества: она эксплуатируется в мемориальных войнах, выступает конвергентной силой социальной памяти, устанавливает коммуникацию между властью и обществом, транслирует миноритарные и мажоритарные горизонтальной и вертикальной России [2].

Медиатизация и информатизация позволяют детализировать малое, углубляться в частное, драматизировать конкретное. Мы всё больше знаем о меньшем и всё меньше знаем о сущности и первоначале. Как сделать самое главное самым главным в своей жизни? Эпоха скорости даёт простой ответ: деконструкция отношений центр — периферия, мужское — женское, сакральное — профанное, истина — ложь, норма — девиация. Провокация и манипуляция — таковы законы жанра обольщения технологией [4].

Вся наша жизнь сегодня вписана в цивилизационный темп догоняющей модернизации. Медийность, информационный бум, интернет вещей и скорость оказывают сильное, порой гипертрофированное воздействие на сознание и поведение социума. Планетарный уровень интеграции экономики, политики, религии, морали, права, образования, науки и социальных практик — это концепция ноосферизма Вернадского — Субетто, где имеет место конвергенция индивидуальных и коллективных жизненных миров. Политические институты в условиях в информационном обществе претерпевают существенные трансформации благодаря медиатизации, скорости распространения информации, массовости участников [3].

Политическая коммуникация сегодня должна учитывать растущую централизацию и обратную связь граждан. Ведь санкции США и Евросоюза против администрации и крупных финансистов — это удар по всей России, по всем коллективам, которыми руководят субъекты санирования. Западная благосостояния и потребительского самосознания в том, что граждане хотят постоянно большего и, напротив, не хотят нести коллективные расходы

за индивидуальные ошибки политиков, оплачивать санкции против высокопоставленных чиновников.

Информационные ресурсы сегодня имеют не менее важное значение, чем экономические и рычаги. Дальнейшее выживание и самобытное развитие России зависит от оснащённости и готовности к активному противостоянию в глобальной информационной войне, где средства поражения и цели не имеют привычного физического ущерба. Главные оппоненты России в информационной войне — Великобритания и США, а также их сателлиты: Польша, Грузия, Украина, прибалтийские страны. Ключевые игроки выделяют на воплощение антироссийских редакционных заданий миллиарды долларов. При этом основной мишенью является В. В. Путин, как успешный лидер государства. В качестве боеприпасов используются инфоповоды — Крым, Донбасс, Катастрофа Boeing 777 в Донецкой области и т. п. [1].

Политолог А. И. Фурсов обозначает гносеологическую ситуацию информационного противостояния термином «постправда»: «...когда для обвинения не нужны доказательства, для доказательств — аргументы. “Постправда” — это право сильного, т. е. контролирующего власть, деньги и информацию, объявлять “черное” “белым” — и наоборот, без всяких доказательств вынося приговоры негодным (см.: “малайзийский боинг”, “отравление Скрипалей”, “химатака в Сирии”, “вмешательство РФ в американские выборы”, дело ВАДА и т. п.). Постправда — это один из способов ведения информационной войны в условиях монополии на глобальные СМИ» [5, с. 27].

Журналистика в информационной войне — это войска особого назначения. Они отвечают за то, что мы знаем о России и мире, поскольку живём в особой познавательной ситуации, когда пользуемся, главным образом, информацией, которую не можем проверить. Разные редакционные задания представляют собой различные политики памяти, которые ведут в поле дискурса отечественные и зарубежные СМИ, провластные и оппозиционные, федеральные и региональные.

Фактор глобализации выступает буфером обмена разных автопоэтических социальных образований, плавильным тиглем микротрадиций. Автопоэзисы традиций — это подвижные коммуникативные среды. Локальные автопоэтические микротрадиции являются социальными ячейками, обладающими способностью к самоконституированию социальной памяти. Наследование ценностно-смысловых стратегий поведения происходит в малых группах. Медиа диверсифицируются и уже не могут быть единственным генератором коммеморативного потока. Кратковременный эффект массовой коллективной памяти можно было ощутить в позднем СССР, когда транслировалась целостная идеологическая картинка. В условиях диверсификации каналов доступа к информации, единая коллективная память становятся такой же кажимостью как воображаемые сообщества социолога Б. Андерсона.

Философия информационного общества представляет социальное бытие как конфигурацию жизненных миров (Umwelt), которые задают смысловые горизонты нашего познания. Взаимодействие жизненных миров приводит к умножению смысловых горизонтов. Континуальность традиции обеспечивается уже не воспроизведением, а творчеством на границах разных умвельтов. Смысловая целостность становится мимолётным явлением, свершающимся здесь и сейчас, в рамках конкретного индивидуализированного умвельта.

Большие нарративы обнаруживают свою неконкурентноспособность в условиях пролиферирующей индивидуации. Индивидуация — это процесс

ценностно-смыслового расслоения, эксфолиации плана возможностей, доминанты полифуркации над бифуркацией. Индивидуация — это нелинейная антропология. Она означает становление номадического коллективного субъекта, который обнаруживает себя в молниеносных ситуациях одномоментного выбора одинаковых габитусов, рассыпающихся в следующее мгновение. Индивидуация считается продуктом из европейского супермаркета, однако ее объективные причины располагаются в системогенетике глобальной культурной неоднородности.

В этой ситуации интегрирующую нагрузку в информационном обществе несут именно медиа, поддерживающие социальную целостность. Субъект, находящийся среди самоорганизующихся смысловых религиозных систем, обращается к их смысловым горизонтам как к средству фокусировки своей идентичности. Однако для коллективного выживания необходимо секуляризованное пространство медиа.

Герменевтика культуры объясняет взаимоотношения между человеком и медийными мирами. Социокультурный мир здесь представляется как символические структуры разных порядков, которые имеют разные смыслы, ценности, нормы, знания, установки и пр.

Интересным методом познания национального в глобальном является дискурсивный анализ (П. Бурдьё, Ван Дейк, Ю. Хабермас), который представляет собой решение противостояния объяснение / понимание, господствующие / маргинальные артикуляции, явная / неявная репрезентация в культуре. До сих пор мы имели либо объясняющие стратегии культуры (К. Маркс, О. Шпенглер, З. Фрейд, А. Моль, П. А. Сорокин и др.), либо понимающие (Г. Риккерт, М. Вебер, Г. Зиммель, А. Шюц, Ю. М. Лотман). Дискурсивный анализ — это стратегия, которая учитывает как процессуальное конструирование моментов культуры, так и субстантивирование её в виде культурных артефактов. Культура представляет собой одновременно и процесс воспроизведения человеческого, так и онтологизацию человеческого в предметах.

Малые группы артикулируют свои локальные нарративы в блогах и форумах, чатах и рассылках, что представляет собой новый феномен — непрофессиональную журналистику. Во след за четвёртой властью приходит эпоха пятой власти, диктатуры блоггеров, которые усиливают эффект медийности.

Понятие дискурса как коммеморативного потока сегодня неразделимо от понятия медиа, под которым следует понимать всю совокупность средств передачи социально значимой информации. Особое место среди всех медиа в информационном обществе закрепляется за СМИ. Считается, это именно этот организационно-технический комплекс отвечает за публичное конструирование идентичности, формирование мировоззрения, ценностную ориентацию. В аграрном обществе целостность социальных групп поддерживала религия, в индустриальном репрезентантом массы были заводы. Постиндустриальное общество диверсифицировано, разнородно, поликультурно. Медиа сложно оставаться массовой в условиях многоканальности распространения информации. Даже если все основные СМИ будут контролироваться через медиа холдинги, остаются лидеры мнений, которые пишут в ЖЖ, ВК, Твиттер. В 2014 г. была предпринята законодательная попытка контролировать крупных блоггеров-трёхтысячников, однако после 276-ФЗ в 2017 г. Роскомнадзор прекратил вести реестр блоггеров по причине неэффективности их учёта и контроля. Это не остановило депутатов, которые в 2019 г. разработали закон об административной ответственности за публикацию искажающих факты

новостей (фейках) и оскорблении власти. Вероятно, вторая часть названия лучше проясняет цель законодательной инициативы, которая не коснётся ресурсов, зарабатывающих популярность на распространении городской мифологии, лженаучной информации, конспирологических версий.

Журналисты осуществляют медиатизацию лингвоцинизма чиновников, что оказывает воспитательное воздействие на государственное управление через обратную связь граждан. Интернет мемы, комментарии, цитирование — это те процедуры, которые не позволяют забыть неосторожным высказываниям: «Государство не просило ваших родителей рожать», «можно и на 3 тысячи жить, только похудеете на макаронках», «денег нет, но вы держитесь», «женщинам после 30 деньги не нужны», «пенсию восемь тыс. рублей получают тунеядцы и алкаши, малоимущие сами виноваты в своем положении». Раньше такая правда-матка осталось бы только в личной памяти объекта воздействия, но не сегодня, когда благодаря СМИ нетактичные фразы становятся общественным достоянием, они разбираются на подписи к демомотиваторам и фотожабам, участвуют в общественном стимулировании профессионализма госслужащих.

Срастание политической и воровской элиты — кардинальная угроза путинской тимократии. Архетип Арашуковых — один из самых ярких медийных образов, вызвавший волну недовольства и гневных комментариев: «Они там все повязаны», «Убийца в сенате, вор в Газпроме», «в каком государстве живем! Без команды сверху, правоохранительная и судебная системы не работают. Все ждут команды, повелительного взмаха руки», «Все больше и больше понимаю Сталина». Пользователи в сети недоумевают, почему такая могущественная организация как Газпром, имеющая свою службу безопасности, закрывает глаза на клановость назначений и судимость кандидатов? Арашуков Р. Т. имел две уголовные судимости и это не помешало ему долгое время возглавлять «Газпром межрегионгаз Ставрополь»; он устроил многочисленных родственников на посты в других отделениях Газпрома?

Есть этический кодекс, каким должен быть государственный служащий, из преступных кланов нельзя формировать управленческую элиту. Это должны быть люди с безупречной репутацией. Существуют положения о наборе, Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации», все необходимые фильтры, которые должны проверять и отклонять соискателей с уголовными и административными делами, скрывающих доходы, имеющих поддельные дипломы.

В контексте вышесказанного, цифровая экономика действительно нужна России, что сделать прозрачными доходы и расходы высокопоставленных должностных лиц, чтобы сразу было видно, чем владеет субъект общественных отношений, каким движимым и недвижимым имуществом, какие доходы и расходы. Ведь популяризация криптовалют сегодня, — это один из шансов избежать государственного контроля за доходами, сбережениями, расходами, операциями.

В государственном управлении не могут находиться морально разложившиеся люди и способом их выявления всё чаще становятся журналистские расследования, а также совокупность информации, которую оставляет о себе публичный человек в сети. Интернет, словно поле знаков, хранит следы социальных обменов: фото, контакты, встречи, события из жизни, заявления, предпочтения. Журналистика и социальные сети осуществляют сегодня

медиатизацию социального тела публичного лица, храня во времени его образы и интеракции.

Помимо коммеморативной функции, есть и другие эффективные способы воздействия Сети на политическую жизнь общества, например, интеграционная и манипулятивная. Социальные коммуникации актуализируют политику, она становится информационным поводом. Не случайно, правда-матка чиновников конвертируется в новостные события: «денег нет, но вы держитесь», «пожить на макаронках хорошо для диеты», «государство не просило вас рожать». Неосторожные искренние высказывания становятся Интернет-мемами и расходятся как вирусная антиреклама и демотиваторы. Неожиданные фразы вызывают резонанс, который порой возвращается обратно и приводит к увольнению неосторожных государственных служащих. Конечно, имеет место сетевой креатив, фразы подвергаются склейке, рифремингу и растиражированность опережает возможность проверить подлинность. И здесь не всегда дело в происках иностранных агентов. Народ, как субъект политики, очень восприимчив к цинизму и воспринимает самую суть, послание, которое благодаря Сети становится символом персонажа в коллективной памяти. Это эффект разрыва коммуникации, когда видоизменённое послание начинает отражать массовое восприятие образа политика.

Иные способы влияния Сети на политическое сознание: трансляция пресс-конференций, голосование, информационные рассылки, размещение заявлений, обсуждение и комментирование, подача запросов через официальные сайты, координирование совместных акций, участие в опросах, использование мессенджеров как средства обмена оперативной информацией, распространение публикаций лидеров мнений, сбор подписей, проведение сетевых расследований.

Сеть — великий посредник между политикой и народом, её воздействие можно описать с помощью синергетического «эффекта бабочки», когда сумма малых интеракций оказывает большое и непредсказуемое влияние на политику. Так, изнасилование дознавательницы коллегами в Уфе и медиатизация событий в Сети, стала причиной того, что тема открытого недопустимости харассмента стала активно обсуждаться в России, больше заявлений стало поступать в правоохранительные органы с жалобой на сексуальное домогательство. Некорректные высказывания некоторых чиновников стали причиной их увольнения из-за обсуждения в сети и негативного отношения к власти. Вброс «Банда Цапков обедает деликатесами в тюрьме» привела к проверке Прокуратуры, а ряд должностных лиц в УФСИН по Амурской области уволен, либо привлечен к дисциплинарной ответственности.

Самые последние значительные социальные акции в России, это экологическая борьба в Урдоме Архангельской области против строительства мусорного полигона на станции Шиес и протест в Екатеринбурге против строительства храма в городском сквере, были координированы через социальные сети и пополняют репертуар медиатизированного гражданского сопротивления.

В мировой медиа среде, эффектом бабочки объяснялся приход к власти Б. Обамы, заручившегося поддержкой не крупных финансистов, а crowd funding, когда простые пользователи перечисляли сколько кому не жалко на выборную кампанию кандидата-демократа, обещавшего социальные блага.

Новые инструменты коммуникации продвигают не только бренды и товары, но политическую культуру, которая сегодня как никогда становится подотчётной народу и должна включать не только высокий IQ, но также

эмоциональный (EQ) и моральный (MQ) индексы соответствия. Истории об аморальном поведении публичных лиц и организаций быстро попадают в Сеть и вызывают эффект бабочки в виде критики, стигматизации, протестного поведения, акций бойкота, механизма осуждения «не выбирай рублём». Скандалы наносят непоправимый удар по имиджу. Тот же клан Арашуковых сразу понял масштаб происходящего, — «испачкали имя», «поливают грязью». Интернет распространяет информацию глобально и мгновенно. Потушить огонь возмущения граждан нельзя точечной фабрикацией новостей, это быстро замечают и разжигают событие до непоправимых масштабов. Сеть принимает только долгосрочные действия и честность. Никакие спланированные мероприятия в рамках SMM не помогут утаить социально значимую информацию.

Коммуникативно-культурная память в эпоху цифровизации диверсифицируется, распадается на разные аналоговые и цифровые потоки. Журналистская деятельность репрезентирует и снимает антиномии глобального информационного общества: она эксплуатируется в мемориальных войнах, выступает конвергентной силой социальной памяти, устанавливает коммуникацию между властью и обществом, транслирует миноритарные и мажоритарные горизонтальной и вертикальной России.

Список литературы

1. *Мещерякова В. Г.* Новый виток информационной войны во время выборов президента России 2018 // Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития: сб. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию юбилею УГНТУ / под общ. ред. проф. Э. С. Гареева. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2018. С. 303—306.
2. *Тимощук А. С.* Клиповое мышление как феномен социотехнической среды // Актуальные проблемы развития экономики в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 13 декабря 2018 г. / отв. ред. И. Л. Сурат. М.: Изд-во СГУ, 2018. С. 462—474.
3. *Тимощук А. С.* Этносоциальная память и идентичность традиционной культуры // Inter-Cultur@1-Net: международный научно-практический журнал. 2009. № 8. С. 20—23.
4. *Тимощук А. С.* Русский логос и модернизация: горизонты осмысления // Русский логос: горизонты осмысления: материалы Международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25—28 сентября 2017 г.: в 2 т. СПб.: «Интерсоцис», Изд. РХГА, 2017. Т. 1. С. 477—481.
5. *Фурсов А. И.* Капитализм, будущее мира и планы закрытых наднациональных структур глобалистов (на примере проблематики обсуждения на туринской встрече бильдербергского клуба 7—10 июня 2018 г.) // Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации: доклады и материалы Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. С. 14—32.

УДК 130.3

ББК 87.153.3

DOI: 10.46726/И.2020.3.14

О. Б. Куликова

МНОГОМЕРНОСТЬ СОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЕГО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Исследуется проблема построения интегральной концепции сознания, многомерность которого обусловила многовариантность и, как следствие, фрагментарность его философских трактовок. В этом плане признается эвристичность концепций, разработанных представителями антропологической школы. Обоснована продуктивность идеи природной неопределенности человека, которая позволяет понимать сознание как способ самопостроения человека.

Ключевые слова: сознание, целостность сознания, интенциональность, антропологический подход, надприродность сознания, природная недостаточность человека, сознание как способ самопостроения человека.

О. В. Kulikova

MULTIDIMENSIONALITY OF CONSCIOUSNESS AND THE PROBLEM OF ITS CONCEPTUALIZATION

It is investigated the problem of the construction of the integral concept of the consciousness, whose multidimensionality caused multivariance and, as a result, the fragmentariness of its philosophical interpretations. In this regard recognized heuristic concepts are, developed by representatives of anthropological school. It is substantiated the productivity of the idea of natural uncertainty of man, which allows to represent consciousness as a way of self-building of man.

Key words: consciousness, integrity of consciousness, intentionality, anthropological approach, supernaturality of consciousness, natural insufficiency of man, consciousness as a way of self-building a man.

Обращение к проблемам сознания как специфической психической инстанции, носителем которой является человек, становится центром философских исследований в эпоху Нового времени. Их авторы, безусловно, не могли не опираться на философские традиции прошлого. Одновременно эти проблемы стали и предметом внимания науки XVII—XVIII веков (естествознания — и физики, в особенности), благодаря чему впоследствии усилилась тенденция к психолого-физикалистскому «препарированию» определяющего атрибута человека.

Союз философии и естествознания, а позже и социально-гуманитарного знания, позволил обнаружить в феномене сознания весьма многообразные и противоречивые свойства, что если и не привело окончательно к состоянию тупика в стремлениях понять его как целостность или определить его сущность, то свидетельствовало о бесчисленности вариантов построения его модели. Подходы множились, а проблемы сознания часто размывались в сферах смежных исследований. Концептуализация сознания через «монтирование» его из «деталей»

(функций, свойств, элементов, актов, способностей, включая отклонения) неизменно приводила и приводит к выводам о его парадоксальности¹.

Несомненную значимость имеет опыт осмысления сознания в рамках феноменологии как варианта антинатурализма (антифизикализма), как попытки обнаружить явленность сознания в «чистых» смыслах. Этот подход вывел на новые перспективы: одно из центральных мест заняла проблема соотношения субъективного и интер-субъективного в сознании. Но особенное значение имело гуссерлевское положение об интенциональности сознания, которое позже стало ключевым для различных философских школ.

Само понятие интенциональности трактуется при этом весьма неоднозначно. Так, американский аналитик Дж. Сёрл истолковал его расширительно, включив в сферу интенциональных состояний и неосознанные, то есть стал рассматривать их как глубинные психические явления, из которых при этом производятся речевые (всегда осознанные) акты [5, с. 96—98, 100—106]. Он решительно выступил против так называемой компьютерной метафоры сознания [4, с. 20], а также против бихевиоризма, функционализма и т. п. Сёрл подчеркнул единство тела и сознания, мозга и ментальных состояний, не отказав сознанию в субъективности, связав ее во многом именно с интенциональностью. Интенциональность у него стала, по сути, синонимичной идеальности (идеальному в его классическом понимании). Философ, правда, в итоге не увидел в существующих концепциях сознания оптимальной, т. е. позволяющей объяснить его в должной целостности.

При всем накопленном опыте исследования сознания нельзя не признать и одновременный рост в этой сфере нерешенных проблем. Но попытки построения «кистинной» и исчерпывающей онтологической концепции сознания множатся. К определенным результатам, думается, может привести ориентация на поиск не столько неких «элементов» и функций сознания, сколько того, почему оно стало возможным во всех известных и во всех еще не открытых его ипостасях. На этом пути важно преодолеть подходы с сильными редуционистскими установками — такие, например, как теория отражения, трансценденталистские и космолого-натуралистские системы. К ним можно отнести и концепции аналитической философии, в свете которых сознание сводится к процедурам использования языка.

При всей несомненной и очевидной многомерности сознания следует принять аксиому его нерасчленяемости, цельности, несводимости ни к одному из своих проявлений. Создание подобной концепции возможно, в свою очередь, на базе признания целостности самого человека. Основы такого подхода были заложены, как известно, в немецкой антропологической школе, создатели которой — М. Шелер, Г. Плеснер, А. Гелен и другие — в попытке создания единой теории человека подчеркнули его внеприродность, а также бесконечность и уникальность человеческого духовного мира. Данный подход при всех авторских различиях вполне заслуживает быть концептуальной основой философии сознания.

Как известно, М. Шелер подчеркивал примат чувственности над другими способностями человеческого духа, выводя из этой способности стремление человека к идеалам, его духовное самотрансцендирование, творческие

---

¹ В чем-то более продуктивным может считаться эмерджентизм, но он все же лишь констатирующий принцип, не решающий задачи создания объемной и целостной онтологической модели сознания.

порывы. Человек, по его утверждению, есть «существо, превосходящее само себя и мир» [7, с. 60], отличающееся безграничной открытостью миру, способностью расширять всякие границы, выходить за них. Основным признаком человеческого духа Шелер считает «способность к разделению существования и сущности», которая «фундирует все остальные признаки» [7, с. 63], и прежде всего такие особенности сознания, как дистанцированность от мира и одновременно самодистанцированность.

Теория эксцентрического человека Г. Плеснера также заслуживает внимания в рассматриваемом плане. Понятием эксцентричности автор обозначает способность человека быть тождественным самому себе и одновременно отличным от самого себя, сильным и слабым существом, смеющимся и плачущим. Подчеркивая свойство человека отличать «собственное существование как индивидуальное лишь относительно возможности, что он мог бы стать и другим» [3, с. 148], Плеснер тем самым обосновал принципиальную неравновесность и неисчерпаемость человеческого существа.

Особый интерес представляет концепция А. Гелена, признавшего человека «неустановившимся» биологическим существом, «потерявшим» свое место в природе (экологическую нишу). Гелен обосновывал наличие у человека исходной бессознательной установки на самостоятельное движение к созданию собственного мира — мира культуры. Человек с его духовностью рождается, по мысли автора, как бы непосредственно из собственной природной недостаточности, неспециализированности, неопределенности. Человек как «лишенное в большой степени надежных инстинктов, предоставленное неопределенной полноте открытого мира» существо, утверждает Гелен, должен «отвоевать условия своего существования у мира, который биологически совершенно правильно определяется как “поле неожиданностей”», и при этом оно все время встречается с собой и постигает себя как задачу и проблему, будучи для себя самого “целью и предназначением обработки”» [1, с. 175, 176].

Довольно близко к антропологической школе примыкает концепция человека М. Бубера. Он обратил особое внимание на важнейшую потребность человека — способность «вживаться» в другого, что предопределяет *диалогичность* сознания. Диалогичность, в свою очередь, выступает выражением эксцентричности, а также предпосылкой и следствием *индивидуальности* сознания.

Определенную связь с антропологической школой можно обнаружить в психоаналитических учениях. Так Э. Фромм, например, писал: «Когда животное возвысилось над природой и, преодолевая чисто пассивную роль “твари”, стало (с точки зрения биологии) самым беспомощным животным, — *произошло рождение человека*» [6, с. 292]. При этом Фромм справедливо подчеркивал процессуальность человеческого существа, непрерывную борьбу человека за индивидуальность, за каждый шаг свободы [6, с. 295—296]. Таким образом, сознание здесь предстает способом выработки индивидуальности, аттрактором индивидуальности.

Последователи З. Фрейда особое внимание уделяли обоснованию единства человеческого организма, единства телесного и психического (в широком смысле, включая не только глубинные пласты, но и разум). К. Юнг в этой связи отмечал: «Различение тела и разума — это искусственная дихотомия, дискриминация, которая, несомненно, в большей степени основывается на своеобразии познающего интеллекта, чем на природе вещей. В действительности же взаимное проникновение телесных и психических признаков столь глубоко, что по свойствам тела мы не только можем сделать далеко идущие выводы

о качествах психического, но и по психической специфике мы можем судить о соответствующих телесных формах» [8, с. 624—625]. Такое представление нельзя считать реминисценцией вульгарного материализма, поскольку автор имел в виду только то, что мы вынуждены всегда судить «по известному о неизвестном» (по явленному о скрытом).

Свойственную философии марксизма (особенно советской эпохи) постановку проблемы сознания как психофизической проблемы, проблемы соотношения его с материей, видимо, следует оценить как недостаточно корректную, имеющую определенный смысл только в некоторых аспектах исследования сознания, преимущественно его перцептивных свойств. Сознание не может быть редуцировано к какому-либо одному его свойству, к одной функции, при этом оно не может быть и в абсолютной оппозиции к материальному миру. В целом же трактовка сознания как отражения в известной ленинской формулировке оставила за своими объяснительными рамками то, что делает сознание живым и творческим образованием.

Проявляя себя в деятельности и представляя продуктом социальных связей, с одной стороны, сознание выступает особым органом тела с определенным физиологическим назначением, а с другой стороны, оно не обладает характеристиками материальных тел (вода замерзает и кипит, а идея воды — нет). Кроме того, сознание способно быть опредмеченным в вещах, символах, социальных связях и процессах, создавая особый жизненный мир, на что и было обращено внимание представителей антропологической школы. С учетом всего сказанного сознание можно рассматривать *органом и функцией самопостроения и самопреобразования человека*, а тем самым инструментом *самопреобразования* (в сущности, эволюции) *природы* в целом, безотносительно к какому бы то ни было заранее заданному результату. Именно такой вывод представляется естественным в соответствии с концептуальным потенциалом антропологической школы. Хотя, все же надо отметить, что М. Шелер и Г. Плеснер всячески выражали несогласие с эволюционистскими объяснениями человека.

С другой же стороны, выводы самих сторонников эволюционизма, и в частности, такой философской школы, как эволюционная эпистемология, во многом находятся в общем смысловом поле с идеями философов-антропологов. Так, Э. Оэзер (E. Oeser) подчеркивает: «Создав человеческий мозг, эволюция дала специфический для данного вида пограничный орган, несущий в себе возможности *самопреодоления* и *самопреобразования* (курсив мой. — О. К.), и все же не выходящий за рамки механизма эволюции» [2, с. 82]. Правда, в отличие от антропологов Оэзер в итоге все-таки рассматривает сознание как информационный орган.

Антропологический подход обеспечивает преодоление крайностей многих позиций в философии сознания. Интеграция позиций на антропологической платформе позволяет осмысливать сознание во взаимной обусловленности его многомерности и целостности.

Список литературы

1. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 151—201.
2. Оэзер Э. Мозг, язык и мир. Формализм против натурализма в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 80—84.

3. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 96—151, 524—527.
4. Сёрл Дж. Открывая сознание заново: пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002. 240 с.
5. Сёрл Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 96—126.
6. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995. С. 273—596.
7. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31—95.
8. Юнг К. Психологические типы / сост. А. М. Руткевич. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. 716 с.

УДК 125

ББК 87.152.33

DOI: 10.46726/И.2020.3.15

В. Н. Финогентов

О СТРУКТУРНОЙ И ГЕНЕТИЧЕСКОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ НЕИСЧЕРПАЕМОГО УНИВЕРСУМА

В статье обсуждаются основные аспекты неоднородности неисчерпаемого (многообразно бесконечного) универсума: структурная (пространственная) неоднородность и генетическая (темпоральная) неоднородность. Выделяются и анализируются также такие стороны структурной неоднородности как номологическая неоднородность и субстратная неоднородность. Особое внимание уделяется такой составляющей генетической неоднородности, которая фиксируется понятием «темподесиненция». Критически анализируется концепция «онтологического негеоцентризма».

Ключевые слова: неисчерпаемый универсум, структурная (пространственная) неоднородность, генетическая (темпоральная) неоднородность, номологическая неоднородность, субстратная неоднородность, темподесиненция, онтологический негеоцентризм.

V. N. Finogentov

ON STRUCTURAL AND GENETIC HETEROGENEITY AN INEXHAUSTIBLE UNIVERSUM

The article discusses the main aspects of inhomogeneity of an inexhaustible (manifold infinite) universe: structural (spatial) heterogeneity and genetic (temporal) heterogeneity. Such aspects of structural heterogeneity as nomological heterogeneity and substrate heterogeneity are also identified and analyzed. Special attention is paid to this component of the genetic heterogeneity, which is captured by the concept of “tempodesinence”. The concept of “ontological non-geocentrism” is critically analyzed.

Key words: inexhaustible universe, structural (spatial) heterogeneity, genetic (temporal) heterogeneity, nomological heterogeneity, substrate heterogeneity, tempodesinence, ontological non-geocentrism.

Современная философия и современная наука нередко исходят из «презумпции однородности» мира (Вселенной). Причем чаще всего эта «презумпция» не формулируется эксплицитно, она просто принимается многими философами и представителями фундаментальной науки (космологии в частности) как своего рода очевидность. В соответствии с этой «презумпцией», мир (Вселенная) в некотором фундаментальном смысле однороден. В философии эта «презумпция» проявляется, например, в признании существования законов, действующих всегда и во всем мире (универсуме)¹. Такие законы называются также «всеобщими законами». В космологии она проявляется в частности в принятии космологического принципа, согласно которому Вселенная «в большом масштабе» однородна и изотропна.

В противоположность этому, онтология неисчерпаемого универсума, которую я развиваю на протяжении многих лет [8—12], исходит из презумпции неоднородности такого универсума.

Неоднородность неисчерпаемого универсума включает в себя две тесно связанные друг с другом стороны: структурную (пространственную) неоднородность и генетическую (темпоральную) неоднородность. Обсуждая далее две указанные стороны неоднородности неисчерпаемого универсума, я буду сопоставлять их с двумя аналогичными аспектами однородности универсума, признаваемой, как уже сказано, современной философией и современной наукой.

Структурная однородность мира проявляется в частности в том, что повсюду (во всех фрагментах мира) действуют одни и те же законы. Эту сторону структурной однородности мира логичной назвать его номологической однородностью. В фундаментальной науке номологическая однородность заявляет о себе в форме подразумеваемой возможности экстраполяции известных законов (и соответствующих научных теорий) на всю Вселенную. Так, когда-то на всю Вселенную распространяли законы классической механики. Вспомним в связи с этим название одного из законов, сформулированных И. Ньютоном: «закон всемирного (!) тяготения». Очень показательное название! Позже (во второй половине XIX века) на всю Вселенную попытались распространить второе начало термодинамики. Это привело, как известно, к формулировке нашумевшей в свое время гипотезы «тепловой смерти Вселенной». В двадцатом столетии на всю Вселенную распространили действие законов частной и общей теории относительности, а также законов квантовой теории и т. д. В философии признание однородности мира в рассматриваемом (номологическом) аспекте проявляется в признании существования всеобщих законов. Вспомним в связи с этим онтологию диалектического материализма, провозглашавшую, как хорошо известно, всеобщность так называемых основных законов диалектики (закона единства и борьбы противоположностей, закона взаимного перехода количественных и качественных изменений, закона отрицания отрицания).

Онтология неисчерпаемого универсума, исходящая из презумпции неоднородности универсума, конечно, не может принять идею номологической однородности универсума, не может согласиться с мнением, согласно которому философия способна сформулировать и обоснованно применять всеобщие законы. И, действительно, все аргументы, которые можно привести в пользу принятия обсуждаемой идеи, побиваются указанием на принципиальную

---

¹ Слова «мир» и «универсум» я использую здесь как синонимы.

ограниченность той сферы действительности, которая, так или иначе, освоена человечеством, а также указанием на то, что закономерности, установленные для этой — всегда конечной — области, некорректно переносить на весь многообразно бесконечный универсум.

Кроме номологической однородности структурная однородность универсума может проявляться также в так называемой субстратной однородности универсума, то есть в признании того, что все (и известные и неизвестные нам) фрагменты универсума субстратно тождественны. Признание субстратной однородности универсума, иначе говоря, означает, что все фрагменты универсума, как бы далеко они друг от друга ни находились, состоят в конечном итоге из одних и тех фундаментальных компонентов. Как известно, роль таких компонентов в современной науке играют «элементарные» частицы и соответствующие физические поля. Субстратная однородность универсума другими словами выражается как субстратное единство универсума (мира).

Надо сказать, что онтология неисчерпаемого универсума весьма критично относится к идее субстратной однородности (субстратного единства) универсума. И главная причина такого отношения к обсуждаемой идее нам уже хорошо знакома. Эту причину можно выразить в форме вопроса: на каком основании субстратные характеристики познавательно освоенной (всегда конечной) человечеством области действительности переносятся на весь многообразно бесконечный универсум?! Такой перенос правомерен только в том случае, если мы принимаем очень узкое понимание бесконечности универсума: если речь в данном контексте идет о так называемой алгоритмизированной бесконечности. Если же исходить из предположения о многообразной бесконечности (неисчерпаемости) универсума, то, разумеется, мы должны отказаться от гипотезы о субстратной однородности универсума в пользу гипотезы о его субстратной неоднородности. Иначе говоря, неисчерпаемый универсум характеризуется не только многообразной номологической, но и многообразной субстратной неоднородностью.

Теперь следует обратиться к обсуждению второго аспекта неоднородности неисчерпаемого универсума. В качестве такового, как уже было сказано, выступает его генетическая (или темпоральная) неоднородность. Генетическую неоднородность универсума проще всего пояснить, сопоставив ее с предполагаемой некоторыми онтологиями его генетической однородностью.

Генетическая однородность универсума может проявляться в частности в том, что всегда (на всех этапах существования структурно однородного универсума) в нем действуют одни и те же законы или, по крайней мере, законы, действующие на разных стадиях эволюции универсума, строго согласованы друг с другом. Генетическая однородность универсума означает также то, что бытие такого универсума является одномерно темпорально упорядоченным, то есть упорядоченным с помощью одного-единственного (общемирового) времени. Другими словами, это бытие представляет собой своего рода однонаправленное «шествие» универсума из бесконечно удаленного прошлого через настоящее в бесконечно удаленное будущее.

Если использовать понятие состояния, то сказанное можно выразить и иначе. А именно: генетическая однородность означает, что бытие универсума представляет собой бесконечную последовательность закономерно сменяющих друг друга состояний универсума, протянувшуюся из бесконечно далекого прошлого через настоящее в бесконечно удаленное будущее. Очевидно, что все эти образы генетической однородности вполне адекватны применительно

к конечному универсуму. По всей видимости, они адекватны также применительно к универсуму, которому свойственна описанная выше алгоритмизированная бесконечность.

Совсем иную картину мы должны иметь в виду, если говорим о неисчерпаемом универсуме. Так, например, весьма проблематичным является использование понятия состояния для описания неисчерпаемого универсума. Дело в том, что понятие состояния более или менее корректно применимо только по отношению к объектам, которые мы можем хотя бы в общих чертах целостно постичь и описать. Но, очевидно, что применительно к неисчерпаемому универсуму мы этого в принципе сделать не можем. Мы не можем этого сделать, прежде всего, потому, что такой универсум не является целостностью, а также потому, что такой универсум выходит за пределы любых мыслимых границ. И если я иногда использую ниже понятие состояния применительно к неисчерпаемому универсуму, то делаю это только ради краткости соответствующих формулировок. И делаю я это только тогда, когда использование этого понятия не может привести к явным недоразумениям.

Таким образом, бытие неисчерпаемого универсума не может быть представлено в виде одномерно упорядоченной последовательности его состояний. Вообще, все упорядоченности, а также все связи, закономерности и т. п., носят в таком универсуме сугубо локальный и частичный характер. Так, например, сугубо локальный характер в неисчерпаемом универсуме носят все темпоральные упорядоченности. Это означает, что локальными, то есть «привязанными» к данному региону универсума являются такие характеристики событий как раньше, позже, одновременно. Это означает также, что сугубо локальными, «привязанными» к соответствующему региону универсума, являются характеристики «прошлое», «настоящее» и «будущее». Это означает также, что у неисчерпаемого универсума нет глобального «настоящего», как, впрочем, нет у него и глобального «прошлого», и глобального «будущего».

Очевидно также, что генетическая (темпоральная) неоднородность неисчерпаемого универсума в свою очередь неразрывно связана с его структурной неоднородностью, кратко рассмотренной выше. Обобщенно говоря, генетическая неоднородность каждого фрагмента неисчерпаемого универсума состоит в том, что разные стадии бытия этого фрагмента не связаны однозначно друг с другом. В частности если использовать понятие «состояние фрагмента неисчерпаемого универсума» (отмечу в скобках, что использование этого понятия является все-таки менее проблематичным, чем использование понятия «состояние неисчерпаемого универсума»), то только что сказанное можно выразить так: предшествующее состояние этого фрагмента не определяет однозначно его последующее состояние. Дело в том, что каждое (актуальное) его состояние вносит свой собственный, пусть минимальный, вклад в продолжающееся бытие этого фрагмента. Таким образом, каждое из состояний этого фрагмента не есть просто передаточное звено в бытии этого фрагмента, оно, пусть минимально, изменяет и формирует это бытие.

Позволю себе обратить внимание уважаемого читателя на значимость только что сформулированного положения. Действительно, оно, с одной стороны, образует сердцевину генетической неоднородности, с другой стороны, оно указывает на онтологическое основание нескольких фундаментальных и до сих пор во многом таинственных феноменов. Среди этих феноменов находятся случайность, инновационность, необратимость, свобода и творчество. Как видим, в онтологии неисчерпаемого универсума в качестве такого

основания выступает именно неисчерпаемость (бесконечная сложность) каждого фрагмента универсума. Разумеется, эта констатация является слишком общей и, так сказать, неоперациональной. Иначе говоря, эту констатацию очень сложно конкретизировать: очень сложно показать, как именно неисчерпаемость (бесконечная сложность) каждого фрагмента универсума дает начало осуществлению указанных феноменов. Тем не менее, эту констатацию можно в какой-то мере конкретизировать, если обратиться к онтологической модели, построенной в моих предшествующих работах (см., напр.: [8]).

В этой трехуровневой модели бытия неисчерпаемого универсума в частности вводится уровень бытия бесконечного как такового. Именно наличие такого уровня бытия универсума делает этот универсум неисчерпаемым. Этот уровень бытия универсума, как показано в упомянутых работах, характеризуется, с одной стороны, абсолютной самотождественностью (это — мир полного отсутствия процессов, мир Парменида), с другой стороны, он характеризуется абсолютной несамотождественностью (это — мир полного хаоса, мир Кратила). Так вот, повсеместное присутствие мира Кратила и объясняет атрибутивную спонтанность (внутреннюю активность) каждого (актуального) состояния любого фрагмента неисчерпаемого универсума. Наличие этой атрибутивной спонтанности (внутренней активности) каждого (актуального) состояния данного фрагмента универсума приводит к тому, что каждое (актуальное) состояние рассматриваемого фрагмента вносит некое «искажение» в генетическую связь между последующими и предшествующими состояниями этого фрагмента. Следовательно, в бытии любого фрагмента неисчерпаемого универсума нет преддетерминизма и предопределенности.

Кроме того, в онтологии неисчерпаемого универсума ни у одного объекта нет бесконечно удаленного прошлого (и будущего). Дело в том, что, как уже сказано, в такой онтологии каждое состояние является не просто пассивным передаточным звеном от предшествующего к последующему, но непременно вносит в бытие свой собственный вклад в изменение и формирование этого бытия. И эти вклады актуальных состояний, в конце концов, полностью размывают изначальный импульс, запустивший соответствующий ряд состояний рассматриваемого фрагмента универсума. Так что рано или поздно определенность этого ряда утрачивается окончательно, а соответствующий фрагмент универсума радикально преобразуется. В таком случае мы имеем дело не с продолжением прежнего ряда состояний, а уже с новым рядом состояний.

Таким образом, вместо привычной онтологической картины, в которой мы видим множество рядов состояний протянувшихся из бесконечно удаленного прошлого в бесконечно удаленное будущее (вечно существующая, жестко детерминированная Вселенная), либо множество замкнутых рядов состояний (мир «вечного возвращения»), либо множество рядов состояний, имеющих общее начало и общий конец (временно существующая, жестко детерминированная Вселенная). Онтология неисчерпаемого универсума рисует бесконечно много локальных начинающихся и заканчивающихся рядов состояний. Конечно, степень локальности этих рядов может сильно меняться при переходах от одного ряда к другому.

Только что сформулированное имеет еще одну, так сказать, антропологическую проекцию. И эта «проекция» весьма драматична. Дело в том, что указанное признание неизбежности «размывания» и разрушения определенности всякого ряда состояний тождественно признанию неизбежности «размывания» и разрушения определенности любого субъекта бытия. Проще

говоря, бытие любого определенного субъекта бытия (атома, планеты, звезды и т. д.) имеет временный характер: каждый такой субъект когда-то возник, и когда-нибудь он неизбежно исчезнет. Это в полной мере относится также и к таким определенным субъектам бытия как человек, культура, общество. Таким образом, онтология неисчерпаемого универсума не совместима с какими бы то ни было мечтами о бессмертии человека и человечества [12, с. 11—79].

Познакомившись с только что сказанным мной о генетической неоднородности неисчерпаемого универсума, внимательный читатель наверняка скажет, а как же быть с принципом детерминизма, играющим фундаментальную роль в науке, в том числе в современной науке и в философии?! Ведь очень похоже на то, продолжит он, что ваше признание генетической неоднородности универсума и генетической неоднородности каждого фрагмента универсума отрицает этот принцип. В ответ уважаемому читателю я скажу, что это не так. Дело в том, что в рамках развиваемой мной онтологии генетическая неоднородность бытия соответствующего фрагмента универсума совсем не исключает наличия в этом бытии некоторой меры генетической однородности. И, таким образом, мое подчеркивание генетической неоднородности отнюдь не отрицает принципа детерминизма, который и является определенным выражением упомянутой генетической однородности бытия изучаемого фрагмента универсума.

Моя «презумпция неоднородности» отрицает в данном случае лишь примитивные, прямолинейные, абсолютизированные трактовки принципа детерминизма. В частности признание генетической неоднородности бытия каждого фрагмента неисчерпаемого универсума отрицает преддетерминизм, утверждающий, что предшествующее состояние этого фрагмента полностью и однозначно определяет его последующее состояние. Как известно, именно преддетерминизм, в естествознании известный также под названием «лапласовского детерминизма», отрицает возможность существования объективно случайного, делает невозможным объяснение необратимости и инновационности, всегда присутствующих в реальных процессах, отрицает реальность свободы и творчества человека. Но признание генетической неоднородности совсем не отрицает наличия существенной и определенной (специфической, в каждом конкретном случае) меры связи между последующими и предшествующими состояниями изучаемого фрагмента универсума. И, следовательно, это признание вполне совместимо с некоторыми, так сказать, «нелапласовскими» формами детерминизма.

С такой точки зрения, дело науки и философии заключается как раз в определении этой меры генетической однородности, специфической, как отмечено выше, для каждой области действительности. В качестве определенного шага в этом направлении можно рассматривать уже упомянутую трехуровневую онтологическую модель. Действительно, в ней кроме мира Кратила, обосновывающего атрибутивную спонтанность бытия каждого фрагмента неисчерпаемого универсума, присутствуют уже указанный мир Парменида, а также мир Лапласа (уровень бытия конечного как такового) и мир Бергсона (уровень бытия конечного, неразрывно связанного с бесконечным). И в каждом из этих миров (на каждом из указанных уровней бытия неисчерпаемого универсума) имеет место определенная мера однородности бытия, и, следовательно, в каждом из них присутствует определенная форма детерминизма (см.: [8—12]). И уже упомянутый лапласовский детерминизм,

а, следовательно, преддетерминизм и генетическая однородность имеют место только на уровне бытия конечного как такового.

Кстати, и в развитии науки прослеживается отчетливая тенденция перехода от жестких форм детерминизма к более гибким его формам. Хорошо известно, например, что однозначный лапласовский детерминизм давно уже оценивается в современной науке как явно устаревшая и, в общем, преодоленная наукой форма детерминизма. Не менее хорошо известно также, что в квантовой механике связи между состояниями изучаемых ею систем носят вероятностный характер. И, следовательно, применительно к квантовой области мы можем говорить о другой — вероятностной — форме детерминизма. В последние десятилетия существенный вклад в трансформацию детерминистских представлений, а, значит, в становление новой специфической формы детерминизма вносит развитие синергетики, исследующей процессы самоорганизации в системах самой различной природы. Исследователи соответствующей проблематики прекрасно знают также о своеобразии биологического и социального детерминизма, весьма далеких по своим характеристикам от однозначного лапласовского детерминизма, и т. д. Так что, повторяю, подчеркиваемая мной генетическая неоднородность бытия неисчерпаемого универсума совсем не противоречит представлениям современной науки о связях предшествующих и последующих состояний систем самого различного уровня и типа. Скорее наоборот, признание генетической неоднородности бытия универсума находится в русле развития представлений современной науки о многообразии связей такого рода и все более подтверждается этим развитием.

Итак, в онтологии неисчерпаемого универсума генетическая неоднородность свойственна всем субъектам бытия. Но, разумеется, степень этой неоднородности у различных субъектов бытия неодинакова. Определение степени этой неоднородности применительно к каждому типу субъектов бытия не является делом онтологии. Это — дело специальных наук, изучающих соответствующие типы субъектов бытия. В общем, о степени этой неоднородности можно сказать лишь, что она (степень генетической неоднородности) повышается по мере роста уровня организации соответствующих субъектов бытия. Так, особенно высокой степенью неоднородности обладают субъекты социального бытия, которым свойственна способность к актам свободы и творчества.

В генетической неоднородности неисчерпаемого универсума в качестве важной его стороны присутствует также номологическая неоднородность. Кратко говоря, она состоит в том, что на разных стадиях бытия соответствующего фрагмента универсума ему свойственны различные группы законов. Так, например, с точки зрения современной космологии, только в определенную (достаточно позднюю) эпоху ее эволюции и только в определенных регионах Вселенной сложились условия для формирования химических систем, а впоследствии — для формирования геологических и биологических систем. Очевидно, что вместе с формированием таких систем в соответствующих регионах Вселенной возникли новые (химические, геологические и биологические) закономерности, которых не было на предшествующих стадиях эволюции нашей Вселенной. Достаточно обоснованными являются также выдвигаемые многими космологами предположения, согласно которым на самых ранних стадиях эволюции нашей Вселенной в ней действовали

неизвестные современной космологии законы, существенно отличающиеся от законов, действующих в ней на нынешней стадии ее эволюции.

Номологический аспект генетической неоднородности содержит в себе и такую нетривиальную составляющую, которая фиксируется в форме предположения об эволюционном (историческом) характере законов природы. Это предположение указывает на то, что в эволюционирующем фрагменте универсума, каким является, например, наша Вселенная, вполне возможно эволюционируют также и законы, свойственные этому фрагменту.

С другой стороны, гипотеза эволюционном (историческом) характере законов природы встречается с серьезными трудностями. Дело в том, что ее принятие, как и принятие генетической неоднородности в целом, неизбежно приведет нас к отрицанию познаваемости прошлых (и будущих) состояний мира, значительно удаленных от нас во времени.

Действительно, если установленные нами законы имеют ограниченную (в плане темпоральной удаленности интересующих нас прошлых и будущих состояний соответствующего фрагмента универсума от его актуального состояния) область применимости, то эти — удаленные от нас во времени — состояния данного фрагмента универсума в некотором смысле становятся недоступными для нашего познания. Ведь именно законы, однозначно связывающие друг с другом последовательность предшествующих и последующих состояний, позволяют исследователям, находящимся в настоящем, «дотянуться» до сколь угодно удаленных от них во времени прошлых и будущих состояний соответствующего фрагмента универсума. Соответственно, отсутствие законов такого рода лишает исследователей возможности получить информацию об этих «сколь угодно удаленных от них во времени прошлых и будущих состояниях соответствующего фрагмента универсума». Все это так. Но онтология неисчерпаемого универсума, увы, несовместима с такой гносеологической позицией, согласно которой исследователи в принципе способны познать эти «сколь угодно удаленные от них во времени прошлые и будущие состояния соответствующего фрагмента универсума». Онтология неисчерпаемого универсума считает такую гносеологическую позицию излишне оптимистической. В неисчерпаемом универсуме, как уже отмечалось, все связи, в том числе и связи между предшествующими и последующими состояниями каждого фрагмента универсума, непременно локальны (имеют ограниченную область действия). И мы должны, наконец, попрощаться с привычной и очень привлекательной иллюзией, согласно которой у нас есть возможность познавательно «дотянуться» до сколь угодно удаленных от нас прошлых и будущих состояний изучаемого фрагмента универсума.

Кстати, это «прощание» с претензией на, по сути, божественную (беспредельную) познавательную способность, в общем-то, не так уж и трагично для человечества. Дело в том, что, во-первых, наши познавательные возможности в рассматриваемом плане все-таки весьма велики. Другими словами, даже в неисчерпаемом универсуме мы обладаем способностью получать определенную информацию о состояниях многих объектов, чрезвычайно удаленных от нас во времени. Так, уже современная наука (в частности, космология, астрофизика и геология), основываясь и на законах лапласовского типа, и на соответствующих законах эволюции, довольно уверенно протягивает свои «познавательные нити» в прошлое, а иногда и в будущее, на миллиарды лет. Кроме того, следует принять во внимание, что обсуждаемое «прощание» не ставит каких-то строго определенных пределов в познании

удаленных от нас прошлых и будущих состояний изучаемых фрагментов универсума. Обнаружение пределов такого рода — это дело именно специальных наук, углубленно изучающих соответствующие стороны нашего фрагмента неисчерпаемого универсума.

В связи с только что сказанным я должен сказать о еще одной принципиально важной стороне генетической неоднородности неисчерпаемого универсума. Она заключается в том, что упомянутое выше «искажение» генетической связи между предшествующими и последующими состояниями рассматриваемого фрагмента универсума, «искажение», вносимое каждым актуальным состоянием этого фрагмента, рано или поздно приводит к полной трансформации этой связи. Другими словами, бытие каждого фрагмента универсума всегда сопровождается, с одной стороны, затуханием некоторых из этих связей и, с другой стороны, становлением новых генетических связей. Это обстоятельство можно выразить и иначе. Дело в том, что связи такого рода можно рассматривать в качестве своего рода (онтологической) памяти, свойственной соответствующему фрагменту универсума. Иначе говоря, благодаря наличию связей такого рода, актуальное состояние этого фрагмента сохраняет в себе некоторые следы его предшествующих состояний. Так вот, повсеместное присутствие указанного «искажения» («размывания») этих связей, обусловленное атрибутивной активностью каждого актуального состояния любого фрагмента универсума, приводит к тому, что онтологическая «память» этого фрагмента имеет ограниченную, конечную силу. Другими словами, в каждом актуальном состоянии некоторого фрагмента универсума «стерты» те состояния (их характеристики и т. п.), в которых он находился в достаточно удаленном от этого состояния прошлом. Я неоднократно писал об этом феномене в предшествующих своих работах (см., напр.: [12, с. 58—64]), обозначая его термином темподесиненция, предложенным в свое время выдающимся советским исследователем С. В. Мейеном [7, с. 178].

Понятно, что у меня этот фундаментальный вопрос рассматривается здесь, так сказать, в сугубо принципиальном плане. Иначе говоря, сейчас мне важно подчеркнуть только то, что феномен темподесиненции свойствен бытию любого фрагмента неисчерпаемого универсума. Я не пытаюсь здесь давать какие-то количественные оценки отрезка времени, по прошествии которого, данный фрагмент полностью «забудет» свои прошлые состояния. Для получения таких оценок необходим «конкретный анализ конкретной ситуации». Для получения таких оценок необходимо изучать особенности генетической неоднородности, свойственные данному конкретному фрагменту универсума. Вполне возможно, что в каких-то фрагментах универсума феномен темподесиненции заявит о себе только по прошествии миллиардов, триллионов или еще значительно большего числа лет. В принципиальном плане это не имеет никакого значения.

Говоря о структурной и генетической неоднородности неисчерпаемого универсума, о бесконечной сложности каждого фрагмента такого универсума необходимо вспомнить, что в рамках диалектического материализма в свое время сложилась очень интересная в рассматриваемом плане концепция онтологического негеоцентризма.

Авторы, развивавшие эту концепцию (В. П. Бранский, А. С. Кармин и некоторые другие) исходили из предположения о «неоднородности всеобщего содержания атрибутов материального мира» и идеи «взаимозависимости между атрибутами материального мира». Эти исходные положения привели

авторов обсуждаемой концепции к выводу, согласно которому действительность — это множество миров, существенно отличающихся друг от друга по онтологическим параметрам [1, 2, 4]. И, естественно, эти миры значительно отличаются от «нашего», привычного нам, мира, поэтому эта концепция и называется концепцией онтологического негеоцентризма.

Представленная в общем виде эта концепция выглядит как вполне приемлемый вариант онтологии неисчерпаемого универсума. В самом деле, она, несомненно, утверждает бесконечность мира. Более того, она утверждает существование множества миров, существенно отличающихся от нашего мира. К сожалению, более внимательное знакомство с этой концепцией не позволяет рассматривать ее в качестве перспективного варианта онтологии неисчерпаемого универсума. Иными словами, концепция онтологического негеоцентризма при всей ее смелости остается в пределах уже знакомой нам онтологии, основанной на признании всего лишь алгоритмизированной бесконечности мира.

Я попытаюсь это показать.

Итак, во-первых, авторы и сторонники этой концепции остаются приверженцами убеждения, согласно которому мир представляет собой целостную систему. Так, В. П. Бранский пишет об этом: ««Мир» выступает как некоторая материальная система, регулирующаяся через систему взаимосвязанных атрибутов. Эта взаимосвязь имеет столь же объективный и универсальный характер, как сами атрибуты» [4, с. 589]. Любопытно, что точно так же, как и Ф. Энгельс, В. П. Бранский, по сути, никак не аргументирует предположение о том, что мир есть (целостная) система. По сути, для В. П. Бранского, как и для Ф. Энгельса, это не предположение, а бесспорная аксиома. А, ведь если мир бесконечен, то утверждение его системности, несомненно, нуждается в обосновании. И, на мой взгляд, обосновать его можно только в рамках очень узкого понимания бесконечности мира, в рамках которого бесконечность трактуется только как алгоритмизированная бесконечность.

Во-вторых, авторы и сторонники концепции онтологического негеоцентризма, утверждая множественность миров, полагают, что эти миры отличаются друг от друга лишь в некотором весьма ограниченном смысле. Дело в том, что в рамках обсуждаемой концепции во всех этих мирах имеет место один и тот же набор атрибутов («движение, пространство, время, взаимодействие и т. п.»), а отличаются миры друг от друга лишь соответствующими вариациями (модификациями) этих атрибутов. То есть, авторы и сторонники обсуждаемой концепции не осмеливаются предположить, что разные миры, фигурирующие в этой концепции, могут иметь разные наборы атрибутов, что какие-то атрибуты, свойственные нашему миру, могут отсутствовать в других мирах, что этим — другим — мирам могут быть свойственны иные атрибуты и т. п.

Об этих — других — мирах (я предпочитаю говорить не о других мирах, а о других фрагментах универсума) мало, что можно сказать, ведь они «другие». Но, во всяком случае, у нас нет серьезных оснований априори как-то ограничивать их свойства, например, приписывать им тот же самый набор атрибутов, который свойствен нашему миру (нашему фрагменту универсума).

Впрочем, можно предположить, что среди этих — других — фрагментов универсума, во-первых, будет немало таких, которые имеют много общего с нашим фрагментом универсума. Это — фрагменты универсума, которые в том или ином смысле примыкают к нашему фрагменту универсума. Во-вторых, среди этих (других) фрагментов универсума есть и такие,

которые совсем мало похожи на наш фрагмент универсума, в том числе и набором своих атрибутов. В принципе, при наличии достаточной настойчивости, фрагменты и первого и второго рода могут быть в будущем познаны человечеством. Отмечу также, что на любой стадии развития человечества, в частности на любой стадии развития человеческого познания человечество может встретиться только с фрагментами указанных видов. И такая встреча будет означать превращение вновь освоенных фрагментов в регионы нашего фрагмента и соответствующее расширение нашего фрагмента универсума. В-третьих, среди этих (других) фрагментов универсума непременно есть также фрагменты, совершенно непохожие на наш фрагмент. И самое главное, с точки зрения онтологии неисчерпаемого универсума, таких — совершенно непохожих на наш фрагмент универсума — фрагментов универсума бесконечно много.

Причем, я подчеркиваю это специально для сторонников монотеистического мировоззрения, среди этих — совершенно непохожих на наш фрагмент универсума — фрагментов, разумеется, нет «иноного» (божественного, небесного и т. п.) мира. Такого («иноного») мира нет среди них хотя бы потому, что эти фрагменты поистине трансцендентны. Иначе говоря, они всегда останутся за пределами нашего познания, за пределами нашего опыта. А «иной» мир монотеистов, как известно, имеет слишком много общего с нашим миром.

Здесь, разумеется, возникает вопрос: а существуют ли фрагменты этого третьего типа, то есть поистине трансцендентные фрагменты? Этот вопрос, тем более, важен в свете обоснования предположения о том, что именно «движение, пространство, время, взаимодействие и т. п.» являются атрибутами в полном смысле этого слова, то есть атрибутами, присущими всем мирам (фрагментам универсума), даваемого сторонниками рассмотренной выше концепции онтологического негеоцентризма. Так, В. П. Бранский пишет в связи с этим: «движение, пространство, время, взаимодействие и т. п.» «фактически представляют собой не что иное, как объективные условия принципиальной наблюдаемости объекта исследования» [4, с. 589]. Иначе говоря, по В. П. Бранскому, объекты, лишенные перечисленных атрибутов, будут принципиально не наблюдаемы (то есть, не наблюдаемы ни прямо, ни косвенно, ни актуально, ни потенциально), и, следовательно, не могут объективно существовать. Таким образом, в соответствии с этой логикой, выделенные мной фрагменты неисчерпаемого универсума третьего типа, то есть фрагменты, которые всегда останутся за пределами нашего опыта, не существуют, и не могут существовать. Надо сказать, что правомерность использования В. П. Бранским и его единомышленниками указанного критерия существования в данном контексте представляется мне спорным.

Действительно, субъект обычно убеждается в существовании объекта через то или иное взаимодействие с ним, в частности через наблюдение этого объекта. Соответственно, если нам кто-то в обычной ситуации скажет, что некие объекты (к примеру, русалки или кентавры) существуют, хотя их в принципе невозможно наблюдать, то мы, конечно, должны решительно не согласиться с этим утверждением. Но в некоторых ситуациях принципиальная невозможность для субъекта взаимодействовать с этим объектом отнюдь не доказывает несуществования этого объекта. Так, например, в нашем случае речь идет о существовании или несуществовании определенного типа фрагментов многообразно бесконечного (неисчерпаемого) универсума. И применительно к этим — совершенно необычным — объектам привычный

нам критерий существования (то есть, возможность взаимодействия с ними, в частности возможность их наблюдения), на мой взгляд, не работает.

Сначала я поясню это на математическом примере. Рассмотрим бесконечную последовательность натуральных чисел. Понятно ведь, что какие бы громадные числа мы ни называли, к примеру, гугол (десять в сотой степени) или гуголплекс (десять в степени гугол), мы всегда останемся в самом начале этой бесконечной последовательности. И, разумеется, в этой последовательности всегда останутся числа, которые неизмеримо больше чисел, называемых нами. Существуют ли эти гигантские числа, которые мы никогда не назовем, и с которыми никогда не будем иметь дело? Я думаю, что нет оснований для сомнений в этом. Правда, как и любые математические объекты, эти гигантские числа существуют в некотором специфическом смысле этого слова. Я, конечно, не буду здесь углубляться в проблему своеобразия этого смысла. Приведенная математическая иллюстрация, на мой взгляд, достаточно наглядно показывает, что на вопрос о существовании фрагментов универсума, в некотором (не только в пространственном) смысле бесконечно удаленных от нас, фрагментов, с которыми мы никогда не будем взаимодействовать, вполне правомерен положительный ответ.

К этому же выводу можно прийти и другим путем. Как уже подчеркивалось, время существования человечества является конечным. В таком случае добившееся колоссальных познавательных успехов человечество, которое закончит свои дни в далеком будущем, в плане познания и освоения отличается от нынешнего человечества только количественно. Для наглядности можно связать фрагмент неисчерпаемого универсума, познавательно освоенного нынешним человечеством, с каким-то большим числом (к примеру, с гуголом). Соответственно, фрагмент неисчерпаемого универсума, освоенный будущим человечеством, добившимся упомянутых «колоссальных познавательных успехов», можно связать, к примеру, с гуголплексом. Понятно, что точно так же, как и гугол и гуголплекс являются исчезающе малыми, сравнительно, с бесконечно большой величиной, так и фрагмент универсума, освоенный будущим человечеством, добившимся «колоссальных познавательных успехов», является исчезающее малым, сравнительно с неисчерпаемым универсумом. Иными словами, на любой стадии развития человечества ограниченными являются не только его актуальные, но и потенциальные наблюдательные (познавательные, преобразовательные) возможности. В таком случае какое право мы имеем отрицать существование тех фрагментов неисчерпаемого универсума (а имя им легион), которые всегда останутся за пределами наблюдательных возможностей человечества?

Таким образом, отрицательный ответ на вопрос о существовании фрагментов бесконечно удаленных от нас универсума, фрагментов, которые мы никогда не сможем наблюдать, по моему мнению, был бы откровенно антропоцентричным. Или, если использовать терминологию авторов обсуждаемой концепции, — явно геоцентричным.

Как видим, интересную и чрезвычайно смелую для своего времени концепцию онтологического негеоцентризма некорректно рассматривать в качестве варианта онтологии неисчерпаемого универсума.

Говоря о структурной и генетической неоднородности неисчерпаемого универсума, нельзя не вспомнить также о таком неклассическом философском учении, которое носит весьма красноречивое название «гетерология» (от греческих слов *heteros* — другой, *logos* — учение). Как видим, само название этого

учения указывает на то, что в нем центральное место занимает идея разнородности всего сущего. Поэтому очевидно, что онтология неисчерпаемого универсума, одним из основоположений которой является принцип презумпции неоднородности бытия, так или иначе, переключается с гетерологией.

Различные варианты этого учения (гетерологии) разрабатывались во второй половине двадцатого века в трудах Ж. Батая, Э. Левинаса, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Дерриды и других западных мыслителей постмодернистской ориентации. Все они, так или иначе, критикуя классический вариант философии, абсолютизируют гетерогенность (разнородность, множественность, фрагментарность, неопределенность) бытия, уделяя в своих исследованиях преимущественное внимание не вопросам онтологии, которым преимущественно и посвящена моя статья, а проблемам философской антропологии и социальной философии.

К сожалению, я не могу комментировать здесь сколько-нибудь подробно это интересное, но очень неоднозначное и довольно темное, на мой взгляд, учение. Тем более, что в современной отечественной философии гетерология систематически и весьма квалифицированно обсуждается и разрабатывается в книгах Т. Х. Керимова, к трудам которого я и отсылаю заинтересованного читателя [5, 6].

Список литературы

1. *Бранский В. П.* Философское значение проблемы наглядности в современной физике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 192 с.
2. *Бранский В. П.* Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 175 с.
3. *Бранский В. П.* Множественность миров // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 2. С. 589.
4. *Кармин А. С.* Познание бесконечного. М.: Мысль, 1981. 230 с.
5. *Керимов Т. Х.* Бытие и различие: генеалогия и гетерология. М.: Академический проект, 2011. 256 с.
6. *Керимов Т. Х.* Социальная гетерология. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. 115 с.
7. *Мейен С. В.* Введение в теорию стратиграфии. М.: Наука, 1989. 216 с.
8. *Финогентов В. Н.* Время, бытие, человек. Уфа: [б. и.], 1992. 221 с.
9. *Финогентов В. Н.* И ропщет мыслящий тростник. Уфа: Изд-во Уфим. технол. ин-т сервиса, 2000. 181 с.
10. *Финогентов В. Н.* Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М.: Либроком, 2009. 304 с.
11. *Финогентов В. Н.* Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел: Картуш, 2012. 333 с.
12. *Финогентов В. Н.* Человек на грани небытия: Философские этюды. Орел: Картуш, 2015. 248 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

BALDIN Kirill Yevgenyevich — Doctor of Science (History), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kebaldin@mail.ru

БЕЛОЗЕРОВА Александра Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, belozerova.alexandra@gmail.com

BELOZEROVA Aleksandra Vladimirovna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of English Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, belozerova.alexandra@gmail.com

БЕЛОУСОВ Павел Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, kafedra-fir@mail.ru

BELOUSOV Pavel Alekseevich — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia, kafedra-fir@mail.ru

БРАГИН Андрей Витальевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, г. Иваново, Россия, anvibr@mail.ru

BRAGIN Andrey Vitalievich — Doctor of Science (Philosophy), Professor of History and Philosophy Department, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russia, anvibr@mail.ru

БУЛЫЧЁВ Игорь Ильич — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Россия, igor-algorithm@mail.ru

BULYCHEV Igor Iyich — Doctor of Science (Philosophy), Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia, igor-algorithm@mail.ru

БЫСОКОВИЧ Ксения Олеговна — аспирант, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, ksusha161094@gmail.com

YYSOKOVICH Ksenia Olegovna — Postgraduate Student of the Chair of Literature Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia, ksusha161094@gmail.com

ГОРЕЛОВ Олег Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории литературы и культурологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox

GORELOV Oleg Sergeevich — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Theory, History of Literature and Cultural Studies of the Philological Faculty, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, og-rus@inbox

ГРИГОРЯН Ашот Арамович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

GRIGORYAN Ashot Aramovich — Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, yerkat@yandex.ru

ГРИГОРЯН Алла Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Ивановский энергетический университет, г. Иваново, Россия, apour@yandex.ru

GRIGORYAN Alla Yurievna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ivanovo State Power University, Ivanovo, Russia, apour@yandex.ru

КОВРОВ Тимур Артушевич — аспирант 2 года обучения направления 46.06.01. «Исторические науки и археология» направленности «Отечественная история», кафедра истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, covrov.t@yandex.ru

KOVROV Timur Artushevich — Postgraduate Student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, covrov.t@yandex.ru

КУЛИКОВА Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, г. Иваново, Россия, kulickovaolg@yandex.ru

KULIKOVA Olga Borisovna — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of History and Philosophy Department, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russia, kulickovaolg@yandex.ru

ОКОЛОТИН Владимир Сергеевич — доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru

OKOLO TIN Vladimir Sergeevich — Doctor of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru

ПОХАЛЕНКОВ Олег Евгеньевич — доктор филологических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, olegpokhalenkov@rambler.ru

POKHALENKOV Oleg Evgenyevich — Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia, olegpokhalenkov@rambler.ru

САМОТОВИНСКИЙ Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, samotov@mail.ru

SAMOTOVINSKIY Dmitriy Vladimirovich — Candidate of Science (History), Associate Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russia, samotov@mail.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Россия, ys@abhinanda.elcom.ru

TIMOSCHUK Alexey Stanislavovich — Doctor of Science (Philosophy), Professor of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, ys@abhinanda.elcom.ru

ТРОФИМОВА Наталья Николаевна — кандидат юридических наук, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Россия, human@vui.vladinfo.ru

TROFIKOVA Natalya Nikolaevna — Candidate of Science (Law), head of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, human@vui.vladinfo.ru

ФИНОГЕНТОВ Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и гуманитарных дисциплин, Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина, г. Орел, Россия, v_fin@mail.ru

FINOGENTOV Valeriy Nikolaevich — Doctor of Science (Philosophy), professor of Linguistics and Humanities Department, Oryol State Agrarian University named after N. V. Parakhin, Oryol, Russia, v_fin@mail.ru

ХАЧИКЯН Елена Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, helena64@bk.ru

KNASHIKYAN Elena Ivanovna — Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Head of the Department of Literature, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia, helena64@bk.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)).

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.).

Периодичность издания – четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языке;

2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы / учебы или соискательства – на русском и английском языках; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты);

3) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

• Серия «Гуманитарные науки»

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля: верхнее – 2,7 см, левое и правое – 4 см, нижнее – 4,6 см; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 11; межстрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы – не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи – не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

В верхнем левом углу индексы УДК и ББК.

На следующей строке в верхнем правом углу *полужирным курсивом* (Times New Roman 12) – *инициалы и фамилия автора* статьи на русском и английском языках.

Через интервал название статьи – выравнивание по левому краю, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом**, Times New Roman 12 – на русском и английском языках.

Через интервал аннотация на русском и английском языках (150–250 слов) – Times New Roman 10; словосочетание «*ключевые слова*» и «*key words*» – *полужирным курсивом* – Times New Roman 10, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5–6) – Times New Roman 10.

Далее через интервал – основной текст.

После основного текста через 1 интервал следует *Список литературы* (Times New Roman 10, ФИО авторов *курсивом*). Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1–2003, 7.0.5–2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс – даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически;
- между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);

- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, цельсообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие *этические правила сотрудничества редколлегии и авторов*.

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИвГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37/7, к. 406.

Более подробная информация – на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2020. Вып. 3**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
корректор *М. В. Серебрякова*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.09.2020 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 11,55.
Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 40 экз. Заказ № 99. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- **ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА**
- **ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)**
- **ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)**

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным, общественным,
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально